

ТЕНИ

Елена Колесник

Андрей Федорив

МОСКВА
2007

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 60

Художественное оформление Марии Басиповой

Колесник Е., Федорив А.

К 60 Тени / Елена Колесник, Андрей Федорив. — М. :
Бослен, 2007. — 400 с.

ISBN 978-5-91187-027-0

Бывший спортсмен, помогая малознакомой девушке вернуться в Москву после отдыха в горах, оказывается втянутым в войну магов за обретение возможности путешествия по другим мирам и освобождения из круга жизненных повторений. Согласно тайным знаниям, с особой осторожностью передававшимся от посвященных к посвященным различных эзотерических обществ и орденов по всему миру, его новая знакомая является своеобразным проводником для передачи откровения и «дверью» в другие миры.

Скептически относясь к происходящему вначале, он впоследствии постепенно осознает серьезность невидимой и опасной борьбы, открывая в себе ранее скрытые способности, и понимает, что открыть так называемую дверь стремятся с обеих сторон. Или сторон бесконечное множество? Другие миры или другие реальности? В стремлении найти ответы на рождающиеся у него в голове вопросы он встречается с магом, который дает ему ключ...

Книга основана на реальных событиях.

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-91187-027-0

© Колесник Е., 2007
© Федорив А., 2007
© Оформление. ООО «Бослен», 2007

Эта книга содержит оригинальный текст рукописи, автор которой — участник описываемых в ней событий. Параллельно тексту рукописи публикуются дневники, имеющие непосредственное отношение к случившемуся. Отрывки из дневников вставлены в рукопись без каких бы то ни было изменений. Некоторые несовпадения при описании одних и тех же событий в текстах рукописи и дневников оставлены и не исправлены намеренно, чтобы донести до читателя непредвзятое, более полное и объемное представление о происшедшем.

Понял ОН, что не вечен,
и расстроился...
Но продолжалось это недолго —
ОН быстро осознал, что происходит:
ОН изменялся,
ОН таял,
медленно,
настолько медленно, что трудно
заметить.
Но ОН заметил:
ЕГО уничтожало Время;
«Что ж, — подумал ОН,
— Время было, Время есть,
Времени больше не будет...»
И ОН изменил себя так,
что вместил Время.
Теперь Время было внутри НЕГО,
ОН сам стал Временем,
оставаясь собой.
Для этого пришлось изменить
Законы и Числа.
Пришлось создать внутри себя НЕЧТО,
НЕЧТО, что изменялось бы под
действием Времени,
оставляя тем самым Его —
неизменность, вечность и покой.
ОН уснул...

НЕОН не хотел быть вечным,
ОН хотел изменяться,
ОН любил игры со Временем.
Радость изменения привлекала ЕГО
больше, чем угрюмая вечность,
но ОН не мог бороться с самим собой,
ОН вообще не умел бороться.
ОН заглянул в себя:
НЕЧТО бурлило и начинало быть;
Время загоралось и гасло,
распадаясь на миллионы маленьких
искрящихся огней...
Огненные змейки вспыхивали,
извивались, закручивались, замыкаясь
сами на себя;
Время, как безумная змея, кусало
свой хвост.
ОН с интересом наблюдал
за движением внутри себя —
происходящее заворачивало и манило,
сознание расширялось и вмещало
границы,
И ОН почувствовал, что падает,
падает в себя,
подставляя себя Времени:
Новая игра,
Новый мир,
Новая Вселенная.

ОН проснулся.
Что-то внутри его оторвалось
и падало...

Глава 1

«...Нужно это убить. Убить в себе себя. А что останется? Останется человеческая природа. И я стану, как все. Я буду просто жить. И радоваться жизни. Зачем? И как это осуществить, если знаю, что жизни нет, что жизнь — это иллюзия, сплошь фантазия человеческого сознания. Нет ничего более несуществующего, чем жизнь. Ну и что? Жизнь — это этап, ступень, игра. Без нее нет пути дальше. Надо себя заставить. Сколько вокруг счастья. Сколько сознаний радуется. Они радуются всему. Неужели у меня не получится? У меня есть сын — чисто человеческое приобретение. Наверное, я его люблю. Любовь. Надо влюбиться в мужчину. Чтобы боль в затылке и дышать нечем. Легко сказать! Я даже не знаю, как это бывает. Но я ведь много чего люблю. По аналогии, и вперед. Так что же я люблю? Или не люблю?

Люблю море, океан, горы, сосны, эвкалипты, мокрый песок. Не люблю неряшливость, фанатизм, самодовольство, категоричность. Люблю летать, плавать, ходить босиком, слушать шум дождя и океана. Не люблю, когда давят, кричат, унижают и обижают слабых. Люблю самолеты, корабли, скрипку, сноуборд, снег хлопьями, влажный морской воздух, запах кофе, имбиря и апельсинов. Не люблю толпу, пробки, грязь, серость, кислые подмышки, жеманную, еле внятную, липкую, искаженную ошибками речь. Люблю, когда мне дуют в уши, наглые огни городов, замороженность сердца, удивление души. Не люблю, когда в воображе-

нии заводятся гниды, не люблю искусственные цветы и искусственных людей. Боюсь химического процесса, который начинается в моей душе от созерцания того, что я не люблю. Не боюсь остаться одной и быть отвергнутой ради кого-то другого, не боюсь покинуть все то, что мне суждено оставить. Стоп. Достаточно. Последнее уже совсем лишнее. Человеческого во мне вполне хватает. Для начала. Вперед!».

Она захлопнула ноутбук.

С грустью проводив глазами последнюю отъезжающую от гостиницы машину, обвешанную цветастыми лыжными чехлами, она отошла от окна и плюхнулась на кровать.

«Крысы бегут с корабля».

Непогода, нескончаемый снег и свирепый ветер гнали отважных горнолыжников, сноубордистов и всех тех, кто с ними, в аэропорт. Впрочем отважные как раз и остались...

Она закрыла глаза и попыталась прочувствовать, как долго еще продлится ураган, практически уничтоживший на прошлой неделе верхнюю станцию «канатки». Не прочувствовала. Хотя если самолеты уже начали летать, то, наверное, скоро.

Запрыгал на комод, пронзенный виброзвонок и искусственное сердце, мобильный телефон. Лицо расплзлось в удовлетворенной улыбке. Звонил он. На экране, над строкой с определенным номером замелькало расколотое пополам сердечко.

Она познакомилась с ним в Интернете, никогда не видела в лицо и набирала его номер, только когда наваливалась скука и тоска. Не чаще. На этот раз она вспомнила о нем, когда началась эта снежная буря. Он проникся, вошел в положение и теперь звонил ей каждый день, пытаясь развлечь и поддержать. Они болта-

ли часами, ни о чем, платя за удовольствие условными единицами, методично списываемыми с их телефонных счетов. Вчера купила в баре бутылку коньяка и выпила ее в «прямом эфире». То, что он на своем конце пил какую-то водку или настойку, не испортило праздника. Для нее он был голосом. Просто голосом. И только голосом. Низким, приятным и спокойным. Пусть озвучивал этот голос не всегда то, что хотелось слышать, нравился он ей все больше и больше. И все чаще и чаще представляла она себе того, кто этим голосом обладает, пробуждая неокрепшее еще желание с ним встретиться. Сразу после знакомства в сети они пытались пересечься в кофейне, но по каким-то причинам эта встреча откладывалась и переносилась, вероятно, потому, что не хватало сильного желания. Она решила, что мужчин у нее и без того — более чем достаточно, а просто голоса в ее жизни еще не было. Очень даже романтично. Иметь такой голос. Что думал он — неизвестно, в любом случае на встрече он тоже особо не настаивал. Так и тянулось — вяло. Зато теперь ожидалось — спасибо буре.

Она нажала на кнопку вызова:

— Алло, добрый день...

И понеслось... Условные единицы запрыгали, падая в чей-то невидимый карман. Душа расцвела. Снег и ураган отступили перед превосходящими по силе потоками сознания.

— Буря, снег, метель. Никакого просвета. Подъемники стоят, вертолет не взлетает. Конец света. Чтобы понять, на каком я свете, сегодня с утра пошла в гору ногами. Одна. Представляешь? Ветер отодрал не только одежду от тела, но и кожу от костей. Свет, безусловно, еще этот, но теперь я без кожи. Хочешь взглянуть?

Он, видимо, хотел.

Она продолжала:

— Самые последние из самых прозорливых только что зачехлили все, что можно было зачехлить, и рванули в аэропорт. Остались, наверно, только братья Ардо. Шутка. Сейчас пойду посмотреть, кто еще остался.

В дверь стучали. В дверь уже не стучали. В нее вошли.

— Извини, Кирилл, тут ко мне пришли. Я тебе попозже перезвоню. Целую.

— Опять затяжная беседа с далеким другом? — Давид сел в кресло, вытянув ноги, Данил остался стоять в дверях. — Что это за телефонная любовь-морковь такая?

Несмотря на то, что братья-близнецы были похожи, как два передних колеса ее «Audi», — различала она их безошибочно, даже тогда, когда они хотели ее разыграть. Братья владели в этих местах практически всем, в том числе и гостиницей, в которой она жила, а в свободное от производственных проблем время катались на досках. Очень хорошо катались. Лет пять назад они сумели взять в аренду эмчээсовский вертолет, и теперь любители экстрима могли добираться до склонов, на которые не ступала еще нога человека, и прокладывать свой собственный путь по высокогорью. От иностранцев отбоя не было. В Альпах подобное развлечение стоило на порядок дороже и только при предъявлении лицензии. Здесь — плати деньги и лети. Если не боишься. Она не платила. Она была своя. Знала братьев Арно с детства и верила им, как себе, может быть, даже больше.

— Ну, и что у нас плохого? — она села на кровати.

— Да, брось ты, Кира, все хорошо. — Давид обнял ее за плечо. — Посмотри в окошко. Огромные белые мухи. Разве они не замечательные? Ветер поет. Слы-

шишь? Для тебя поет. Как выводит! Для тебя когда-нибудь пел ветер?

— Это он для вас поет. А я кататься хочу. В тишине. Нам в Москву скоро. Между прочим, каникулы уже кончились. Апрелью в школу пора.

— Твоему Апрелью можно вообще не учиться. У него голова, как моих три. А потом, при чем тут Апрель? Посадим его на самолет, как обычно, и пусть себе учится. А мы завтра летим на нашей стрекозе на южный склон. Синоптики дали отмашку. Готовься.

— Ура! А разве кроме нас кто-нибудь остался?

— Больше целого. — Данил подошел к окну. — Послезавтра будет солнце. Ликуйте!

После ликования, которое закончилось глубоко за полночь, Кира долго не могла уснуть. Решив особо не упорствовать, она открыла ноутбук и стала печатать.

«3 апреля. Слишком уж это хорошо, чтобы быть... С первого раза нарвалась сразу на то, что надо. Или не надо? С чего это я решила? Чувствую. А я и должна была нарваться на него с первого раза. Иначе никак. Зачем же тогда упражнялась я всю жизнь с мыслеформами, чтобы получить его со второго. Теперь главное понять, почему именно он. Что в нем такого, что поможет мне или спасет меня? Он идет вверх. Или нет, он, похоже, никуда не идет. Это уже хорошо. Он играет. Хочет скрыть свою суть. Хочет быть выше ограничений, которые накладываются другими. Хочет казаться все время разным, непредсказуемым, раскрепощенным, свободным. Иногда, пожалуй, слишком увлекается. Впрочем, он неплохо вжился в свою роль, но это только роль, и внутри у него все по-другому. Часто не уверен в себе, боится получить отказ в любой форме, даже по телефону. Поэтому заранее готов его получить, тем самым ограж-

дая себя от различного рода переживаний. Хочет быть свободным от желаний...»

Через неделю, когда всюду светило солнце и в гостиницу с новой силой хлынули отчаянные сноубордисты, горнолыжники и те, кто с ними, Кирин номер обчистили, освободив ее от камеры, фотоаппарата и ноутбука, не считая того, что взяли по мелочи. Перед тем, как это случилось, в ее ноутбуке появилось еще несколько записей.

«5 апреля. Вчера, несмотря на жуткий снег, взлетели. Летчик сказал, что наверху чисто. Ждите! Игорь ныл всю дорогу. Николас тоже мучился, но виду не показывал. Как истинный американец, повесил на себя еще одну пищалку. Да хоть обвешайся! При такой видимости и ветре — одно неверное движение, и никакие пищалки не помогут. Ну, если только труп побыстрее найдут... Дэвид с Фридом вообще остались в вертолете. У одного, видите ли, крепление ослабло, второй даже объясняться не стал... Их право. Чего летели? В итоге спускались сначала впятером. Давид, как всегда, ринулся вперед, потом мы с Данилом, за нами Игорь с Николасом. На «точке» — двое последних остались ждать вертолет. Данил немного повредил кисть, но нас с Давидом одних не оставил. Давид опять взялся за старое. Говорит, что это он вызвал эту бурю. Не может успокоиться. Пару раз пытался меня подсечь, осторожно, правда, чтоб никто не догадался. Зачем? Ну, вернуться я опять. Понравилось у койки моей сидеть? Впрочем, сидеть уже, вероятно, необходимости не будет... На «Чайке» отдыхали минут двадцать. Забинтовали Данилу кисть. У меня безумно разболелась спина. Давид молчал и лупоглазился. Мы с Данилом болтали о Кирилле. Данил не верит, что я его ни разу не видела, и вообще не верит, что я могу так нежно к кому-то относиться. Я сама не верю. Но факт. Данил говорит: по-

проси его приехать. Приедет — значит судьба, если нет, говорит, мы с Давидиком судьбу тебе здесь подыщем. Ту судьбу, от которой не уйдешь. И смеется. Давид резко вскочил и ринулся вниз, практически в пропасть. Ну и мы за ним...

Вечером писательница Фаина пригласила нас с братьями Арно на ужин. Читала нам что-то, даже пела. Арно внимали, хоть и начали изрядно уставать от ее болтовни. Я тоже старалась, как могла, изображать участие. Получилось хреново. Налегала на виски. Так что можно было все списать на невменяемость. Во время ужина позвонил он. Я вышла, вернулась минут через сорок. И опять услышала о своей неземной любви. Фаина, уже изрядно подпитая, требовала предъявить предмет моей страсти... Давид проводил даму к себе и быстро вернулся. Данил тем временем погрузился в воспоминания десятилетней давности, когда мы втроем занимались любовью. Юбилей, говорит, надо отметить, а при сложившихся между нами отношениях это настолько естественно, что вообще не подлежит обсуждению... Я сделала вид, что не услышала или не поняла. В общем, пропустила мимо ушей. Он сделал вид, что ничего не говорил, и повторять не стал».

«7 апреля. В нем есть что-то, что притягивает. Меня! — Бред! Меня ничто уже не может притянуть. Он не такой, как я, но я чувствую, что он очень близок мне. Какой он? Лучше не знать. Да продлится эйфория! Может, все-таки попробовать с ним встретиться? — Зачем? Я ведь падаю».

«11 апреля. Он сам не знает, что у него внутри. Вот его и колбасит. От саморазвития. А все уже развито. Нужно только заглянуть в себя».

«12 апреля. Падаю все неувереннее. Все-таки я с ним увижусь. Я чувствую — он мой. Кожей. Прилечу,

и сразу с ним встречусь. А чтобы не передумать, попрошу его забрать меня из аэропорта».

Кроме комнаты Киры обокрали еще несколько номеров. Воров усиленно искали, но не нашли. Как обычно. Пропажа Киру не очень расстроила. Жаль было ноутбука. Она иногда выходила с его помощью в Интернет. Впрочем, все равно уже скоро уезжать. Давид предложил свои услуги по покупке билетов на самолет. Просил Киру не волноваться — он съездит в город и все устроит.

События, происшедшие впоследствии, насаживались на нить времени, словно безумные бусы, цепляя друг друга и временами кусаясь.

На обратном пути в гостиницу, на перевале, Данил не справился с управлением на скользкой дороге, машина пролетела по камням больше двадцати метров и повисла над пропастью. Данил выжил, но лежал теперь без сознания в единственной городской клинике. Клиника, правда, в результате этого чудесным образом преобразилась. Появились вазы с цветами, новые занавески и тупые охранники. Озабоченные врачи и перепуганные медсестры только и говорили о том, что у них лежит Ардо, собственной персоной. Кира с Давидом отвезли Апреля в аэропорт, посадили в самолет и пожелали пятерок. Кира пообещала прилететь, как только Данилу станет лучше. Апрель помахал рукой любимой мамочке, подмигнул Давиду и скрылся за турникетом.

Дни тянулись угрюмой вереницей. Давид помрачнел и, казалось, злился, развлекаясь по вечерам обслуживанием туристов. Стоя за барной стойкой и время от времени делая попытки привлечь к этой работе Киру, он ссылался на отсутствие Данила и наплыв постояльцев. В горы Кира поднималась теперь в основном

со своими друзьями, налетевшими с разных концов света на хорошую погоду и безумное солнце. Давид иногда присоединялся к их шумной и пестрой компании, но чувствовал себя в ней, похоже, неуютно. Или делал вид, что ему неуютно. Раз в несколько дней он и Кира уезжали в город навестить все еще не пришедшего в сознание Данила. После этого они обычно заезжали в гости к семье Ардо, состоящей, как оказалось, из тридцати двух человек, включая стариков и детей, и занимавшей огромный, окруженный старым парком особняк на окраине. Киру прошибал ледящий холод, когда она проходила сквозь строй разновозрастной толпы Ардо, которую объединяло чувство сострадания к старшему (Данил обладал контрольным пакетом акций семьи, будучи первенцем, тогда как Давид задержался в утробе на двадцать минут и передал тем самым все права в тогда еще не окрепшие руки первого вырвавшегося на свет отпрыска Ардо) и чувство ненависти к якобы виновнице случившегося, то есть к Кире. Они угрожающе шептались на непонятном Кире языке, разглядывали ее и показывали на нее пальцами. Давид, правда, пресекал подобное выражение противоречивых чувств, переполняющих его многочисленных родственников, но как-то нехотя и неуверенно. В свою очередь, увидев их вблизи, Кира мгновенно потеряла к ним всякое сострадание.

В один из таких приездов она была приглашена в кабинет отца, где ее встретил хозяин дома с супругой. Родителям Ардо на первый взгляд можно было дать не больше шестидесяти, да и то с натяжкой. Выглядели они бодро и свежо, несмотря на скорбный вид. Мать сидела в кресле, облаченная в длинное черное платье; на ногах — туфли из змеиной кожи неопределенного цвета на высоком каблуке, в худой руке — мундштук с папиросой. Она курила. Из глубины ее

скорби веяло холодом и тяжелой, пока еще не вышедшей на поверхность и незаметной окружающим болезнью. Незаметной всем, кроме Киры. Рядом с тяжелым, угрожающе огромным дубовым столом стоял одетый в черное отец и как будто не решался сесть в агрессивно настроенное, внушительных размеров кресло. Кажалось, оно раскрыло пасть из красного бархата обивки и ждет свою очередную жертву, чтобы поглотить ее мякоть и кости в своем мощном дубовом желудке. Черный человек, однако, спокойно сел в кресло, которое не только не сожрало его в ту же минуту, но даже как-то виновато скрипнуло и сжалось под тяжестью своего хозяина. Черные глаза сверлили Кирину неосведомленность, черные мысли повисли в воздухе тяжелой паутиной. Когда тишина готова было взорваться, человек жестом пригласил Киру сесть в соседнее, изящное, приветливое кресло, видимо, с большой неохотой стоящее рядом с уже укрошенным столом. Кира, не раздумывая, села, стараясь выглядеть как можно непринужденнее.

Потом, после разговора, Кира долго убеждала себя, что это был сон. Родители Ардо в здравом уме и твердой памяти предложили подписать Кире составленный на трех языках и по всей форме брачный договор, по которому она становилась женой Данила со всеми вытекающими последствиями. А поскольку Данил оставался все еще без сознания, и не было причин считать, что это состояние в ближайшее время изменится, последствия были таковы: пока Данил не в состоянии исполнять супружеские и прочие обязанности, по известным и не подлежащим сомнению причинам, Давид в полной мере будет замещать брата.

— Насколько я понимаю, — сказал черный человек, не сводя с Киры своих черных глаз, — ваши нежные отношения позволяют все это устроить. Если я

правильно информирован, вы все трое — более чем дружны.

— Были более чем дружны. А теперь мы просто дружны, — попыталась вставить Кира, но была проигнорирована.

— Ты ученая, — как будто не услышав Кирино замечания, продолжал черный человек, — шустрая и вполне воспитанная девушка, чтобы понять меня правильно, и пока Данил не с нами, можешь достойно заменить его по многим вопросам. Сейчас очень трудно найти надежного человека...

Он перевел взгляд на жену. Она одобрительно кивнула. Черный человек зашелестел бумагами и начал зачитывать Кире имеющиеся, по его мнению, перво-степенное значение пункты договора. Кира пыталась не дать охватившей растерянности проступить пятнами на ее лице. Согласно договору, дети, рожденные от Давида, признаются Данилом своими собственными и обладают такими же наследственными правами, как и родные (если таковые, конечно, появятся). Кроме того, уже имеющийся сын Киры Апрель усыновляется и также имеет равные с другими права. На этом месте черный человек великодушно посмотрел на Киру. Далее подробнейшим образом описывалось Кирино наследство. Но она уже не слушала. Она думала о причинах, побудивших этих черных людей предлагать ей подобное, но ничего не придумала.

— Спасибо, конечно, — сказала она вежливо и сдержанно, когда вновь нависшая тишина прервала ее тяжелое раздумье — но замужество не входит в мои планы.

Черный человек чуть-чуть привстал, какая-то фраза, казалось, готова была слететь с его губ, но черная женщина, будто в невидимом искусном змеином прыжке, опередила его и спокойно произнесла.

— А вы все же подумайте. Мы подождем...

Для меня эта история началась 13 апреля 2004 года. Нет, началась она раньше, но то, каким образом она потом развивалась, связано у меня с этим днем. Война дала о себе знать именно 13 апреля. Хотя я этого еще не понимал. В тот день мне пришло письмо, которому я не придавал особого значения.

Сообщение было от некой Tananos.

«Я тень. Сам понимаешь. Очень временная штука. И изменчивая. Но самое плохое, что «тьень». Пообщаемся?»

Я, естественно, подумал, что какая-то девушка хочет со мной познакомиться, дело житейское. Почему бы мне, одинокому мужчине, не помочь красивой девушке? У девушки проблемы в жизни, пообщаться не с кем, не вопрос — можно и пообщаться. За пять минут я написал ответное письмо:

«Доброго вечера, тень.

Да, понимаю. Вокруг враги. Мы окружены, как говорил старик Хемингуэй. В тебя стреляли, попали, ты погибла. Теперь ты тень. Но бывает и наоборот, редко, но бывает, история знает такие случаи. Когда тень превращается в улыбающееся существо. Возможно, не все потеряно. Хотя нет, потеряно все и с самого начала. Мы обречены. Мы смертны и этому нет альтернативы. Можно спешить жить, можно лентяйничать — разницы нет. Можно любить безумно и быть любимым, можно прожить всю жизнь в поисках и не найти — суть одна. Поэтому выбор за нами, раз разницы не существует, быть счастливым или нет, радоваться разной чепухе или грустить по такой же чепухе. Я небольшой специалист в эпистолярном жанре. Мне проще разговаривать по телефону. Мой — 9597530. Будет желание, звони в любое время. Кирилл».

Девушка мне не ответила, и через несколько дней я забыл о письме.

Я много времени проводил в телефонных разговорах с Кирой. Вообще, у меня очень мало свободного времени. Я владелец маленькой компании, которая забирает меня всего, причиняет массу хлопот, принося при этом минимальный доход. Кроме того, у меня множество увлечений, съедающих время, которого и без того нет. Так что обычно мы болтали по телефону, когда я ехал с работы домой, или ночью. Мы познакомились с Кирой прошлой осенью в Интернете. Кира в то время лежала в больнице. Ей оперировали спину. Начали с переписки, позже перешли на телефонные звонки. Наши разговоры были то частыми и продолжительными, то затихали на несколько дней, а бывало, и недель. Болтали мы обо всем подряд. В основном ни о чем, о всяких пустяках, и это было приятно. Иногда Кира вдруг начинала обсуждать со мной разные философские штучки. С одной стороны — ненавязчиво, а с другой — как-то очень твердо, как будто пересказывала уроки математики отстающему ученику. К рассказам Киры я никак не относился, в том смысле, что не имея никаких собственных убеждений, я просто слушал, просто думал об услышанном, стоя в московских пробках по дороге из офиса. Без эмоциональной нагрузки. Так размышляют о головоломке, которую нашли в старой книге на чердаке.

Сейчас Кира осела где-то высоко в горах, а по причине непогоды, вероятно, или вследствие чего-то там еще звонила мне почти каждый день. К тому же у нее украли ноутбук, который, как я понимал, был ее любимым развлечением, она все время что-то писала — рассказы, заметки. Я не очень понимал,

где она находится, но то, что украли ноутбук, мне сразу как-то не понравилось. Сидя в машине, я старался понять, кто это мог утащить ноутбук в затерянном высоко в горах отеле, где все друг друга знают, да еще и отрезанном от цивилизации непогодой. Я ничего не придумал, но эта незаконченная мысль, как незакрытая программа в компьютере, так и осталась у меня в голове.

Происходящие с Кирой события словно соревновались по своей абсурдности: один из ее друзей поехал за билетами на самолет для Киры и ее сына и упал на машине в пропасть; он не погиб, но лежал в коме в больнице. Его родители почему-то решили, что теперь Кира должна выйти за него замуж, а поскольку он в коме, то мужем ей пока будет его брат-близнец. Сидя утром в машине, я размышлял, что это: то ли Кира свихнулась там в своих горах от тоски и одиночества или, может, от недостатка кислорода, и поэтому несет полный бред, то ли вокруг творится что-то мне непонятное, а Кира почему-то находится в центре этих странных событий. Ни к какому выводу я не пришел, ни один из вариантов меня не пугал. Просто было интересно.

Когда обессилившая после дневного катания, а теперь блаженно развалившаяся на гостиничной кровати Кира рассказывала о случившемся Кириллу, ей было смешно, а Кириллу грустно.

— Я, конечно, не знаю ситуации и не вправе тебе советовать, — говорил он. — Но если ты в самом деле не собираешься замуж за этих одноликих братьев, тебе, наверное, самое время задуматься об отъезде. Я с удовольствием тебя встречу. Хочешь?

— Хочу. Неужели ты думаешь, что это все серьезно?

— Я ничего такого не думаю, но, по-любому, играть в игры с жителями гор не советовал бы. Тем более в такие, правил которых ты не знаешь, да и правил-то, скорее всего, никаких нет. Я ничего не имею против горцев, и готов признать, что они вполне достойные члены общества, но существуют они по каким-то своим, нам неведомым и непонятым законам, и мне кажется, тебе не стоит в эти законы вникать. Так что делай ноги, то есть бери билет на самолет и лети прямо в мои объятия.

— Я подумаю...

— Только, пожалуйста, не увлекайся этим процессом, в смысле, думаньем. Вредно это. Истощает. И ум, и тело. Кроме того, как мне видится, времени на раздумье у тебя, собственно, не очень-то и много.

— А вот пугать меня не надо.

— И не думал тебя пугать, тем более, по-моему, пугать тебя бесполезно. Ты упертая. Как решишь, так и будет.

— Да я в общем, уже сама давно хочу в Москву, но вроде как-то неудобно... Данил все еще очень плох.

— Неудобно спать на гвоздях. Насколько я понимаю, ты почти месяц сострадаешь семье покалеченного. По-моему, уже достаточно, в том случае, если, конечно, нет ничего личного.

— Личного нет... — в непонятном раздумье произнесла Кира. — Завтра, когда поедем в город к Данилу, куплю билет. Решено.

Сказано — сделано. На следующий день после посещения безжизненного тела первенца Арно, Кира, славшись на то, что ей необходимо кое-что купить, пополнить телефонный счет и проч., рассталась с Давидом, условившись встретиться с ним через два с половиной часа на центральной площади.

— А я пока навещу своих и сгоняю в банк, — сказал Давид, высаживая ее у единственного торгового центра города.

— Пока. — Она поцеловала его в щеку.

— Не опаздывай.

Авиакассы находились недалеко. Но время их работы привело Киру в ужас, смешанный с восторгом — восторгом перед жителями города, которых устраивает, что билет на самолет можно купить два раза в неделю, и только с двух до пяти. Вдох облегчения вырвался у Киры, когда она подсчитала, что касса откроется через сорок минут. «Повезло. Завтра я бы осталась ни с чем». Она направилась в торговый центр. Купила там зубную щетку, защитный крем, две пары носков и гель для душа. Узнала, где можно оплатить телефон, и через несколько минут стояла, томимая ожиданием, у авиакасс. Та, что продавала билеты, появилась в полтретьего, когда Кира, чтобы удержать себя в руках, уже спасалась аутотренингом и ходила взад и вперед по узкой дорожке напротив здания касс.

«...Я смотрю на людей, суесящихся вокруг меня, куда-то спешащих, пьющих, едящих, целующихся. Они становятся мыслями, которые в это мгновение проплывают перед моим внутренним взором. Они не оказывают на меня никакого влияния. Я сама по себе, они сами по себе. Мысли — это люди, на несколько мгновений появляющиеся передо мной, чтобы потом навсегда исчезнуть. Они пройдут мимо, если не хватать их за руки. Я иду своей дорогой, они своей. Я иду легко и свободно, мое сознание свободно, как свободен мой путь. Ибо мое сознание — это мой путь, а мой путь — мое сознание. Я ощущаю свою внутреннюю свободу. Никто и ничто не может остановить меня на моем пути, ведь мой путь свободен, сознание мое свободно. Оно пусто».

Сознание Киры действительно опустело. По крайней мере, когда пришла кассирша, она была абсолютно спокойна, и не стала задавать никаких провокационных вопросов с претензией или упреком, чем, судя по всему, безгранично расположила к себе грузную черную кассиршу. Вдруг, с ужасом поняв, что паспорт остался в гостинице, Кира стала объяснять ей ситуацию, на что кассирша, с трудом вспоминая русские слова, прокудахтала:

— Если помните данные, говорите.

«Оказывается, везде есть свои плюсы — билеты продают редко, но зато всем, — думала Кира, диктуя паспортные данные. — Сегодня, безусловно, мой день. Впрочем, еще не вечер».

Вечер тоже оказался ее. Она договорилась с шофером, который повезет ее в аэропорт, поужинала с Давидом и Фаиной, потанцевала со старыми московскими друзьями, праздновавшими свою «отходную», а потом полночи разговаривала по телефону с Кириллом, пересказывая ему в подробностях и не по одному разу события прошедшего дня. Похоже, он несколько раз засыпал под звуки ее возбужденного бормотания, но виду не подал и застукан не был.

— Хорошо, Кирок, я все понял, — наконец подытожил он. — Послезавтра я тебя встречаю. В шесть. В Шереметьево.

Она принялась было рассказывать ему, как ее узнать и в чем она будет одета, но в ответ услышала:

— Мы еще не раз созвонимся, и ты мне все объяснишь. Спокойной ночи.

Видимо, желание спать перебило все остальные. Впрочем, для трех часов ночи это было вполне естественно.

— Спокойной ночи! — сказала Кира и тут же уснула.

На следующий день Кира совершила, как говорят горнолыжники, свой заключительный спуск и провела свой заключительный день (слово «последний» в горах не приветствуется по понятным причинам) в хлопотах и в предвкушении новой встречи. Некоторое возбуждение охватило Киру за заключительным ужином с Давидом. Она не сказала ему, что улетает, и сейчас почувствовала угрызения совести. Вдруг они с Кириллом ошиблись в своих умозаключениях, и Давид питает к ней, как и раньше, нежные и чистые чувства, главное чистые.

«Как бы то ни было, — подумала она, — завтра я с ним попрощаюсь и скажу, что в этой суматохе просто забыла предупредить об отъезде, ну, и напрягать не хотела с билетом, а то вот один напрягся... Впрочем нет, последнее говорить не стоит».

Говорить вообще ничего не пришлось. Когда она обратилась в регистратуру за паспортом, его долго искали, но так и не нашли. Администратор распластался по стойке в извинениях и самобичеваниях.

— Помните, у нас были кражи, — лепетал он, — и вас тогда обворовали... Вот тогда ваш паспорт, наверно, и украли. Надо проверить, все ли другие паспорта на месте.

— Ну, в самолет тебя без паспорта точно не посадят, нужна хотя бы справка из милиции об утере, — констатировал спустившийся в холл Давид. — Да ты не волнуйся, это наша вина, мы все и исправим. — Взгляд ядовито черных глаз быстрой стрелой пронзил Киру. — Администрация компенсирует тебе ущерб и предоставит новый билет. В бизнес-класс. — Он улыбнулся. — Сегодня... Нет, сегодня не получится... — Он задумался. — Завтра мы поедем в город, в милиции ты подпишешь все нужные бумаги...

Кира вострепнулась, как раненная птица. Какие еще бумаги? Уж не те ли? К горлу подступил комок.

— ...О том, что тебя обокрали и о пропаже паспорта, — спокойно продолжал он. — Тебе выпишут справку, и послезавтра мы тебя дружно проводим с извинениями и цветами... — Он нагнулся и поцеловал Киру в лоб. — Не переживай. Все будет хорошо.

Он проводил Киру в ее номер.

— Кстати, а как тебе удалось купить билет на самолет без паспорта?

— У вас очень странный город...

— Да уж, — Давид засмеялся, стараясь делать это как можно искренней и без намека на угрозу. — У нас и милиция тоже работает только с трех часов, так что с утра мы успеем еще совершить посл... — Он осекся. — Заключительный спуск. Вдвоем.

На слове «тоже» он сделал акцент, что не оставляло уже никаких сомнений, что в милиции разговор пойдет совсем не о паспорте. Да и не в милиции, скорее всего...

После истории с паспортом Давид практически не оставлял Киру одну, всячески проявляя сочувствие и стараясь ее поддержать. Так что как только он отлучился по делам гостиницы, она тут же набрала номер Кирилла...

Выслушав сумбурный и эмоциональный рассказ, Кирилл не стал особо рассыпаться в сочувствиях и сопереживаниях.

— За сколько я до тебя доеду? — похоже, он был готов к такому повороту событий. Или почти к такому.

— На машине? — Кира еще не понимала...

— Другого транспорта у меня пока нет.

— Ну, я точно не знаю... Как будешь ехать... Я на машине сюда приезжала только один раз...

— Я буду ехать быстро, — перебил он.

— За сутки доедешь... Может, меньше, если без остановок.

— Рассказывай, как ехать.

— До Минвод по карте, а дальше... Дальше спросишь... От Минвод через перевал еще часов пять. Там единственная дорога. Но узкая и опасная. По одному редко кто ездит. Только местные. А обычно едут караваном.

— У меня нет каравана. Жди. Буду подъезжать, позвоню.

Телефон запрыгал в полседьмого утра.

— Выехал из Минвод час назад. Здесь какие-то бесконечные посты. Проверяют документы и осматривают машины. — Голос в трубке был бодрим.

— Я знаю. — Кира сбросила сон, как тяжелое покрывало. Она долго и мучительно разрабатывала план побега, пытаясь учесть все возможные и невозможные повороты. Сознание отключилось только под утро, освободившись от бреда внутреннего диалога. — Извини, забыла тебя предупредить. Пятьсот рублей даешь и проезжаешь. Почти всегда, если вид у тебя не подозрительный. А ты к тому же один. С пристрастием осматривают обычно только компании.

— Я понял.

— Устал?

— Нет, я в порядке. Как ты?

— Нормально. — Она встала и подошла к окну. Солнце вырывалось из-за гор неудержимо и нетерпеливо. — Будет хороший день...

— Что-что? — не понял Кирилл.

— Слушай и запоминай. Когда подъедешь к гостинице, меня, скорее всего, там уже не будет. Мы уйдем с Давидом часов в девять. Поднимешься на четвертый этаж в комнату четыреста шестнадцать. Там тебя

встретит Вадик, худой и высокий парень лет двадцати на вид, со светлыми волосами и глупым видом. Скажешь ему: «Я Кирилл». Больше ничего. Он тебе должен ответить: «А Кира с Давидом катаются». Слово в слово. После этого заберешь у него мои вещи и его самого. Он покажет тебе место, где меня ждать. Это километрах в десяти от поселка. Я съеду справа по ходу машины. Так что все время смотри на правый склон. Как только меня заметишь — это будет черная точка, быстро увеличивающаяся в размерах идвигающаяся прямо на тебя — заводи машину и открывай обе двери: заднюю и переднюю. В том месте склон хорошо просматривается, так что я смогу увидеть, как ты подъехал, ну, а ты соответственно увидишь меня. Там туристы не катаются — не перепутаешь. Раньше, чем в одиннадцать, по моим подсчетам, ты не появишься. Так что я начну тебя высматривать с начала двенадцатого. Ну и ты жди до победного, но не позже трех...

— А зачем открывать заднюю? С нами еще кто-то поедет?

— На заднем сиденье поедет мой сноуборд. Боясь, времени на упаковку не будет.

— Ожидается погоня?

— Не знаю... Но очень может быть. Если что пойдет не так, звони, и я отвечу. Только имей в виду, может так случиться, что кроме «да» и «нет» я ничего не смогу тебе сказать.

— Если он будет рядом?

— Да, он придет около восьми, наверное, и уже не отойдет от меня.

— Я понимаю...

— И поосторожней там... На дороге.

Когда на узкой дороге у подножья склона показалась машина Кирилла, было уже двенадцать. Черная

точка отсоединилась от светлого пятна машины и начала движение в обратном направлении. «Вадик пошел назад в отель», — констатировала Кира. Они с Давидом сидели на снегу, подставляя наглым солнечным лучам оголенные, уже сильно загоревшие лица. Они мило и непринужденно болтали. Кира, казалось, забыла обо всем на свете. Она купалась в обнаглевших солнечных лучах, а комплименты Давида усыпляли ей бдительность и приводили в восторг Кирино самолюбие. Дурманящей красоты снежные горные хребты, испещренные замысловатыми изгибами склонов и синее — до боли в затылке небо не располагали не только к побегу, но и вообще к какому бы то ни было движению. Хотелось замереть и, может быть, умереть. Кира с трудом сбросила с себя это наркотическое наваждение.

— А давай наперегонки! — вставая, предложила Кира.

Давид явно не хотел наперегонки.

— Мы покалечим друг друга... — нехотя проговорил он. — У нас уже есть плачевный опыт сумасшедших гонок.

— А мы по очереди. Засекай время. Как я спущусь, стартуй сам. — Кира потянула его за рукав. — Давай же, давай. — Она потянулась к его часам.

Он с неохотой нажал на часах кнопку секундомера. Кира опустила на глаза очки, сделала стартовый прыжок и ринулась вниз...

Они прощались недолго. Какое-то равнодушное оцепенение сковывало их души и разум. Кирилл отдал Кире ее сумку и сноуборд.

— Я не смог бы выпить с тобой чашку кофе, если даже ты меня и пригласила бы — мне нужно привести себя и мысли в порядок, — не глядя на Киру сказал Кирилл.

— Спасибо тебе. — Кира взяла вещи и медленно пошла к подъезду. Кирилл уехал.

Из стоявшей все это время у обочины машины с черными стеклами вышел высокий человек и тоже направился к Кириному подъезду.

— Привет, — Давид нежно улыбался. — Я прилетел часа два назад. Согласись, самолет быстрее машины.

— Извини, не могу поддержать разговор, — рядом с собственным домом Кира почему-то чувствовала себя в полной безопасности. — Я очень устала. Если ты не возражаешь, я пойду домой. Спать...

— Конечно, конечно, — Давид освободил ей путь. — На вот только, возьми. — Он протянул ей паспорт. — И прости меня. Что-то со мной произошло. Я совсем потерял голову. Все эти события... Буря... И ты такая волшебная. Я хотел продлить мгновение. Оно ведь было прекрасным.

— Спасибо, — Кира взяла паспорт. — Пока. — Она открыла дверь и вошла в подъезд.

— До свидания, — Давид помахал ей рукой.

Закончился апрель, и начались майские праздники. В Москве было солнечно, никто не работал, поэтому и моя фирма отдыхала. После невероятной суеты последних месяцев отдых казался нереальным. Но инерция внутри меня еще не иссякла, мне все время казалось, что я забыл сделать что-то нужное, что-то подписать, куда-то позвонить, кому-то ответить. Я понял, что в таком состоянии дома не отдохнешь, надел старые джинсы, кроссовки, нацепил на стриженную голову темные очки и поехал в центр. Вошел на Пушкине в кофейню «Пирамида». Сел за столик на улице. Заказал пиво. Вокруг прогуливались люди,

мелькали машины, выскакивали на тротуар самоуверенные и самовлюбленные шикарные мотоциклисты, кто-то с кем-то встречался, прощался, общался, расставался... Я же ни о чем не думал, просто смотрел вокруг на этот муравейник и отдыхал. Так я просидел за бокалом пива весь день до самого вечера.

На следующий день с утра побегал в парке и прямой наводкой поехал на Пушки. Опять сел за тот же столик, заказал пиво и снова только вечером уехал домой. Кира мне звонила, мы разговаривали. С ней происходили невероятно странные вещи, а я в это время отдыхал.

Постепенно напряжение меня немного отпустило. Договорился с Кирой о встрече в аэропорту. Машинально посмотрел в окно. Как там в небе? Низкие облака, дождь не шел, но было похоже, что за ним дело не станет. Пробежал кросс, позанимался на перекладине. Медленно вернулся домой, сварил кофе, плеснул в него красного вина и сел за компьютер — играть в Интернете в шахматы. Играть в шахматы было здорово, пить кофе с вином тоже. В открытом окне слышалось, как стучат редкие капли по подоконнику — начинался дождь. Хорошо, если бы ненадолго, ведь вечером мне предстояло встречать Киру. Она позвонила, когда я закончил очередную партию и размышлял, не перекусить ли чем-нибудь вкусеньким. Кира сказала, что встречать ее не нужно, что у нее пропал паспорт, и она должна пойти с Давидом в милицию, чтобы подписать какие-то бумаги, и только после этого она сможет, может быть, улететь. Я спросил, имеет ли Давид влияние на милицию? Кира ответила, что у него, то есть у его семьи, весь город под контролем. Этот заговор мне не нравился, несмотря на то, что вообще-то я люблю заговоры. Особенно хорошо организованные, когда каждая деталь продума-

на и цепь событий только кажется случайной, а на самом деле всем руководит четкая мысль. Это бывает очень даже интересно для наблюдения, а если случится, то и для участия. Однако во время разговора я понял, что «наших обижают», и, возможно, через день-два одна из девушек на этой планете бесследно исчезнет, и тогда я уже не смогу спокойно играть в шахматы и пить кофе с вином.

То, что я написал выше, на самом деле неправда, это я потом придумал, чтобы самому себе объяснить, почему я, не завтракая, сел в машину и поехал в Махачкалу, или нет, в Минводы. А тогда я просто без сомнения понял, что надо ехать. Я прихватил из дома две пластинки Сиднокарба — осталось из старых добрых времен — этого вполне должно было хватить, чтобы не спать двое-трое суток. В ближайшем «Седьмом Континенте» купил карту дорог России, несколько бутылок питьевой воды, мандарины, яблоки и полтора килограмма порезанного сырокопченого мяса. Наверное, не самый привычный набор, но я уже давно делал, что хотел, как хотел, в том числе и питался.

Первые три таблетки я положил под язык, только когда стемнело. Позади уже было шесть сотен километров. Это была уже почти половина пути. «Девятка» вела себя образцово-показательно, мандарины я уже съел, мяса и яблок еще хватало. С трех таблеток сердце браво застучало, спать больше не хотелось.

Я ехал без остановок всю ночь. Когда низкое мокрое небо начало сереть, я заехал на бензозаправку на окраине Минвод. По радио «Маяк» передавали новости, было шесть часов. Я залил полный бак и канистру 95-го. Протер окна и фары. Номер оставил совершенно не читаемым. Постучал ногой в кроссовке по летней резине. Сел в машину, отъехав от заправки километр, позвонил Кире. Мы поговорили минут пятнад-

цать, она рассказала мне свой план, по которому я должен найти в отеле какого-то Вадика и следовать его указаниям. Все просто. Звонить Кира просила только в экстренном случае.

Через час вместо редкого дождя пошел крупный снег. Я поднимался в горы. Снаружи быстро холодало, я закрыл в машине окна, включил печку. Положил под язык таблетку.

Дорога была скользкая.

В девять облака оказались подо мной. Я миновал перевал. Телефон не работал, не было связи. Связь появилась, когда я въехал в небольшой город. В начале двенадцатого увидел девятиэтажное здание гостиницы. Медленно подъехал, припарковал машину на улице, метров за пятьдесят до гостиницы. Вышел, квакнул сигнализацией и медленно пошел к центральному входу. Ноги одеревенели, идти по земле было непривычно. Навстречу шли веселые люди с яркими лыжами и солнцезащитными очками. Я вошел в гостиницу, миновал казавшийся темным после яркого снега холл и поднялся пешком на четвертый этаж.

Вместе с Вадиком мы донесли вещи Киры до машины. Вадим сразу же сел на переднее сиденье. Я открыл багажник, с грустью посмотрел на количество аппаратуры и акустические системы, которые занимали почти все когда-то свободное место, потом на сумку. Открыл заднюю дверь и запихал сумку на сиденье. Вадим показывал дорогу. Мы ехали, наверное, минут десять. Когда он махнул рукой, я остановился.

— Жди здесь. — Он улыбнулся одними глазами. — Удачи.

Из машины вышли вместе. Я осмотрелся, открыл заднюю дверь. Справа наваливался снежный склон, слева — несколько столбиков и уклон. Было тихо.

Вадим ушел, не оборачиваясь, смотря себе под ноги. Я ждал не больше десяти минут. Высоко наверху склона появилась точка и помчалась вниз. Я так и не понял, где было начало ее траектории. Снег слепил глаза. Пока я их протирал, появилась вторая точка и погналась за первой. Очень скоро стало ясно, что это два человека на сноубордах. Я впервые видел, как катаются на досках. Почти в полной тишине два человека, поднимая за собой белые фонтаны снега, зигзагами мчались с горы ко мне.

Глава 2

Ощущение реальности того мира
сопровождается ощущением
нереальности этого.
Тот мир и этот не два разных мира.
То, что мы называем этим миром,
есть только наше представление о мире.

Кира даже не стала пытаться как-то объяснить себе случившееся ни тогда, когда усталость создавала дополнительную гравитацию и расплющивала утомленное тело и тяжелую голову по хрустящей накрахмаленной простыне, ни потом, когда двадцатичасовой сон приводил все органы в рабочее состояние и отпускал сознание в свободный полет. С самого детства происходили с ней странные, непонятные вещи, виновницей и причиной которых зачастую была она сама. Кира привыкла и особого значения этому не придавала. Она постоянно попадала в опасные ситуации, но всегда обстоятельства оборачивались таким замысловатым образом, что ее жизни и благополучию, в конечном счете, ничто не угрожало.

Кира узнала, что отличается от всех других уже подростком, а до этого момента считала, что все люди умеют перемещать реальности и знают гораздо больше, чем говорят. Теперь она хотела быть такой, как все. Ее странные способности не приносили ей ни счастья, ни удовлетворения, а лишь вводили в смятение ее разум и душу, если, конечно, у нее была душа. Кира притворялась, что она такая, как все. И у нее даже получа-

лось... Правда в минуты слабости она пыталась иногда донести до людей, что этот мир является совсем не тем, что они о нем думают. И находились такие, которые верили...

Кирилл, казалось, верил. Или нет, еще не верил, но она чувствовала, что у нее с ним одна природа. Он такой же «не такой», как и она. Но и об этом Кира старалась не думать. Всеу свое время. Зачем думать раньше времени о том, о чем можно вообще не думать? Все идет, как идет. Скоро реальность проступит, как переводная картинка. Проявится и обнажится, раскроется и покажет свое, скрытое пока лицо. Или не покажет...

«Упрощая жизнь, вы обретаете свободу, обретая свободу, вы осознаете простоту», — говорил учитель... Ей десять. Их девять. Девять учеников, мечтающих обрести Путь. Они берутся за руки и образуют круг. Они отпускают себя и наблюдают за движением своего сознания. Они наслаждаются полетом. Они чувствуют поток... Они в потоке. Он проходит сквозь них, а они лишь созерцают его. И в этот момент, в момент наивысшего блаженства и раскрепощения, когда тело становится невесомым, а сознание вмещает Вселенную, она, в охватившем ее смятении, ощущает вдруг растущее напряжение в позвоночнике и шее, тело начинает вибрировать. Она в страхе открывает глаза. Все смотрят в ее сторону. Ей стыдно и бесконечно одиноко, но тело продолжает свой ужасный «танец». Учитель рвет круг. Она падает. Остальные восемь отступают назад и прячутся за учителя.

— Уходи! — говорит учитель. — Я ничего не могу дать тебе, ничему не могу научить и ничем не могу помочь. Твой учитель найдет тебя. В тебе Сила. Иди и учишь контролировать ее. Либо ты будешь управ-

лять ею, либо она будет управлять тобой. *Tertium non datur* — третьего не дано.

Она плакала всю ночь, потом весь день, и опять ночь, потом дни и ночи, ночи и дни, тихо и без слез, потому что слез уже не было. Ее изгнали и отвергли. Все попытки медитировать в одиночку кончались конвульсиями. Ее вертело и крутило, бумага начинала тлеть, лопались стаканы, нагревались дверные ручки. Она была одна, и ей было плохо.

Интернат для детей, чьи родители служат народу. Они ведут этот самый народ за собой, часто находясь при этом далеко за пределами своей, еще пока необъятной родины. Интернат, где все и все на виду, где учителей и воспитателей больше, чем учеников, на завтрак икра, на обед черепаховый суп, на ужин осетрина под соусом из белого сыра и грибов. Родители только снятся. Впрочем, Кире они даже и не снились. В силу прозорливости своей профессии, отец Киры, заметив и по-своему объяснив Кирины особенности, решил избавиться от нее как можно раньше. Мать не возражала. Кира, будучи четвертым и самым младшим ребенком в семье, была для нее непосильной ношей. Девочка мешала матери полноценно отдаваться радостям жизни.

Киру мучило от одиночества; тоска и отчаяние наваливались и накрывали ее хрупкое существо, замушняли сознание, особенно по праздникам, когда других детей забирали родители или родственники. Если бы не друг Сандро, маленький, но крепкий мальчик с похожей судьбой, обладатель голубых глаз, черных, как смоль волос и беспредельного желания прийти Кире на помощь со своим дедом Георгием, часто посещавшим их в интернате, некому было бы спасти ее детскую неприкаянную душу.

— Ну что ты тычешь? Больно ведь.

— Терпи, у тебя плохие вены.

— Вены, как вены... Посмотри, ты исколол мне всю руку!

— Ну и что? Не дергайся!

— Сандро, а может, не надо? Смотри, какой синяк. Ведь заметят же.

— Кто заметит? Учитель Ли все равно прогнал тебя. А больше никто не заметит.

— Сандрочка, миленький, мне страшно, — она начинала хныкать.

— Не бойся, мы им еще покажем, этим слизнякам вонючим. Да они, выкидъши смутных времен, до смерти будут тебе ботинки чистить. Они не знают, с кем связались! А ты... Ты только не бойся, — он погладил ее по голове и взял в руки ее косы. — Обещай, что никогда не отрешь их, они такие чудесные. — Он опять взял шприц. — Ну, давай руку и ничего не бойся.

Она протянула руку. Он начал тыкать иглой в болезненный синяк.

— Ой! — она отдернула руку. — Не хочу. Не надо.

— Может, под язык? Но будет больно.

— Нет, нет, все. Не-е-ет. — Она начинала реветь в голос. — Я боюсь.

— Чего ты боишься, это же не наркотик. Это стимулятор. Дедушка Георгий пользуется им. И я уже колол его себе. Ну ты же сама видела. Со мной ничего такого не случилось, мне просто было хорошо. Я летал.

— Я бою-ю-юсь. А вдруг станет еще хуже?

— Не станет, — Сандро начинал терять терпение. — Куда уж хуже, ты посмотри на себя. Одни глаза и остались. Ты же завтра умрешь.

Она редела навзрыд, вытирая косичками слезы.

— Да ты посмотри на себя. Ты страшная, мерзкая, трусливая девчонка. Ты ничего не можешь.

Ты чукча всеобъемлющая! Правильно выгнал тебя учитель Ли, ты ведь ни на что не способна. Ты слабая, отживающая свое амеба, — он уже не говорил, а почти кричал, срываясь на фальцет. — Ты противная тараканья лапа. Ты не можешь помочь себе, куда тебе до других, безобразная, неравномерно окрашенная тупость. — Он сам начинал всхлипывать. — Ты... Ты безнадежный отпрыск готтентотов. Ты... — он заревел и обнял ее. И так, обнявшись, они сидели на полу и орал, всхлипывая и вытирая друг другу слезы. Весь мир приготовился, чтобы сожрать их, и они готовы были быть сожранными. Они пребывали в аду. Им предстояло пройти его до конца и познать себя. Ведь самопознание — это всегда движение через ад...

— Коли! — сказала она, сглатывая последние слезы, и открыла рот.

Сандро медленно, очень медленно потянулся за шприцем, как будто боялся спугнуть ее решимость, боялся, что она передумает.

— Сейчас, сейчас, только не шевелись, хорошо? Ты хорошая, умная, славная. Ты самая лучшая, ты сама не знаешь, какая ты...

Он резким движением запустил иголку в уздечку языка. Она вскрикнула, и тут же почувствовала, как боль и тепло одновременно разливаются у нее во рту.

— Все! Молодец. — Он выдернул шприц.

Комната стала искривляться; пол выгибался, потолок падал, чтобы раздавить ее. Она отключилась...

— Просыпайся, просыпайся, пожалуйста! — услышала она сквозь гул в ушах, барабанную дробь, заунывное пение монахов и множество других звуков, рождавшихся у нее в голове.

— Открой же, наконец, глаза, — Сандро тряс ее изо всех своих детских сил. — Ну скажи хоть что-нибудь, дай знак, что ты меня слышишь!

Он заплакал горько-горько; и рыдания его слились с хором, звучащим в ней. Она попыталась издать звук, но губы не слушались, они были необыкновенно тяжелыми и чужими. Она не чувствовала ни рук, ни ног, ее «я» было только сознанием, свободным и никак не связанным с бесчувственным телом.

И вдруг Сандро перестал плакать, и она услышала его тонкий голос, кого-то призывающий и о чем-то просящий на чужом, непонятном ей языке. Под музыку его молитвы она совершала переход, и этот переход был спасением. Сандро спасал ее душу. Кто спас, тот и спасся.

Она открыла глаза и подняла голову. Сандро стоял на коленях, спиной к ней, в углу комнаты. Он не слышал ее, не слышал, как она пыталась позвать его. Душа его пребывала в мире священных звуков, сюда не проникали посторонние звуки. Она подошла к нему и села рядом. Лицо Сандро просияло.

— Дедушка Георгий говорит, что любая молитва может быть услышана, только если она произнесена трижды, — торжественно сказал он. — Ты извини меня, я, должно быть, переборщил с дозой... — серьезно констатировал он. Потом нежно добавил:

— Ты же девочка... И к тому же такая дохлая.

И совсем уже радостно, как будто ничего и не произошло, спросил:

— Ну, что ты видела?

— Да, почти ничего, я плохо помню...

— Потому что в первый раз. Вначале всегда так. Ведь не страшно?

— Сейчас нет.

— А как себя чувствуешь?

- Хорошо.
- Есть будешь?
- Буду!
- Вот видишь, теперь ты опять будешь жить и не умрешь. Никогда!

Самым тяжелым оказалось доехать от дома Киры до своего. Высадив ее около подъезда, я видимо, немного расслабился, и усталость затуманила и без того уже давно мутную голову. К себе домой я ехал на зубах.

Два дня прошли как в бреду. Возбуждающие вещества все еще были в крови и не давали спать, я глотал снотворное, спал три часа, потом пил кофе, снова глотал таблетки и снова три часа спал. На третий день, в понедельник 10 мая, пора было начинать думать о работе. Утром я пробежал кросс, позавтракал, взял свой рабочий еженедельник и до обеда расписывал план работы на следующие несколько недель. Вечером я прогулялся вокруг дома и рано лег спать.

На следующий день началась обычная суетная московская жизнь.

15 мая я получил письмо от TANANOS.

«Привет! Извини за долгое молчание. Были большие трудности с материализацией. В меня не стреляли. Я тень изначально, т.е. меня отбрасывают. Позвонить, к сожалению, не могу. У меня нет своего голоса. Пока. И тела. Скоро я завладею ЕЁ телом. И сделаю тебе подарок. У НЕЁ хорошее тело. Ты будешь доволен. И я буду довольна. Ты мне нравишься. Очень. Все будет, как ты хочешь. Будет так, как ты даже не представляешь, человек Кирилл. Тень».

Пробежав глазами письмо, я не понял, о чем речь, и не ответил на него.

Начал встречаться с Кирой. Ужинали в кафе, гуляли по ночной Москве. Помню, майским вечером-ночью ужинали в «Китайском квартале» на проспекте Мира, потом медленно, по уже пустым узким улицам прошли до Лубянки. Там сидели в кафе на втором этаже с огромными окнами, пили кофе и не могли отвести друг от друга глаз. Потом пошли обратно, в обнимку, петляя по московским переулкам. Было поздно, и только изредка среди темных стен старых домов попадались освещенные окна.

— Как ты думаешь, что там делают? — спрашивала Кира, указывая на освещенное окно под самой крышей.

— Как что? — удивлялся я. — Кошек мучают. Определенно, там мучают кошек.

Она рассмеялась, и дальше мы медленно брели молча. Потом Кира показала на окно в другом доме.

— А там?

Я сделал задумчивый вид, подстроил свой шаг под нее — более короткий, просунул руку в задний карман ее брюк. Еще немного помолчал просто так и спросил:

— А у тебя есть сомнения?

Кира хитро улыбнулась:

— Опять что-то неладное с кошками?

Мы смеялись, обнимались, целовались и шли дальше, всматриваясь в темные окна.

Кира показывала то на одно, то на другое освещенное окно, и мы играли в угадайку. Я был непреклонен. Все, кто не спали в этот поздний час непременно и с завидным постоянством издевались над кошками. Было весело.

Когда мы уже приближались к проспекту Мира, где оставили машину, в последнем переулке, в низком большом освещенном окне раскорячившегося в тем-

ноте старого дома, на которое указала Кира, стояло чучело кошки. Мы многозначительно переглянулись.

Кира жила с сыном. Ее содержал некий Олег, что позволяло ей достаточно безбедно существовать. Я не расспрашивал об их отношениях, она не рассказывала. Понимая, что все просто, пока мы сами не начнем что-либо усложнять, я отвозил Киру домой по ее первому требованию и ни разу не звонил ей на домашний телефон.

Кира никогда и нигде не работала. Свободное время отравляло ей жизнь, она не знала, куда его деть, и поэтому голова ее была полна идей о бессмысленности жизни и самоубийстве. Об авантюрном и красивом самоубийстве. Однажды она спросила, как я отношусь к тому, чтобы вместе прыгнуть с обрыва. Интересно, какая доля шутки была в этой шутке? Оказалось, что у Киры есть уже на примете подходящая для этого дела вершина. Я не стал отказываться, прыгнуть можно. Моя красавица, кажется, немного удивилась, потому что иногда переспрашивала меня, не передумал ли я, и насколько определены мои намерения. А у меня было столько работы, что передумывать было просто некогда. К тому же не в моем стиле менять решения. Я считаю, что лучше совершить неправильный поступок, чем колебаться в уже принятых решениях. Подобранная вершина оказалась на Канарских островах. Кира прислала мне фотографию, я посмотрел... Да действительно, очень красивый и очень высокий обрыв. Расположение на Канарах не радовало, поскольку несколько усложняло ситуацию, мне бы хотелось — и здесь красавица была согласна со мной — чтобы наши действия остались тайной для остальных людей, а Канарский обрыв был как-то очень на виду. Мы договори-

лись прыгнуть осенью. Времени обдумать, как сделать так, чтобы нас не смогли выследить, было предостаточно.

Время нехотя, вяло и постоянно о чем-то раздумывая, шло, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Когда Кира встречалась с Кириллом, они проводили время в прогулках, в посещениях концертов (джазовых, классических, авангардных — Кирилл не мог жить без музыки и очень хорошо в ней разбирался) и бесконечных разговорах. Он был нежен, находчив, непринужден, до безобразия щедр. Немного загадочен, в меру развязан и даже деликатен тоже в меру. Но когда они расставались, на очередных встречах особо не настаивал, что, надо признать, основательно задевало Киру. А еще ее задевало то, что он не стремился к близости и постоянно рассказывал ей о своих многочисленных девушках.

В конце мая в Москву приехало трио Пулаускаса и трио Ганелина. Я не хотел пропустить их концерт. В субботу мы с Кирой встретились и поехали в Дом Музыки. Концерт проходил в Малом зале. Я заранее взял билеты, на первый ряд. Концерт был выше всяких похвал. Первое отделение — трио Пулаускаса, после перерыва — трио Ганелина. Судя по реакции, Кира впервые была на концерте такой музыки. Это не столько джаз, сколько авангард.

Временами, отвлекаясь от сцены, я наблюдал за Кирой. Казалось, что она воспринимает музыку всем телом. У нее то вздрагивали конечности, то напрягалось лицо. Видно было, что она пытается сдерживать себя, но у нее не очень получается. Очевидно, что ей

нравилось, а это в свою очередь нравилось мне. Увы, музыка, которая мне по душе, редко приходится по вкусу всем моим знакомым, а женщинам — никогда.

Мы почти каждый день созванивались и, как и раньше, чаще всего болтали, когда я возвращался с работы на машине.

Она рассказывала мне о встречах с Давидом. Он прилетел следом за нашим побегом, вернул ей паспорт со словами: «Извини, я совсем потерял голову». Теперь он поджидал ее на улице, провожал в магазин и обратно. Мне эти отношения были непонятны, я часто возвращался к ним в своих мыслях, но никак не мог их прочувствовать. Насколько я понимал, Давид в одно мгновение бросил все дела у себя в городе, улетел в Москву и теперь почему-то не желал или не мог уехать. Из его родных мест звонили, в том числе и Кире, просили на него повлиять, чтобы он вернулся, но видно, он знал, что делал.

В начале июня, приехав вечером домой, я получил письмо от адресата, о котором уже успел забыть, писала TANANOS.

«Молчишь? Ты, человек Кирилл, видно, до конца не понимаешь, что происходит. Ты сам эту кашу заварил. Ты слишком пристально всматривался в пустоту. И процесс пошел. Назад дороги нет. Мир — совсем не то, что ты о нем думаешь, чем все вы думаете. Да вы и не думаете. Не умеете. А ты можешь, но почему-то не хочешь. Как бы то ни было, ты уже ничего сделать не можешь. И я не могу. Была причина, и результат не заставит себя ждать. Никто не может противостоят законам. ТОЙ, что меня отбрасывает, скоро не будет. Буду я. И я буду с тобой. Всегда. Каждый день я буду разной. Такой, как ты захочешь. Тень».

Конечно, я не понимал, о чем речь. Правда, это не сильно меня тревожило. К тому же я чувствовал, что

это письмо не просто так. Я не знал, с чем его связать, но было в этом письме что-то, что указывало: тот, кто пишет — знает меня. Не так, как знают знакомые, нет. Более глубоко.

Спорить на философские темы для меня — не самая трудная задача. Пока в микроволновке готовилась гречка, я ответил.

«Доброго вечера, Тень. У меня был сломан ящик. Поэтому какие-то письма пропали. Наверное, и твое тоже. Так что я не молчу, просто не получал ничего. Извини. Да, я не понимаю, что происходит. Но только меня это не беспокоит. Любое понимание конечно, а потому ложно. Каков мир — не знает никто. Думать — значит сопоставлять между собой образы, а какой в этом в смысл, если они неадекватны? Я жду тебя. Кирилл».

На следующий вечер пришло очередное письмо от таинственной незнакомки.

«Я чувствовала, как ты вмещал мое послание. Ты даже не формулируешь вопросы. Но я тебе на них отвечаю. Ты очень долго копил в себе то, что люди разбрасывают. Ты подчинил себе себя. Жизнь, как таковая не имеет смысла. Имеет смысл лишь отношение к жизни. Ты притянул к себе и захотел женщину, которая никогда не оказалась бы на твоём пути, если у тебя был бы Путь. Ты вне Пути. Но ОНА тоже очень сильна. Мне тяжело с НЕЙ бороться. ОНА обращается к законам другого мира, и в этом ЕЕ слабость. Так что в любом случае, это лишь вопрос времени. Разрушение уже живет в НЕЙ. ОНА обречена. ОНА не любит свое тело. ОНА пренебрегает им. Не бережет его и скоро совсем его потеряет. А я обрету. ОНА не понимает, что только тело соединяет ЕЕ с этой жизнью и этим миром. Нужно любить свое тело, пока ты здесь. Такая доступная истина! А сколько лю-

дей пренебрегают ей. Душа, это персонаж совсем другой сказки. Вот ОНА и перейдет в другую сказку со своей душой. А мы с тобой останемся в этой. И наши тела сольются. Тебе ведь не нужна душа? Тень».

В этот вечер в микроволновке готовился бурый рис, а я сидел в кресле, положив ноги на табуретку, и думал, о чем все-таки идет речь? Тот, кто писал, видимо, знал мои мысли. Знал, что я считаю, что у меня нет души, нет Пути, нет судьбы. Что я последние полгода пытался притянуть к себе женщину. Я создавал мыслеформы и поддерживал их энергетику. Правда, я об этом никому не говорил. Да, я пытался накапливать силу. Это мог бы узнать кто-то из знакомых, если бы смог понять то, о чем я иногда проговаривался. Кроме того, автор письма, очевидно, имел свои собственные проблемы и хотел решить их за мой счет. Интересно, но непонятно.

Я перебирал в уме своих знакомых, заранее готовясь наградить лавровым венком победителя за такой интересный розыгрыш. Но тщетно. Все, кого я знал, плавали в своих мыслях несколько ниже. Возможность, что письма действительно приходят не из нашего мира, я тоже не отбрасывал. Я решил попытаться прояснить ситуацию, написав следующее письмо:

«Доброго вечера, Тень. Я притянул женщину или тело? Нужно любить тело, пока ты здесь. Это правильно. Это истина. А какие еще здесь есть истины? Нет, мне не нужна душа. Каков твой путь, чего хочешь ты, Тень? Кирилл».

Ежедневная переписка продолжалась. Вечер принес новое послание.

«К сожалению, здесь нет свободных тел. Свободных плотных тел. Так что ты притянул женщину.

Совокупность тел. Плотного (органического), жизненного (вибрирующего), внедренного в селезенку, тела желания, находящегося в печени, и духа, обитающего в сердце. В ЕЕ случае правильнее говорить о душе. Дух кристаллизованный — это душа. Где рождается душа, там рождается тень. Дух — в теле желания. У меня нет плотного и жизненного тел. И я хочу их обрести. Плотное — я отберу у НЕЕ, жизненное — сформируешь для меня ты. У тебя хватит для этого энергии. И желания. Ты ведь хочешь меня. Тебе достаточно только очень захотеть и твои вибрации пойдут ко мне. Только нужно очень хотеть. И верить. Верить и хотеть. Хотеть и верить. Я буду вся твоя. И самое главное, у меня отсутствует своенравная и гордая душа. Я не знаю, что такое гордость, тщеславие, эгоизм и все эти ваши человеческие штучки. Со мной будет просто. Ты ведь хотел, чтобы было просто. А путь — это сложно. У меня нет пути. Зачем? Я хочу просто насладиться жизнью. Жизнью в теле. Путь требует огромных затрат, саморазвития и самопознания. Зачем тратить на это силы? Я тело хочу. А что до остальных истин — не все сразу. Мне проще отвечать на прямые вопросы. Тень».

Было о чем подумать. На кухне готовился ужин. В квартире было душно, открытые окна не помогали. Воздух на московских улицах, зажатый между раскаленными за день домами, к полуночи свершено не остывал. Я разделся, лег на диван, положил руки под голову. Теперь я прочувствовал наверняка, что я не знаю человека, который мне писал. Возможно, это и не человек... Теперь я все больше склонялся к этой версии. Но мне совершенно не понравились слова «хотеть и верить». Тот, кто знал меня, вряд ли бы написал мне так, разве только для того чтобы наверняка

получить отказ. Но эта игра захватывала меня все больше, если это была игра...

«Увы, я не умею хотеть. Я не умею верить. Хотеть и верить — это уже путь, а он мне, как и тебе, не нужен. Я могу только вызывать, формировать намерение и то, наверно, не очень хорошо, в меру своих небольших сил. Будь рядом со мной. Кирилл».

Давид остался в Москве, купил большую квартиру в новостройке рядом с Кириным домом и часто встречался Кире на улице, в магазинах, в кафе. Они болтали, пили кофе в кофейне, а случившееся в горах было отнесено ими к внезапно разразившемуся приступу страстной любви. Киру это объяснение вполне устраивало. Она знала, что нравится мужчинам. Очень. Она не причисляла себя к красавицам. Но в ней определенно что-то было. То, что сводило с ума. Но, как оказалось, не всех. Кирилл сходить с ума, похоже, не собирался. По крайней мере, пока.

Первый секс, осторожный, пробный, и, в принципе, ничего не менявший в их отношениях, случился между ними, когда Кира вышла из клиники после трехнедельного лечения спины. Вышла и попала прямо в крепкие и не оставляющие шанса на раздумья объятия Кирилла. Впрочем, Кира и не собиралась раздумывать. Она занялась с ним любовью. Он с ней — сексом, в котором являлся, несомненно, не любителем. Кирилл вообще не был любителем, он либо никак не занимался определенным делом, либо был этого дела большим знатоком, другими словами, настоящим профессионалом. Все попадающиеся на Кирином пути мужчины считали себя профессионалами секса, но, как сейчас Кире стало совершенно очевидно, на самом деле таковыми не являясь. Кирилл оказался муж-

чиной с большой буквы, то есть большой цифры, что само по себе уже было чрезвычайно приятно и радовало не только эгоистичное и требовательное тело, но и истомленное сознание. С ним хотелось быть еще и еще. На него хотелось смотреть. Его хотелось слушать. Его просто хотелось... В общем, Кира начала влюбляться или «падать в любовь».

Выходные мы проводили вместе. Я забирал Киру в пятницу вечером или чаще в субботу утром и отвозил ее домой в воскресенье вечером. Для того чтобы принимать Киру у себя, пришлось нанять уборщицу — у меня самого совершенно не было ни сил, ни умения, ни времени, ни желания убираться. Теперь в квартире было хотя бы более-менее чисто, про себя я называл такое состояние «чистый беспорядок». Кира всегда являлась налегке, без каких-либо вещей — как бы зашла на секунду. А когда возникала необходимость переодеться, она надевала вместо халата мою старую голубую джинсовую рубашку и в таком виде хозяйничала на кухне, временами возмущаясь, находя в холодильнике продукты, которым было лет почти столько же, сколько и мне. Потом мы сидели на диване в комнате, ужинали, пили вино и слушали музыку. Кира была образованной девушкой, филолог-переводчик плюс инженер-физик — очень интересный и располагающий к себе коктейль. Два высших образования, отменная память и безупречная логика подтолкнули меня к тому, чтобы начать обучать Киру игре в шахматы. Мы сидели на разложенном диване, где я объяснял правила и стратегию шахматной игры. Потом обычно играли несколько партий, но, увы, шахматы не вызывали у Киры большого интереса. Она явно скучала и всячески увивалась. Несколько лет на-

зад мне подарили шахматный компьютер — первые полгода я проводил с ним все свободное время, теперь я отдал его Кире в надежде, что с ней случится то же самое, и постепенно у меня появится в лице Киры интересный партнер.

В один из первых дней июня мне понадобилось купить рубашку, и мы с Кирой заехали в большой торговый комплекс на Каширке. У этого события оказались последствия. Во-первых, к моему удовольствию, Кира взяла на себя роль моего имиджмейкера. До этого я, совершенно не интересуясь модой, знал две фирмы: «Levi's» и «Lee», и на всякий случай, чтобы не получилось промашки, покупал всю одежду только этих фирм. Теперь я почувствовал себя куклой Барби в руках ребенка. Но я видел, что Кире эта роль очень понравилась, и мне было приятно. К тому же в зеркале примерочных кабин я совершенно неожиданно для себя увидел модного, интересного мужчину. Я и не предполагал, что одежда так кардинально меняет человека. Второе, что я обнаружил в зеркалах примерочных, было то, что торс этого интересного и модного мужчины начал заплывать жиром, да и мышцы больше не топорщились на каждом сантиметре тела. Через несколько дней, в новой модной рубашке, я купал годовой абонемент в фитнес-клуб.

Вместе мы проводили не только дни, но и ночи. Ночь, когда Кира оставалась у меня, не была временем сна, это был особый вид бодрствования. Каждая без исключения ночь разбивалась на много мелких эпизодов. Кира все время кричала, вскрикивала, плакала во сне. Обычно я будил ее, если, по моему мнению, ее страх превышал некий мною установленный предел. Но если предел не был пройден, я часто просто тихо лежал рядом, наблюдая и размышляя над происходящим. Только когда вскрики переходили

в вопли ужаса, готовые прервать ночной отдых всего девятиэтажного дома, я крепко обнимал Киру и шептал на ушко: «Кира, Кирочка, я с тобой, у нас все хорошо, проснись». Я старался не злоупотреблять такими побудками, пытаюсь дать ей возможность выспаться, пусть даже в кошмарах. Но в любом случае меньше трех-четырёх раз за ночь будить не получалось.

«Путь — это когда хочешь и веришь на протяжении всего Пути. Хочешь обрести Путь и веришь, что это твой Путь. Ты привлек ЕЕ своим желанием обладать такой, как ОНА, а меня — своей верой в существование таких, как я. Так что ты хотел и верил. Не темни, человек Кирилл. Не усложняй. Все и без того усложняется. Или ты передумал? Ты уже не хочешь меня? Или не хочешь ЕЕ? Но это уже не имеет значения. ОНА и я, или я в НЕЙ — с тобой теперь до конца. А сила твоя велика. Ты даже представить не можешь, насколько. Тень».

«Доброго дня, Тень. Нет, я не передумал. Ты, наверное, шутишь. Мне и сейчас с тобой интересно и хорошо. Давай сегодня встретимся. Я понимаю, что у тебя пока нет тела. Без тридцати минут полночь почувствуй меня, а я тебя. Пообщаемся. Обнимаю. Кирилл».

Днем на работе я получил подробные инструкции.

«Я не умею шутить. Рада, что ты проявляешь инициативу. Мы обязательно встретимся, чтобы вместить друг друга. Для контакта, ты должен точно выполнить следующее. В 11.30 отключи все, что может отвлечь твое внимание, ляг на твердую поверхность (лучше на пол), подними руки перед собой так, чтобы они составляли угол в 90 градусов с телом, вытяни ладони тыльной стороной (той, где косточки) в сторону лица, закрой глаза. Посмотри на себя со стороны. Представь, как ты лежишь

с закрытыми глазами и поднятыми вытянутыми руками. Ощути поток. Почувствуй, как вся энергия собирается со всего тела и стекается в ладони. Сосредоточь свое внимание на руках. Лежи так до тех пор, пока руки сами не начнут расходиться в стороны. Как только это случится, мы в контакте.

Руки и ладони составляют одну прямую и направлены в потолок. Только не напрягайся. Все в тебе должно быть расслабленно. Не старайся вытягиваться сильно. Важно направление. Пообщаемся. До встречи. Тень».

Собираясь домой, я написал письмо, которое должно было подтвердить нашу встречу.

«Будет сделано по твоим указаниям. Кирилл».

Оказавшись дома несколько раньше обычного, я попил чаю, съел несколько бутербродов с сыром. В квартире было душно. Все окна выходят на одну сторону дома, к тому же на улицу. Сквозняк создать нет никакой возможности, я с этим смирился лет пять назад. Но от моего смирения температура не уменьшалась. Летом я обычно спал на полу, постелив на палас простынь. В тот вечер, вернее, ночь, я разделся, достал свежую простыню, расстелил ее на полу и посмотрел на часы — до полдвенадцатого оставалось три минуты. Зазвонил телефон. Я пошел на кухню, поднял трубку. На другом конце провода молчали. Повесив трубку, я только собрался идти назад, как телефон зазвонил снова. В трубке снова молчали. Подумав, я сказал: «Я готов, начинаем». Послышались гудки.

Я старался. У меня был уже опыт пускания в свое тело других сущностей. Правда, это было давно и только один раз. Однако тогда я понял, как это делается, и не сомневался, что если нужно, смогу добиться

нужного результата без особого труда. Увы, что-то мы делали не так. Хотя инструкции Тени были достаточно подробны, видимо, я упустил какую-то деталь. Руки оставались просто руками и не хотели расходиться. Я полежал, выключив внутренний диалог, наверное, до полуночи. Временами мне казалось, что я чувствую кого-то, но очень слабо и недостаточно достоверно.

Утром я написал письмо и отправился в парк на тренировку.

«Доброго дня, Тень. Спасибо. Вряд ли можно считать, что все прошло хорошо. Ты настолько нейтральна, что я тебя почти не чувствовал. А возможно, я оказался слишком усталым. Давай попробуем еще. Кирилл».

В офисе я как раз варил первую чашку кофе, когда пришло письмо.

«Ты не выполнил мои указания должным образом. Надеюсь, не потому, что не захотел, а из-за недостатка подобного опыта.

Чтобы меня почувствовать, нужно было придать мне сил вибрационной энергией. Я не смогла забрать ее у тебя. Ты не отдавал. Почему? Этой ночью у нас был шанс, и мы его упустили. Что ж, процесс затягивается, будем наслаждаться процессом. У тебя разошлись руки? Если да, то как быстро? Перед тем, как начать движение в стороны, руки могут какое-то время вибрировать. Ты ощущал вибрации? Если нет, можно попробовать по-другому. Все то же самое, только ты должен делать это в положении стоя. Руки перед собой. Остальное аналогично. Но самое главное, ты должен хотеть меня. Хотеть отдать мне часть себя. Что произошло сегодня ночью? Случайность? Неопытность? Усталость? Или ты вздумал играть со мной? Давай играть будем позже. Тень».

Давая указания, изучая какие-то бумажки и чертежи, делая необходимые утренние звонки или собираясь на объект, я одновременно думал о Тени. Перед отъездом я написал:

«Доброго дня, Тень. У меня мало опыта в подобных упражнениях, так что сделай на это скидку. Безусловно, я готов сделать все, что нужно, с полной самоотдачей и ни о каких играх речи нет. Чем более подробные инструкции ты пришлешь, тем мне будет легче. Руки сами не разошлись. Я не смотрел на время, но думаю, минут через 25-30 возникло некоторое давление, которое пыталось развести руки, и я развел их. Нет, руки не вибрировали. Вибраций не было. Я жду твоих инструкций. Я смогу прочитать почту около 22 часов. Кирилл».

Пока я съездил на два объекта, пообщался с заказчиками, дизайнерами, строителями, наступил поздний вечер. Смысла возвращаться в офис уже не было, и я, разговаривая по телефону с Кирой, направился домой. Я рассказывал ей о Тени.

— Вчера Тень прислала мне инструкции, каким образом я должен отдать ей энергию.

— Я надеюсь, ты не стал ничего делать? — Кира то ли встревожилась, то ли разозлилась. — Да?

— Стал, конечно. Я пытался сделать все, как просила Тень. Ты же знаешь, Кируньчик, я стараюсь все делать хорошо и тотально. Но у нас ничего не получилось.

— Расскажи, что тебе велела сделать Тень.

Я рассказал Кире об инструкциях, которые получил от Тени.

Кира молчала, видимо, думая. Потом неуверенно продолжила:

— Она хотела ввести тебя в ключ. Зачем? У тебя действительно ничего не получилось? Руки не расходились? Не вибрировали? Отчаянный ты мой.

— Нет, ничего не было. Абсолютно ничего, — в ухе у меня торчал наушник от телефона, в открытое окно машины врвался уже немного посвежевший вечерний воздух. Было ужасно здорово вот так ехать и болтать с Кирой. — А что такое ключ?

— Ключ — это состояние, когда ты находишься в потоке, и этот поток управляет твоим телом, и не только телом.

Увы, дома меня ждало большое разочарование. Из-за сломанной выделенной линии я получал почту через модем. Мало того, что скорость соединения была небольшая, к тому же и связь постоянно рвалась. Я разделся, бросил вещи в стиральную машинку и постарался получить почту. Не тут-то было. Какие-то спамеры скинули на мой ящик каталог DVD-дисков объема, который я никак не мог получить за время между обрывами связи. Я лег спать, а письмо от Тени так и осталось висеть где-то в сети.

Утром, из офиса я написал Тени письмо с извинениями. Вечером получил ответное.

«В сети разве можно не иметь возможности дотянуться до того, что нужно? Сеть на то и сеть. Возможно, ты плохо с ней управляешься, и не можешь читать, что хочешь и где хочешь. Возможно, у меня неверное о ней представление. Ладно. Я вчера тебя ждала. Сегодня, так сегодня. Я прозрачна и эфемерна только относительно плотного мира. Мое тело желаний очень сильно и устойчиво. Поток направленной психической энергии способен уничтожить тело желания любого из людей, если, конечно, человек не будет к этому готов, и не будет знать, как генерировать ответный поток. У людей тела желаний размыты, психические волны не поляризованы и носят беспорядочный характер. Люди эмоциональны и психически не устойчивы. По мере разрушения те-

ла желания жизненная энергия, то есть жизненное тело, будет стремиться восстановить утраченную психическую энергию за счет жизненной. Так будет продолжаться, пока жизненная энергия не иссякнет. Душа не сможет оставаться в плотном теле без энергетических проводников, и плотное тело освободится. Но! К этому времени у меня должно быть сформировано жизненное тело. И! У нее не должно быть подпитки жизненной энергии извне. Но ты не волнуйся. Главная наша задача сейчас — это формирование моего жизненного тела. Больше не думай ни о чем. Я люблю тебя. Люби меня, и у нас все получится. Тень».

А дома, уже ночью еще одно:

«Старайся и желай. Все получится. Я люблю тебя. Тень».

Я старался. Полностью снял все защиты и был максимально открытым. Мое тело можно было забирать, можно было забирать мою энергию. Но ничего не происходило. Выждав некоторое время, решил, что надо брать флаг борьбы за светлое будущее в свои руки. Очень слабо, на самой границе, отделяющей ощущения от воображения, я чувствовал какую-то сущность, которая пыталась делать что-то, и начал закачивать в нее энергию. Частично я отдал свою, но по большей части это была энергия из ниоткуда. Я создавал потоки, которые вливались в нее. В комнате появился пусть и небольшой, но ощутимый эффект присутствия.

Минут через сорок я устал. Лег и сразу уснул.

Утром получил сообщение:

«Рассказывай. Тень».

В офисе я дал задание ребятам, помог им собраться, и они уехали на объект. Я написал тени следующее:

«Доброго дня, Тень.

Я сделал все по твоим инструкциям. В течение, наверное, минут двадцати ничего не происходило. Были только очень слабые попытки моего тела начать колебаться. Но у меня сильно устали руки, и я опустил их.

После я решил помочь тебе, и поскольку я тебя немного видел, я начал закачивать в тебя энергию. Я создал ток, который наполнял тебя энергией. Ты даже начала немного проявляться у меня в комнате. Кирилл».

Почти сразу пришел ответ.

«Что за вольности! Никакого тока! Мне нужна именно твоя жизненная энергия, а не ток. Подключиться к розетке я и сама могла бы. Наверное, ты шутишь. Я плохо понимаю шутки. Буду учиться. Образ тебе привиделся от стараний или от усталости. Или это был ЕЁ образ. Или?.. Меня ты видеть не мог. Но ты прав, какую-то часть энергии, нужной мне энергии, я получила. Только не ты отдал, а я взяла. Ты почему-то не отдаешь. Ты чего-то боишься. Страх мешает тебе. Чего ты боишься? Верь мне. Вера есть ожидание минус сомнение — ожидание абсолютно уверенное. А страх — тоже вера, только с обратным знаком. Если я не верила бы тебе, я решила бы, что ты меня не хочешь и специально тормозишь, не выполняешь мои указания. Просто тянешь время, играя со мной в странные игры. Но я верю тебе и считаю, что все дело в неопытности и неумении. Что тебе мешает поверить мне? Я готова ответить на любой вопрос. Люби меня. Тень».

«Доброго дня, Тень.

У меня нет вопросов. Возможно, у тебя есть ответы, но у меня вопросов нет. Я верю тебе. Верю без

объяснений. Я готов делать то, что требуется, чтобы помочь тебе.

Мои умения очень скромны. Требовать от меня многого и сразу — правильно, но для того чтобы получить результат, нам обоим нужно терпение и много труда, а желание есть у нас обоих, я надеюсь. Люблю. Кирилл».

«Это хорошо, что ты не любишь задавать вопросы, тем более, что человеку очень трудно понять ответы. Но ты особенный человек. Ты понял бы. Я, наверное, тебя на какое-то время оставлю. Тебе нужен отдых. Для меня общение по сети требует определенных энергетических затрат. Мне пора решить, что делать дальше, и начинать делать. Благодаря тебе энергии на какое-то время у меня хватит. Я буду по мере возможности выходить на связь. А ты отдыхай, делай, что хочешь, люби свое тело и копи энергию. Помнишь, я тебе говорила, что нужно любить свое тело? Именно любовь к своему телу (стремление укрепить его, сделать его красивым и достойным, а главное, желание и умение получать телесные удовольствия), является поставщиком жизненной энергии. Это плотный мир. Мир тел. Здесь тело выше души. Я люблю тебя. Верь мне. Тень».

Примерно неделю писем от Тени не было. Правда, у меня дома все чаще звонил телефон. В трубке была тишина. Звонки раздавались в любое время — и вечером и ночью. Возможно, звонили и днем, но меня не было дома. Терпением я не обделен, поэтому я брал трубку, говорил «алло», потом спокойно клал ее обратно на рычаг.

Кирилл часто рассказывал Кире про Тень. Тень эта писала Кириллу странные письма о том, что она пока

бестелесна, но вскоре завладеет телом некой девушки, и будет исполнять все его желания. Кире было очевидно, что писала одна из многочисленных знакомых, которые роились вокруг Кирилла многоликим облаком вожделения и страсти. И ревности. Друг к другу. Судя по всему, Тень нашла правильный подход и смогла заинтересовать, увлечь и втянуть Кирилла в затяжную переписку... Правда, Кирилл склонен был считать (по крайней мере, так он говорил Кире), что пишет ему вовсе не девушка. Он не исключал варианта, что это действительно что-то или кто-то не от мира сего. «У меня нет знакомых, — говорил он Кире, — которые настолько хорошо разбирались бы в предмете нашей переписки. Тот, кто мне пишет, владеет информацией, недоступной моим девушкам, да и не девушкам тоже». Кирилл всегда говорил так, что было трудно понять, шутит он или говорит серьезно. Отношение его к Тени Кире было абсолютно непонятно. С одной стороны, он серьезно и заинтересованно рассуждал об этой истории, с другой, похоже, ему было абсолютно все равно, чем эта история кончится. Он играл. Как играет ребенок. Он то углубляется в игру и начинает выдумывать героев и сюжеты, то остывает, утомившись или переключившись на что-то более интересное или новое. Как бы то ни было, бой с Тенью их забавлял, придавая определенную остроту и пикантность достаточно сложно и непрямойно развивающимся отношениям.

Как-то после телефонного разговора с Давидом, Кира, не впадая в продолжительный анализ и не делая никаких сложных умозаключений, просто и без тени сомнения сказала Кириллу, что ему пишет Давид...

Давид ухаживал за Кирой настойчиво и броско: безумной красоты и умопомрачительного количества цветы, многочасовые ожидания у подъезда, страстные

и многообещающие монологи под прозрачно-сладкий звон бокалов в самых лучших ресторанах и клубах. Плюс сдержанность, галантность, и удивительный напор. Но Кира была слепа и глуха. Она падала совсем в другую любовь — не столь красивую и яркую, в любовь совершенно иного качества — безрассудную, терпкую, пьянящую и часто причиняющую боль. Любовь, замешанную на ревности, обиде, непонимании и непреодолимом болезненном желании любить. Любовь, дарующую огромную, не вмещающуюся в сознание и переполняющую все ее естество тихую радость и приносящую массу слез.

Пришло письмо, которое озадачило меня:

«Отрывок из манускрипта братства Сармунг:

«Борьба с тенью. 2500 год до н.э. Рождение души всегда сопровождается высвобождением высокочастотных вибраций и привлечением девственного духа. Дух купается в этой лучистой энергии и формирует себе из нее тело. Тело тончайшей энергии эмоций ликования рождающейся души. Люди называют это существо ангелом-хранителем. Но иногда случается иное. Случается обычно с духом сильным, дерзким, быстро достигшим удивительных высот самореализации и самопознания, и, безусловно, удовлетворяющим всем условиям кристаллизации... Случается, что в момент кристаллизации дух осознает свою исключительность, утопает в гордыне и упоении своими успехами... Случается, что родившаяся душа возомнит себя богом-творцом, имеющим право вершить... Случается тогда, что вместо ангела-хранителя рождается тень. Нет существа более неприкаянного, чем человек с неправильно кристаллизованной душой. Нет существа более обреченного,

чем неправильно кристаллизованная свободная душа. Поскольку открывается ей весь ужас и кошмар содеянного. «И души ваши, стыдом греха израненные, еще крепче цепляются за ваши тела». Поскольку декристаллизация возможна только в теле человеческом и только через унижение души перед телом, возгордившаяся душа должна признать свое место и покаяться, полюбить плоть свою, растоптать гордыню свою и вновь начать путь восхождения с самого начала — от плоти к сути. Задача тени — не допустить декристаллизации, поскольку это ее смерть, небытие. Тень изворотлива и умна в своем стремлении быть. Но она всего лишь тень. Она не способна любить, не способна существовать без подпитки. Она уязвима и бестелесна. Она — ничто. Ее может питать только психическая энергия, т.е. вера в нее. Свободный дух нейтральности».

Я перечитал письмо три раза и все равно с трудом понял, о чем речь. Но то, что до меня все-таки дошло, представлялось интересным — переписку решил поддержать и ответил в том же стиле. Пришлось достать с книжного шкафа Бхагават-Гиту:

«Отрывок из Бхагават Гиты. Примерно 2500 год до н.э. Лучше заниматься собственным делом, даже выполняя его несовершенно, нежели в совершенстве исполнять чужое...

Любое усилие влечет за собою какие-то недостатки. Поэтому живому существу не следует отказываться от деятельности, порожденной его природой. Кришна Кирилл».

Мы с Кирой встречались и в будние дни. Иногда я бросал работу в то время, когда обычные люди ее заканчивают, мы гуляли по вечерней Москве, пили кофе в кофейнях, ужинали в летних кафе. Нередко в это время мне звонили мои знакомые девушки. Я свобод-

но разговаривал при Кире, а то и Кире давал трубку, поздороваться и сказать несколько слов. Стоит объяснить, что устав от запутанности взаимоотношений между полами, я уже давно придумал себе систему, которую я называл «Все просто». Система состояла только из двух пунктов: ничего не скрывать и не обращать внимания на чужие комплексы. После введения в действие системы, барьеры, которые я раньше с трудом, часто порвав при этом штаны, преодолевал, исчезли без следа. Знакомясь с девушкой, я почти сразу знакомил ее с другими своими подругами, при этом не скрывая, что иногда я занимаюсь с теми сексом. Впоследствии я уже не беспокоился о том, чтобы о чем-то умалчивать или что-то не то сказать. Нездоровая конкуренция все равно возникала, но меня это уже не волновало. Своих знакомых девушек я тоже не контролировал, не призывал давать мне отчеты, где они бывают и с кем. Может быть, поэтому с некоторыми у меня были достаточно доверительные, но при этом легкие отношения. В целом я не делал разницы между своими отношениями с мужчинами и женщинами. Кира не без сложностей, но кажется, приняла мои условия игры. Постепенно она познакомилась, в основном по телефону, почти со всеми моими знакомыми. Некоторые ей понравились, многие — откровенно нет. Кира была необычайно строга в своих суждениях в первую очередь относительно представительниц женского пола, ни одной из которых она не симпатизировала до конца. Но меня это не смущало, и я продолжал гнуть свою линию.

Моему новому адресату понадобилось несколько дней для ответа. Я уже подумал, что он ограничился только одним письмом, и иногда на ночь перечитывал его. Однако последовало второе.

«Собственное дело человека — пропитание, война, любовь, смерть. Границы, образующие круг жизни, полный мерзостей и красот, наслаждений и боли — замкнутый круг, обрекающий всякое существо на повторение всеобщего жребия. Только познание и любовь, как далекие звезды, дают слабую, но негаснущую надежду его разомкнуть. Человеку помогает вера в то, что за пределами этого круга суеты таятся какие-то иные уровни бытия и есть выходы не в дурную, идиотически повторяющуюся, а в Развивающую Бесконечность, в Мир Возможного Смысла, ждущий и зовущий. Лишь эта вера дает силу действовать и творить. Мог бы ты исполнить на рояле эту отчаянную скрипичную мелодию? Скрипка — она, рояль — ты. Ты не играешь на рояле? Не чувствуешь и не знаешь ее? Хорошо, тогда вот этот ритм... Всего лишь на барабане. Что за ритм? Нет, не поезд, хотя похоже... Так стучит сердце человека с неправильно кристаллизованной душой. Через этот ритм можно вжиться в него и унести далеко... Страшно? Тогда не надо. Свободный дух нейтральности».

Я получил это письмо вечером дома и оценил его красоту. Нажав на «ответ» и просидев перед клавиатурой пятнадцать минут, я выключил компьютер и лег спать. Слишком хорош был стиль письма, чтобы испортить его неподходящим ответом.

Утром я понял, что моего владения эпистолярным жанром не хватает для достойного ответа. Поэтому я ответил просто.

«Нет, не страшно».

До обеда в офисе я получил сразу два письма: от Свободного духа нейтральности, или от того, кто скрывался под этим красивым именем, и от Тени. Первый писал:

«Тогда делай то, что свойственно твоей природе... Но помни, что настоящее вживание в другого — действие обратное и психоанализу, и самокопанию. Чтобы понять другого, нужно ему уподобиться — хотя бы так, как это делает резонирующая струна или музыкальный инструмент, вторящий другому инструменту. Ты не можешь изменить свое телесное вещество; но можешь себя перенастроить, переозвучить, переосуществить, преобразовать изнутри — стать другим — из того же исходного вещества, как гусеница становится бабочкой. А потом вернуться... Вживание — это не в чужую шкуру влезать со своими потрохами, а наоборот чужие внутренности впускать под свою кожу — и давать им жить свободно, подробно, истинно. С другой стороны, как только понимание начинает реально существовать, оно перестает быть истиной. Всякая истина, поддающаяся описанию, уже не истина. Истина лишь тогда истинна, когда она вне области концептуализации. А понимание — психический наркотик. Если ты понял другого — ты убил другого. Ты должен решить эту задачу сам. Убей в ней то, что должно быть убито. Не перепутай. Все. Я уйду. Свободный дух нейтральности».

«Я скучаю по тебе. Я ощущаю, что и тебе без меня не по себе. Потерпи. Мы уже ближе друг к другу. И я знаю, что нужно делать. ОНА сейчас слаба. Душа ЕЕ мается и чем-то тяготится, возможно, ОНА интуитивно ощущает, что спасение в тебе, но разум мешает ЕЙ. Как бы то ни было, ОНА готовится к разлуке. Когда ОНА лишится твоей подпитки, то сделается абсолютно беззащитной. Тело желаний ЕЕ и без того уже практически разрушено — желания слабы, психическая и жизненная энергии перемешаны, концентрация отсутствует, эмоции бес-

контрольны, теперь достаточно даже слабого направленного потока, чтобы ОНА потеряла полную ориентацию, я знаю, я уже пробовала. Душа ЕЕ так хочет жить, что подсознательно черпает жизненную энергию отовсюду, в том числе и от тебя. Но ОНА не осознает этого, и это работает против НЕЕ. ОНА неправильно вмещает и оценивает понятие Жизнь. ОНА хочет жить и в то же время презирает жизнь. ОНА недостойна жизни. ОНА недостойна тебя, твоего отношения к жизни. Это я тебе все говорю, чтобы ты правильно оценил ситуацию, и вдруг не подумал, что сможешь обойтись без меня. ОНА никогда не будет с тобой, душа ЕЕ презирает тебя, точно так же, как презирает жизнь, и лишь подсознательное желание выжить во что бы то ни стало, бросает ЕЕ к тебе. Будь со мной. И ты обрешь то, чем не обладал еще ни один человек. Тень».

Не было сомнений, что письма были взаимосвязаны. Казалось, что тот, кто называл себя Свободным Духом Нейтральности, был в оппозиции к Тени, возможно, даже охотником за Тенями. Он предостерегал меня от общения с ней, от передачи ей энергии. Но было не совсем ясно: в последнем письме Духа речь шла о Тени или о девушке, за которой охотится Тень? В любом случае Свободный Дух Нейтральности старался что-то донести до меня, а я не понимал что. Я принимал информацию, но не мог понять его замысел.

Глава 3

Я опять
Провалилась
В черную бездну
Твоего
Живота.
Плохо сплю.
Не хочу
Так.
Хочу,
Как...
Не хочу как бы...
Хочу, чтобы...
Не хочу, чтобы ветер...
Хочу, чтобы боль...
Вернулась.
Чтобы с тобой...

Кира не работала. Она жила за счет мужчин, которые ее любили. Кира так и не смогла для себя решить, действительно ли она настолько хороша или просто в ней работает своеобразный механизм, притягивающий противоположный пол с целью ее беззаботного существования. На момент знакомства с Кириллом, мужчиной, который за все платил, был Олег. Кира уже давно с ним рассталась, но он продолжал ее любить настолько нежно, что оплачивал все оправданные и неоправданные расходы, в том числе и лечение. Около пяти лет назад Кира крайне неудачно сломала позвоночник и, можно сказать, умерла. Вернее, любой на ее месте сразу же умер бы, но Кира,

впав на девять месяцев в кому и благополучно вернувшись из нее, не только не умерла, но продолжала заниматься таким экстримом, который и здоровому человеку мог показаться несовместимым с жизнью. Но спина иногда болела, правая сторона тела отказывалась время от времени слушаться, и Олег постоянно находил для Киры различные новейшие реабилитационные курсы лечения. Когда Киру в очередной раз охватывал холодный и тяжелый страх быть парализованной, она ложилась в клинику или ехала в какой-нибудь модный санаторий, в глубине души, правда, считая все эти методы недейственными и успокаивающими только воспаленное страхом сознание. Она была уверена, что ключ ко всему, что с ней происходит, находится в ней самой, и лечиться, если, конечно, лечиться, нужно совсем другими способами. Тем не менее когда Олег сказал, что Кира должна лететь в Испанию в очередной раз укреплять свое здоровье, она особенно не сопротивлялась, тем более июнь уже подходил к концу, тело требовало загара и физической нагрузки (три недели, проведенных в клинике без движения, явно не пошли ему, то есть телу, на пользу), а Апрель, ее сын, рвался к морю, начиная при этом всячески беситься, чем изрядно напрягал Киру.

Сообщая Кириллу о принятом решении отдохнуть в Испании, Кира очень надеялась на то, что он изъявит желание поехать ей вдогонку, чего, как и следовало ожидать, не случилось. Зато случилось с Давидом. Кира, сославшись на то, что все организует Олег, не стала сообщать Давиду точное место, куда едет, и намекнула, что будет отдыхать в закрытом санатории. Ей совершенно не нравилась перспектива провести три недели с Давидом, напора которого она уже начинала побаиваться.

Малага встретила дождем, ветром, штормом. Сидеть в гостиничном номере было грустно, пить в одиночку еще грустнее. И Кира, как всегда в таких случаях, пошла на контакт. Знакомилась она просто, ненавязчиво, свободно. Впрочем Кира, собственно, ничего особенного и не делала. На этот раз она взяла в лобби-баре бокал красного вина и заняла выигрышную позу у стойки, не забыв при этом принять скучающий вид. Через несколько минут она уже приятно болтала с загорелым светловолосым шведом с бледными глазами, наивным выражением лица, хорошо развитой мускулатурой и заинтересованным взглядом. Он подсел к Кире вторым. Первого претендента на знакомство пришлось вежливо отшить, поскольку он не соответствовал ни эстетическим, ни возрастным цензам. После двух бокалов вина в бездне Кирино восприятия проснулась и начала расти находившаяся в анабиозном состоянии обида на Кирилла. Возобладало желание забыть последнего с помощью бледноглазого викинга. Не получилось. Кира не смогла. Не смогла и на следующий день. И после. Ее душила досада. Вот она какая, эта любовь! Киру терзали сомнения. Возможно, неправильно сделан выбор лекарства и нужно искать другого, более приятного сердцу и уму. Она перебрала в голове всех возможных кандидатов, начиная от врача, занимавшегося ею очень тщательно и рассчитывающего на соответствующую благодарность, до импотантного и стреляющего крупной дробью черных бездонных глаз отельного красавчика — менеджера по ресторанной части. Полный облом! Все мысли и желания были устремлены к оставшемуся в Москве Кириллу, с которым они сейчас вяло обменивались SMS-ками и иногда коротко говорили по телефону. Она скучала. Он, похоже, не очень. Она напряглась, чтобы увидеть... И увидела. С ним была девушка. Черноволосая, с ост-

рым взглядом и мальчишеским голосом. Они проводили вместе время, играли в бадминтон, ходили на концерты, занимались сексом — знакомый сценарий. Обида перешла в тупую ревность, ревность обнаружила пустоту. Пустота освободила сознание.

На следующий день Кира тонула. Во время своего утреннего двухкилометрового заплыва у нее сначала отнялась правая нога, потом рука. Тело не слушалось призыва повернуть к берегу. Кира понимала, что скоро пойдет ко дну, но эта мысль скользила как бы параллельно неосознанному приказу плыть вперед. И она плыла. Но недолго. Последнее, что осталось в памяти, — это шум мотора катера, чьи-то голоса и крики.

Кто-то монотонно говорил по-испански. Кира попыталась открыть глаза. Тщетно. Телом она ощущала дерматиновое сидение, холод металла и воду под ногами. Было впечатление, что она лежит в катере. Кира успокоилась и расслабилась. Со временем ощущения стали меняться. Ей стало холодно и ее тошнило. Кажется, она вся погружена в воду. Медленно пришло понимание. Запахи, шумы, боль в левой руке. Капельница. Холодные простыни. Она в клинике. Сознание ощутило тело. Тело зашевелилось. Кира открыла глаза.

Вокруг засуетились люди в голубых халатах. Послали за главным врачом. Кира закрыла глаза. С возвращением.

— Ты убила его. Смотри, он не дышит. — Сандро держал на руках безжизненное тело щенка. — Что ты наделала? Ты не управляешь своей Силой!

— Заткнись и уйди. Я знаю, что делаю.

— Ничего ты не знаешь. — Он пытался открыть собаке глаза. — Нельзя экспериментировать на живых.

— Ты можешь помолчать? Мне трудно сосредоточиться. — Она вся превратилась в энергетический шнур. Ее било и трясло, но она уже умела направлять поток. Она слилась с этой несчастной собакой и влила в нее жизнь.

Щенок шевельнул передней лапой и дернул ухом.

— Жить будет.

— Ты самодовольная дура. Он мог погибнуть.

— Но ведь не погиб.

— Ты не должна расточать свою Силу направо и налево.

— Я не знаю, что я должна. У меня нет учителя.

— У тебя никогда не будет учителя, если ты не научишься усмирять свою гордыню.

— Ну и не надо. Я сама обрету Путь, и без учителя.

— Зачем ты так сказала? Ты же так не думаешь.

В тебе говорят обида и отчаяние. Смирись. Дедушка Георгий говорит, что ничего не может быть опаснее ожесточенного сердца.

— Ты просто завидуешь мне, моей Силе, у тебя ее нет и никогда не будет. — Ее несло совершенно не в том направлении.

— Ты дура. Бросить бы тебя. Но без меня ты совсем пропадешь. Сила твоя для тебя одна беда. «Блажен тот, кто имеет душу; блажен также и тот, кто не имеет ее, но горе и печаль тому, кто имеет в себе понятие о ней».

— Дед Георгий?

— Нет, Святой Кришна.

— Ты прости меня. Страх и тревога управляют мной.

— Я знаю.

Кира никогда не защищалась. Точнее, ей еще ни разу не приходилось защищаться, поскольку на нее не

нападали. Нападала только она сама, да и нападением это можно было назвать с большой натяжкой, просто она немного перестраивала окружающий мир так, как ей хотелось, иногда даже без какой-либо хоть как-то выраженной и обрисованной цели — просто из любопытства. Но и эти эксперименты ей пришлось прекратить после того, как столкнулась она с темной, холодной, выворачивающей наизнанку сознание, подавляющей и опрокидывающей разум реальностью. Глубокое, бесконечное одиночество, страх, безысходность, напряжение навалились и расплющили каждую частичку ее странного существа. Непонятные и непостижимые сущности роились вокруг, беззвучно переговариваясь, извиваясь, то пропадая, то появляясь, заполняя пространство вокруг и внутри Киры. Они распространяли плотные, жесткие вибрации, являющиеся их голосом, смехом, плачем, естественным. Они пронизывали Киру насквозь, больно жала и растворяясь в ней, порой взрываясь миллиардом себе подобных. Кира подставляла свое сердце и разум, чтобы почувствовать их боль и отчаяние. Но по-настоящему леденило душу всецело захватывающее чувство бесконечности и безвариантной вечности. Вечность показывала свой кривой всезаполняющий оскал. Неимоверным усилием воли Кире удалось оторвать внимание от этого чудовищного наполнителя и сосредоточиться на себе. Возвращение было долгим и мучительным. С тех пор она никогда больше не пользовалась своими способностями, даже когда возникала необходимость.

Однако теперь, после случившегося в море, ее охватил почти такой же пронизывающий до костей страх. Она ощутила слабо, но определенно необходимость воспользоваться своей силой. Она осознала нападение.

Раньше она не встречала подобных себе, тех, кто могли и умели... Сейчас ей стало очевидно, что рядом был кто-то, кто мог и умел, или, по крайней мере, пытался. Разум высветил двоих.

Давид... Давно занимается духовными практиками. Кира сама подтолкнула его на этот путь много лет назад. Он с открытым ртом слушал Кирины рассказы и объяснения. С завидной настойчивостью и самоотверженностью делал упражнения; в течение трех лет ежедневно двигал силой сознания спичку, пока та не поддалась; пытался влиять на животных, порой успешно. С людьми, насколько помнилось Кире, у него раньше не получалось. Может, случилось? Но зачем? Неужели так сильны чувства и желание быть с ней. Мысль растеклась в голове лужей тягучей и теплой лести.

Кирилл... Можно ждать чего угодно. Вещь в себе. Совсем пока не исследованная. Она чувствовала головокругительную бездну и абсолютную, плотную пустоту, которая притягивала, засасывала, ворожила. Она и так вся его. Без остатка, без раздумья, без сожаления. Чего ж еще? Вопрос!

— Мне нравится эта девочка. Я хочу, чтобы она была моей подругой.

— Оставь ее, разве у тебя мало подруг?

— У меня нет подруг.

— И не будет никогда. Чтобы иметь подруг, нужно самой быть подругой. А ты...

— Что я?

— Ты сама знаешь. Не лги себе... И мне тоже. Эти бедные девочки, которые ходят за тобой по пятам, внимают тебе с открытыми ртами никогда не будут тебе подругами. Хотя бы потому, что ты никогда не будешь относиться к ним, как к подругам. Ты подавляешь их, а они тебя боятся. Зачем тебе еще одна?

— Сандрочка, миленький, я научусь дружить с девочками, честное слово. Ну иди, подойди к ней. Я очень хочу ее иметь...

— Вот именно, что иметь.

— ...Иметь подругой.

— Не пойду. Оставь ее.

— Она тебе нравится, а Сандро? Что ты ее так защищаешь? — Она хитро заглянула ему в глаза.

— Мне нравишься ты, и я не хочу, чтобы ты губила свою душу, заставляя еще одну девочку подчиняться тебе.

— Никто их не заставляет. Я им просто нравлюсь, они любят меня и поэтому хотят мне угодить.

Он молчал и смотрел на нее полными печали глазами.

— Ну ладно, Сандро, даю честное слово, что на эту девочку я не буду давить, не захочет со мной дружить — не надо. Пусть идет на все четыре стороны.

Он молчал.

— Ты мне прожжешь щеку. Не молчи. — Когда он так смотрел на нее, она начинала чувствовать легкие уколы того «нечто», что жило у нее глубоко внутри, и что Сандро называл совестью. Он постоянно призывал поступать только в соответствии с «совестливыми» импульсами. Она же считала это проявлением слабости, тем более что импульсы эти беспокоили ее в последнее время все чаще. С ними приходилось бороться, и борьбу эту она все чаще и чаще проигрывала, что тревожило и дезориентировало ее чрезвычайно. Он же, ссылаясь на дедушку Георгия, говорил, что совесть возникает в людях из-за печали Бесконечного Творца — Абсолюта. Именно поэтому источник проявления подлинной совести иногда называют Представителем Творца. Печаль эта формируется вследствие непрерывно происходящей во Вселенной борьбы между

радостью и печалью. И только тот, кто сознательно помогает процессу внутренней борьбы, поступает в согласии с сущностью Абсолюта; тогда как тот, кто сознательно потворствует своим желаниям, только увеличивает Его печаль.

— Хорошо, Сандро. Я не буду трогать эту девочку. Ты победил.

— Это ты победила свою гордыню хоть в бесконечно малом.

— Сандро, что со мной?

— Не знаю. Наверно, так надо. Не думай об этом.

Кира улетела с Апрелем отдыхать в Испанию. Перед отъездом она ни с того ни с сего уверенно сказала, что Тень — это Давид. Я поверил не веря. Принял к сведению, как одну из версий. Он-то тут при чем? Похоже, она сама в это не очень верила. Теплое море плюс лечение спины, вне всяких сомнений, были ей нужны. Мы, в основном, общались посредством SMS. Еще до ее отъезда я предложил переписываться по-английски. Кира знала этот язык с детства, поскольку родилась в Штатах и первые несколько лет жила там с родителями, я же хоть и учил английский много лет, к сожалению, особо далеко не продвинулся. Я был настойчив, выучил множество слов, но не сумел освоить даже основы грамматики. Тем не менее для SMS, как тогда казалось, моих знаний должно было хватить с лихвой. Увы, Кира писала слишком сложно для меня, слова я все понимал, но общий смысл ускользал напрочь. Сдаваться я не собирался, браво отвечал на своем уровне, но Кира быстро раскусила, что мои письма имеют очень косвенное отношение к тому, что пишет она. Даже написала что-то по этому поводу, притом таким сложным образом, что я не понял что

именно. Было лишь очевидно, что она совсем нелестно отзывается о моем английском. Поскольку я точно не понял, о чем шла речь, а еще раз переспрашивать было неудобно, я ничего не ответил и мы несколько дней не общались, что впоследствии вылилось в Кирину обиду.

Тень больше недели не давала о себе знать. Я уж начал подумывать, что ловцы поймали ее или чей-то розыгрыш благополучно зашел в тупик. Да, действительно, я легко переходил от одной версии к другой относительно того, с кем я переписываюсь. Ни одна из них, в том числе и Кирина, не давала полного объяснения. Правда, думать что все закончилось, мешали постоянные телефонные звонки, с упорным молчанием на другом конце провода. Звонки обычно следовали ночью и прекращались после 4-5 часов утра. Лишь один раз в трубке были слышны шуршание и свист проводов, через которые отчетливо доносилось: «Помоги мнеeeeeeeeeee.....» Голос был ни женским, ни мужским, очень медленным и надрывным. Говорили как будто через вату или из-под воды.

Однако вскоре последовало письмо. Пришло оно около пяти утра и шквала телефонных звонков, которые успокоились только после того, как я прочитал почту.

«Я сделала свое дело. Нить, соединяющая ЕЕ с жизнью тонка. Теперь дело за тобой. С сегодняшнего дня перед сном пей воду, и как ляжешь спать, представляй в своем животе клубок, наподобие клубка пряжи. Потяни за конец нитки и наблюдай, как плетется мое жизненное тело. Остальное я сделаю сама. Тень».

Я сварил кофе, медленно выпил его, перечитывая письмо. Ясно было, что-то происходило, но где, с кем и что? Начинался новый день, под окном изредка

шуршали колеса машин. Ничего не придумав, я ответил:

«Будет сделано».

И уснул до утра, без звонков.

Утром до меня наконец-то дошло, что мне, возможно, пытаются всучить девушку, капризную, это уже точно, а вот красивую ли, это еще большой вопрос. Перспектива была туманна, поэтому я попытался выяснить, что прячется во мгле сети. Вдогонку первому, я послал второе письмо.

«А что если у нее некрасивое тело? Ведь красивых девушек мало».

Это письмо положило начало пику интенсивности нашего общения, мы обменивались письмами три-четыре раза в день.

На работе настало неблагоприятное время, заказов не было. Такая ситуация продолжалась уже катастрофически долго. Я одалживал деньги для выживания фирмы, думал, что делать дальше. На грустной ноте, отвлекаясь от дел, я общался с Тенью. Право дело, проблемы не давали мне возможности полностью сосредоточиться на нашей переписке. Вдобавок после такого количества телефонных звонков, особенно ночью, мое уважение к ней быстро превращалось из красивого белого парусника в ржавый баркас, угрожающий вот-вот утонуть.

«Кирилл. Тебе виднее... Я его, к сожалению, не видела... Впрочем если оно устроило тебя, оно устроит и меня. И не делай резких движений... Я ведь могу найти и другого желающего, но я люблю тебя, потому что ты меня хотел и призвал. Однако если придется выбирать между тобой и телом, я приму тело. Тень».

Я уже давно понимал, о ком речь. Но Давид, если это был он, видимо не знал, насколько я люблю играть в разные игры, в том числе и азартные, и могу блефо-

вать до конца. Я не был бы собой, если бы отнесся к чему-то серьезно, и не продолжил бы игру по своим правилам. Помню, когда я был еще спортсменом, на тренировочных сборах мои друзья засунули мне в рюкзак огромный тяжелый кирпич. Как они радовались, когда я нес его со стадиона в гостиницу, причитая, что после тренировки даже обычный рюкзак кажется тяжелее. Обнаружив в номере находку, я за обедом не подал вида и на расспросы ребят пожимал плечами, чем привел всех в недоумение. На следующей тренировке я заметил, как самый смелый тихонько заглянул в мой рюкзак, проверяя, есть ли там еще подброшенный мне кирпич, отрицательно помахав головой остальным. Он-то и повез в своей сумке, через неделю, пресловутый камень в Москву.

Хотите играть в игры, Давид, Тень, или кто-то еще, давайте играть, но абсурд ваш будет замешан мной. Вы преследуйте свои цели, а я, прикидываясь дурачком, идиотом — главное, не самим собой — буду собирать о вас информацию.

Я, естественно, не надеялся, что противоположная сторона будет наивно предоставлять мне верную информацию, там хитрецы и выдумщики еще те, это было уже ясно, как дважды два.

«Доброго дня, Тень. Среди моих знакомых нет действительно красивых девушек... Я не понимаю, о ком речь, но действительность такова. Красота — штука редкая, увы. Кирилл».

«Зачем лжешь мне? Ты ведь все понимаешь, я тебя чувствую. Хочешь спасти ЕЕ? Даже и не думай. Со мной? Тогда делай то, что я тебя просила. Нет? Я найду другого. Тень».

«Ищи. Я не лгу, и ты это знаешь. Приз в этой игре меня не интересует. Мне нужен другой приз. Кирилл».

«И какой же тебе нужен приз? Тень».

«Доброго дня, Тень».

1. Я не торгуюсь.

2. Мне нужно красивое женское тело.

3. И ты близка мне, я люблю тебя.

4. Чья ты тень? Я ума не приложу, о каком теле идет речь.

5. Обещание. Кирилл».

«Люди странно себя называют... В мире тонкой материи нет имен. Но я постараюсь тебе помочь. Когда думаешь о НЕЙ грустно — умиляешься; ОНА оранжевая, иногда черная и красная; у НЕЕ нота «ми», число 7; ОНА никого не любит, даже себя, она не живет, а плачет, не делает, а думает, не хочет, а мается; ОНА уже ничто, но думает, что все; ОНА презирает тебя, но думает, что любит. Тень».

«Доброго дня, Тень».

Да, я понял. Есть у меня одна такая знакомая, оранжевая. Нет, меня она не любит, просто сейчас я ее любимая игрушка. Желаю тебе отнять у нее тело. Насколько я понимаю, оно ей действительно не очень нужно. Удачи. Кирилл».

На следующее утро позвонила Кира. Сначала я подумал, что она решила больше не испытывать наши отношения моим знанием английского, но дела оказались намного хуже. За те несколько дней, пока мы не переписывались, она успела утонуть и пролежать сутки в коме. Во время утреннего заплыва что-то с ней случилось. Ей казалось, что кто-то чужой захватил власть над телом. У нее перестала двигаться рука, и она практически утонула — ее вытащили спасатели.

Мне было стыдно. Стыдно, что я не позвонил сам, что не прочувствовал, что не предотвратил.

После этого мы стали меньше пользоваться SMS, чаще созванивались. Она быстро поправлялась, даже

настроение улучшилось. Теперь она плавала только вдоль берега.

Танька появилась совершенно неожиданно. За ужином она под села за Кирин столик и окатила Киру гремучим, безудержным, закатистым смехом. Ей действительно удалось удивить Киру. Уж Таньку она никак не ожидала увидеть. Они дружили, конечно, но не до такой степени, чтобы Танька все бросила и примчалась навестить подругу. Киру охватило смятение. Что-то здесь не так. Она подняла глаза и стала озираться по сторонам, в надежде увидеть Кирилла. Конечно же, это он нашел ее через Таньку, которую привез с собой в качестве компаса — она точно знала, где и как искать Киру. Она чувствовала присутствие. Она не слушала бессвязного восторженного лепетания вдруг явившейся подружки, а настроила свое восприятие на внешние входящие вибрации. Она поняла свою ошибку на несколько мгновений раньше, чем увидела пробирающегося через переполненный и монотонно гудящий зал ресторана Давида. На нем от уха до уха была надета улыбка, глаза лукаво сверкали, в руках — маленький, но изысканный букетик.

— Твоя подруга оказалась намного более информированной, чем я, — без какого-либо приветственного замечания начал он свой монолог, целуя Киру в щеку. — Но ты ведь знаешь, кто ищет, тот найдет обязательно, если, конечно, ты не полный идиот. Тая с невероятным энтузиазмом отозвалось на мое предложение провести недельку на море.

— Здесь просто замечательно, — вставила свое слово возбужденная Танька. Мы поселились рядом с тобой. Отель — чудо, очень шикарный, но в тоже время уютный. Давидик — выше всяких похвал. И куда

только ты смотришь. Я бы ни секунды не раздумывала, окажись рядом со мной такое сокровище. — Она вожделенно посмотрела на Давида.

— Лови момент, — Кира пыталась вписаться в ситуацию. — Это сокровище сейчас как раз рядом.

Ровно через неделю они уехали, довольные и загорелые. Танька, правда, немного ворчала по поводу того, что можно было бы и продлить так удачно свалившийся ей на голову отдых, и полететь в Москву вместе с Кирой. Но Давид остался глух к ее намекам, к тому же он, казалось, спешил вернуться из-за каких-то неотложных дел. Ничего подозрительного в поведении Давида за эту совместно проведенную неделю Кира не заметила. Нападение больше не повторилось. Давид вел себя как всегда безупречно, если не считать его нездорового интереса к Кириллу и к их с Кирой отношениям. Когда Кирилл звонил, Давид все время спрашивал у Киры, что же она такого особенного нашла в своем новом друге, чем он ее так заморозил, чем он лучше его — несравненного Давида. Разговор всегда начинался в шутку, но Кира чувствовала, что Давид не шутит. Он ревновал. И ревновал очень сильно. Ревновала и Кира. Кирилла, который сейчас проводил время со своей черноволосой подружкой.

В Испанию приехала ее подружка и... Давид — вроде как навестить и сделать сюрприз. Сюрприз удался. Кира старалась никому не говорить, куда именно едет и где остановится. Давид каким-то непостижимым образом нашел ее подружку — Татьяну — одну из немногих, которая была в курсе, и уговорил ее слетать, за его, разумеется, счет в Испанию. Проблем с деньгами у Давида, как я понимаю, не было, со-

ответственно он не испытывал и затруднений с воплощением своих желаний. Я чувствовал, что Кира мне чего-то не договаривает, но это было ее желание и право. Я не претендовал на то, что она хотела оставить только для себя. Тем более что моя переписка с Тенью продолжалась. Если это был Давид, значит он писал из Испании. Письма приняли несколько абсурдно утрированный характер, впрочем то, что происходило вокруг, было нисколько не лучше.

«Иногда веришь в меня до такой степени, что тебя посещает страх. Иногда человеческое побеждает, и сомневаешься, и думаешь, думаешь, что меня нет. Люди не видят очевидного, но рисуют себе мир и живут в нем иллюзиями, даже не подозревая, что реальность — совсем не то, что они о ней думают. Великая человеческая глупость. Я буду искать другого. Передумаешь — я буду рада, несмотря на твою глупость, я люблю тебя. Тень».

«Доброго дня, Тень.

Меня не посещает страх. Я уже давно потерял человеческую форму. Я понимаю, что никто не знает, какова реальность. Для нее нет выражения в образах ума. Я не вмешиваюсь в то, что происходит в мире. Ты будешь в ее теле или она в своем, мне нет разницы. Желаю тебе удачи в поисках другого. Не сомневаюсь, это несложно. Несмотря на твое непонимание ситуации, я тоже люблю тебя. Кирилл».

Оказалось, что Киру интересует, с кем я провожу время. Она утверждала, что часто видит, что со мной происходит, как в кино, и она не может, как ни старается, прервать это странный показ, хотя предпочла бы ничего не видеть. Судя по всему, она видела меня со Светой. Я действительно был с ней, и не стал скрывать этого от Киры, следуя своим принципам. Я все еще не устал наступать на одни и те же, сделанные с такой за-

ботой, грабли. Оказалось, что среди откровенной чепухи и фактов, имеющих место только в кино, безусловно, прослеживались очевидные параллели, а некоторые нюансы совпадали точь в точь. Возможно, во всех эротических фильмах некоторые нюансы совпадают. К сожалению, мой более-менее откровенный рассказ расстроил Киру еще больше, чем ее «документальные» сны-кинофильмы. А я упорно стремился к утопии, полагая, что вход где-то рядом, как ишак Насредина верил, что еще один шаг — и он дотянется до сладкой морковки, что болтается перед ним привязанной на длинной палке.

Так неожиданно возникшие, и теперь основательно пустившие корни чувства были новы для Кире. Раньше она не испытывала каких-либо привязанностей. Мужчин у нее всегда было намного больше, чем требовалось для более или менее глубоких отношений. Кира листала мужчин, как страницы книги, по долгу не задерживаясь ни на одной и, как правило, не перечитывая. Странице, именуемой Кириллом, грозила опасность быть зачитанной до дыр. Загорелые тела и заинтересованные взгляды оставляли ее безучастной. Мысли ее настойчиво и неутомимо вращались вокруг Кирилла. Чтобы не обнадеживать одиноких искателей приключений, Кира старалась теперь держаться в компаниях. Но и это не уберегло ее от неприятного инцидента. Киру настойчиво преследовал какой-то представитель местной власти, отдохавший с ней в одном отеле, — огромных размеров уже молодой испанец, очевидно, считавший, что для него в этой жизни нет ничего невозможного — все дело в стоимости, которую приходится платить. Кира с каждым днем стоила все дороже, отвечала на становивши-

еся уже неприличными домогательства шуткой и надеялась на лучшее. Но лучшего не произошло. Местный испанский чиновник с каждым днем становился все более агрессивным и щедрым, а для храбрости или для поддержания агрессивности и щедрости, он теперь постоянно находился под градусом, что еще больше усложняло и без того уже изрядно напрягающую Киру ситуацию. Во время вечерней анимации, подловив Киру у дамской комнаты, он набросился на нее со звериной похотью и начал рвать на ней платье. Кира, собрав все свои девичьи силы, оттолкнула его — он упал и умер. Надо сказать, умер не сразу, а несколькими часами позже — уже в клинике — от кровоизлияния в мозг, что, однако, не помешало местной полиции задержать Киру и взять с нее подписку о невыезде. Но самым неприятным оказались не многочасовые допросы и заполнения протоколов, не идиотские, вводящие в краску даже тех, кто их задавал, вопросы, а начавшиеся преследования безудержной в своем горе вдовы, которая дала себе и своим малолетним детям слово совершить расправу над Кирой, говоря проще — убить. Немного поразмыслив, и в конце истомив Киру неизвестностью, местные власти все же решили, за отсутствием улики и недоказанностью злого умысла, признать случившееся несчастным случаем и отпустить ее на все четыре стороны. Опасаясь, что разъяренная вдова все же исполнит свою угрозу, они вежливо попросили Киру покинуть страну в течение десяти часов, предоставив ей соответствующий транспорт. Кира, с трудом поверив в свою счастливую звезду, быстренько собрала вещички, схватила Апреля и нырнула со всем своим багажом в полицейскую машину, благополучно доставившую ее в аэропорт.

Кирилл вызвался ее встретить, но пальма первенства в этом деле была предоставлена сходявшему с ума

от переживаний и оживившему для ее возвращения все свои возможные связи Олегу. Кирилл же, если и сходил с ума из-за событий, происшедших с Кирой, то гораздо более вяло. Однако проведя в Москве день с Олегом, уже на следующий она поспешила на крыльях любви к Кириллу. И понеслось. Выходные они проводили вместе, иногда встречались и на неделе. Все вроде бы было и ничего, даже временами, можно сказать, замечательно, если бы Кира не ревновала его так болезненно к многочисленным подругам — которые, правда, постепенно начали рассеиваться — и с другой стороны не испытывала все возрастающего давления со стороны Давида, который перешел к решительным действиям и не давал Кире прохода. Тень тоже начала проявлять непростительную агрессию, что не оставляло никаких сомнений, что под этим именем все же скрывается Давид. Да он особо уже и не скрывался. Временами на него накатывало что-то действительно темное, и он заявлял, что, если Кира не поймет, что должна быть с ним, он ее убьет. Он говорил ей, что они созданы друг для друга, что оба не такие, как все, и если они объединятся, то не будет для них ничего невозможного. Еще говорил, что Кирилл ее не любит и никогда не полюбит, что он лишь использует ее, а в ее отсутствие развлекается с другими молодыми и красивыми девушками. Кира старалась пропускать все это мимо ушей, но слова эти упали на сердце, расколовшись на множество мелких осколков, которые острыми иголками впивались в сознание, а оно, лишившись ложного смирения, расстроилось. Расстроилась и Кира. Что-то внутри заскучало и заныло. Заболело. Несколько раз Кира даже порывалась расстаться с Кириллом, но не смогла. Он же, несмотря на свою нелюбовь, по-прежнему был чрезвычайно нежен, любезен, заботлив. Готов был защищать Киру и от Давида, и от

кого бы то ни было. Иногда Кире даже казалось, что Кирилл ее любит. Но странной любовью... По-своему — но очень сильно. Почти как Кира — его. Однако поверить в это Кире совершенно не давал Давид, и как только любовная эйфория охватывала ее, он непременно приводил Киру в чувство каким-нибудь неприятным замечанием, ссылаясь на переписку, из которой якобы следовало, что Кирилл общается с Кирой только из жалости и расчета. Какой там мог быть расчет, Кира определено не понимала, что, однако, не мешало ей грустить и досадовать. Впрочем досадовала она теперь только на себя. Надо же было так вляпаться!

Кирилл же становился все нежнее — и все доходчивее и настойчивее давал Кире понять, что она может полностью на него рассчитывать. Разговоров о своих чувствах они избегали, Кира шифровалась, как могла. Иногда, беря с Кирилла пример, она даже рассказывала ему о своих мужчинах, стараясь выглядеть как можно легкомысленнее. В общем, никто не хотел уступать. Возможно, так бы оно и тянулось — тяжело, неуклюже и очень медленно, если бы не Давид. Своим напором и угрозами он, сам того не подозревая, толкал их друг к другу.

Когда до приезда Киры в Москву осталось несколько дней, у нее случились два неприятных — нет, пожалуй, — два очень неприятных события.

Первое — Кира поскользнулась на бортике бассейна и сильно ушибла спину. Она рассказывала, как это произошло, и ей самой, да и мне было смешно.

Ближе к вечеру, под влиянием выпитого за день красного вина окружающий мир сделался более привлекательным. Кира, с бокалом в одной руке и рож-

ком мороженого в другой, слушала музыку из MP-3-плеера и прогуливалась по краю бассейна. Наверняка красовалась перед местными мужчинами. Апрель плавал в бассейне. Кира, пытаясь ногой обрызгать его, поскользнулась и полетела вниз, ударившись спиной о бортик. Кире было ужасно стыдно, что она, на глазах у одуревшей от солнца и вина публики, совершила такой кульбит. Бокал разбился, остатки мороженого, не зная куда деть, Кира засунула в рот и быстро, давясь, проглотила. Кира быстро сняла с себя плеер, отдала его умирающему от смеха Апрелью, и начала плавать туда-сюда, создавая впечатление, что она специально прыгнула в бассейн, чтобы охладиться. Это действительно было смешно. Совсем не веселым оказалось то, что Кира ударилась при этом спиной и копчиком. Лечение насмарку. Кажется, до меня начинало доходить, что ее нельзя оставлять одну ни на минуту. Позвонила мне и начала ныть в трубку, но переживала она отнюдь не за ушибленную спину, а за смолкший и, похоже, умерший плеер. Я закачал ей перед отъездом все альбомы «Тигровых лилий», которые нашел у себя дома. Кира с первого прослушивания прониклась их музыкой. Теперь она причитала, что ей еще жить и жить в Испании, а жить без музыки она не может. Я скомандовал вынуть батарейку и положить плеер сушиться на сутки. Кира послушала меня и — о чудо — фальцет Мартина Жака вернулся в ее жизнь примерно через двадцать четыре часа.

Второе — в последний вечер на дискотеке она оттолкнула чересчур навязчивого ухажера, он ударился головой, потерял сознание и теперь лежал в коме в местной больнице. Понятное дело, что это был не рядовой гражданин, куда уж простым людям до Кире, а какой-то местный чиновник с претензией. Телохра-

нителю стояли рядом, когда случился инцидент. Но, видимо, их обманул внешний вид девушки в коротком платьице. Они не представляли, насколько опасна та, с кем их шеф решил развлечься. Кира провела ночь в участке, звонила возбужденная и очень расстроенная. Я пытался ее успокоить, но, кажется, тщетно. Да я и сам прекрасно понимал, что не волноваться в такой ситуации трудно. Как уговаривать флюгер во время бури не крутиться. Кира притягивала к себе экстремальные ситуации. Такая вот девочка-авария. Меня беспокоило ее состояние, и, честно говоря, я не переживал за мужчину, который лежал в коме. Во-первых, сам виноват, девушек надо соблазнять, а не насиловать, во-вторых, очень не люблю толстых мужчин. Несколько лет назад пришлось аннулировать дома телевизор. В какой-то день я сначала увидел передачу о нашей Думе, а потом, пощелкав каналами, встретил на голубом экране такое количество людей с совершенно опустившимся телом и одновременно огромным самомнением, что отнес телевизор на помойку. Правда, меня перехватили по дороге и дали за него пятьдесят долларов. Больше никогда не ходил на выборы, не интересовался политикой и не смотрел телевизор. Мне было совершенно неинтересно, что думают люди, которые элементарно не могут ничего сделать со своим телом. Соответственно, не сочувствовал я тому высокопоставленному дядьке, который настойчивостью и деньгами пытался принудить Киру к постели.

С нее взяли подписку о невыезде, отобрали паспорт и устроили постоянные допросы. Обещали, что, возможно, отпустят — после того, как неудавшийся насильник придет в себя. Через несколько дней он, не приходя в сознание, умер. Киру на частном самолете выслали из страны, от греха подальше, вернее,

от следующих неизбежных грехов и преследований со стороны семьи покойного.

«Ты сам себя не понимаешь. Ты пытаешься мыслить, исходя из установок и ощущений, полученных тем скафандром, с помощью которого ты живешь в своем мире. Однако под скафандром у тебя недоступная для твоего сознания субстанция, которая понимает, что ОНА (Я) твой единственный шанс сделать шаг в сторону. Именно поэтому своей силой ты притянул ЕЕ (МЕНЯ). Тебя тянет к НЕЙ бессознательно, потому что то, что под скафандром, понимает — она лестница, по которой поведу тебя я. Мы упустили великолепную возможность ЕЕ слабости. Из-за твоей глупости. Но я что-нибудь придумаю. Я люблю тебя. Тень».

Никаких сомнений, что со мной переписывается Давид, уже не осталось. Меня интересовала его личность, особенно, почему-то, малозначительные детали. Кира рассказывала, я слушал. Я узнал среди прочего, что когда Кира хотела уязвить кого-то из братьев Арно, она говорила им: «Вам бы только коз пасти», это было связано с занятием их предков и сильно их задевало. Узнал также, что Давид разрабатывал свою теорию жизни на Земле, о пребывании души в теле, или, как он любил говорить, в скафандре.

Письма Тени мне несколько надоели, и я очень прозрачно дал понять, что мне не интересно продолжение переписки. Слова «из-за твоей глупости» из последнего письма мне не понравились, и я ответил достаточно резко, ставя точки над «и», показывая, что я понимаю, с кем общаюсь.

«Ты очень агрессивна и самоуверенна. Зачем? Хочешь задеть меня, потому что не знаешь, что делать дальше? Мы ничего не упустили. Если кто-то что и упустил, так это ты. Из-за невоспитанности

и элементарного неумения общаться. Тебе только коз пасти. Кирилл».

Я думал, что после такого моего письма наша переписка прекратится, или Тень-Давид (то, что это просто Давид я пока не мог принять своей головой) ответит мне очень резко. Но я оказался неправ, ответ пришел почти мгновенно и он был совсем иным, нежели мне виделось.

«Кирилл, извини. Просто все оказалось сложнее, чем я думала. Были моменты, когда ее можно было брать, и я даже взяла на короткое время. Но я была тогда еще не готова и отступила. А ты пустился в препирательства. Сейчас же она стала выставлять энергетические защиты и отвечать встречными уколами. А я ослабла. Я действительно не знаю, что делать. Помози мне. Тень».

Прилетела загорелая Кира. Из аэропорта ее забрал Олег и первым делом повез к докторам. Но уже вечером, после обследования, мы сидели в открытом кафе в саду Эрмитаж. Было холодно после дождя. Мы пили красное вино, Кира хвасталась полученными во время падения синяками, пытаюсь у всех на виду показать ушибленный копчик, по многу раз в разных выражениях и жестах описывала происшедшее. Я любовался. Попросил показать мне, как она оттолкнула испанца. Мы встали из-за стола, вышли на свободное место, и Кира продемонстрировала мне свою силу. Если бы не трава на лужайке, где находились столики, вполне возможно, что я бы последовал вслед за толстым насильником. От неожиданного толчка я отлетел назад, поскользнулся и упал на спину. Да, с резкостью у Киры было все нормально. Я рассмеялся, возможно, от замешательства — сидящие вокруг удивленно повернули головы. Подошел метрдотель, вежливо справился, все ли у нас нормально.

Кирилл менялся на глазах. Было такое впечатление, что он открывает в Кире для себя каждый раз что-то новое, необычное и интересное, а порой пугающее. Иногда он смотрел на нее так, как будто видит первый раз в жизни, а временами задавал загоняющие в тупик вопросы.

Однажды, возвращаясь с концерта, он вдруг спросил ее, сколько человек она убила. Кира даже поперхнулась.

— Я задам вопрос по-другому, — сказал Кирилл. — Сколько мужчин умерло скоропостижно или от несчастных случаев из тех, с кем ты была более или менее близка?

Кира не знала, что и сказать. Правда была ошеломляющей, врать не хотелось, пришлось выкручиваться.

Специально Кира не убивала, она бы и мухи не обидела... Но в ней жило что-то непонятное, трудно объяснимое, то, что включало какой-то чудовищный механизм уничтожения тех, кто тем или иным образом становился на ее пути или начинал ей мешать. Конечно, умирали не все. Большинство выживало. Но все же. Как объяснить это Кириллу? Ай да Давид! Это он рассказал Кириллу. Больше никому.

— В горах погибает много народу. — Собравшись с мыслями, после небольшой паузы сказала она. — Знаешь, как-то один человек, сидя в кресле канатки, начал поправлять ботинок, сорвался, упал на скалы и умер.

— Он был твоим другом?

— Нет, что ты. Он, наверное, был дураком. Очень глупо.

— А как не глупо?

— По-любому глупо. Но, может быть, не так противно.

— И как же не противно?

— Ну, когда уходишь от лавины, не справляешься с управлением и вылетаешь на скалы или не можешь безопасно приземлиться после прыжка... Ну и все такое.

— Твои знакомые именно так умирали?

— По-разному. Но это вовсе не значит, что я их убила.

— Конечно. Извини, — сказал Кирилл и крепко обнял Киру. Это могло только означать, что он такой же сумасшедший, как и она, смело смотрящий вперед и боящийся только скуки, застоя и тягучей обыденности, убивающей медленно, но необратимо.

Глава 4

До того, как организовать свою небольшую фирму, Кирилл был спортсменом. Он бегал. Барьеры. Призер и победитель всего, что только можно. В общем, Кире нужно было соответствовать. Выйдя в июне из клиники, она посмотрела на себя в зеркало и заплакала. Нет, она не стала ни страшной, ни толстой, даже не выглядела больной. Но она очень сильно отличалась от девушек-спортсменок, которых Кирилл все время и с удивительной настойчивостью показывал ей на фотографиях. Отличалась женственностью и отсутствием бугров на теле. Раньше ей это нравилось. Теперь же ей нравился Кирилл. В Испании Кира много плавала, пыталась бегать по утрам, но от бега болела спина. Вернувшись в Москву, приняла решение каждый день или почти каждый, ходить в спортивный клуб. У нее была клубная карта, поскольку раньше, до всех этих событий в горах, она время от времени посещала тренажерный зал и бассейн фитнес-центра недалеко от дома. Но бессистемно, не для достижения какого-то результата, а от скуки. Там она встречалась с такими же бестолковыми домохозяйками, которые приходили размять не столько тело, сколько язык — подавляющую часть времени в клубе они болтали в баре или в холле. Теперь же Кирой двигали не скука и жажда общения, а цель. Кириллу нравились фактурные, прокаченные, высокие девушки. Что ж, выше она вряд ли станет, а вот тело немного изменить можно. Можно, но слож-

но. Очень сложно. Кира это поняла достаточно быстро. Но не сдавалась. Но Кириллу этого было мало. Он заявил, что ее занятия по-любому бессистемны: всего понемногу — это ничего. Он настаивал, чтобы Кира поехала к его подруге, тоже бывшей спортсменке, а ныне тренеру по фитнесу, за консультацией. Кира вначале тихо и про себя возмутилась, но потом, подталкиваемая желанием угодить Кириллу, подавив ревность и обиду, согласилась. Но Кириллу и этого было мало. Он хотел, чтобы Кира поехала к ней одна, а не как договаривались раньше — вместе с Кириллом, и подружилась с ней. Обида и ревность вернулись. По щеке побежала одинокая хрустальная слеза. Кира ее незаметно смахнула, она упала и бесшумно разбилась. И Кирилл ничего не заметил бы, если за первой слезой не хлынул бы поток. Кирилл, видимо, понял, что сделал и сказал что-то не то, обнял Киру и больше не возвращался к этому разговору. Программу занятий написал сам, но попросил Киру все же найти в ее клубе хорошего тренера и обратиться к нему. Но тренера Кира искать не торопилась, поскольку ей больше нравилось получать инструкции от Кирилла.

Кира ходила в спортклуб часам к двенадцати, поскольку вставала не раньше десяти. Сначала она занималась в тренажерном зале, потом плавала в бассейне, где все чаще и чаще стала встречать Давида.

— Я твоя тень, — говорил Давид. — Тебе от меня не скрыться и не убежать. Чем раньше ты это поймешь, тем лучше для всех.

Кира устала уже отшучиваться, тем более что в глазах Давида мелькал теперь совсем не шуточный, опасный огонек. Давид предостерегал Киру от якобы возможных неприятностей, а по дороге домой с ней потом действительно происходили странные вещи —

то водитель грузовика терял вдруг управление и Киру спасало лишь чудо, то грузная женщина, падая, толкала Киру на проезжую часть, то сама Кира теряла сознание и оказывалась в опасной ситуации. А когда Кира поехала навестить маму, машина, которую она поймала, попала в аварию. Погиб человек, остальных покалеченных, в том числе и шофера, который вез Киру, — увезла скорая. Киру, спешившую к маме, а потому пытавшуюся скрыться, задержали милиционеры, а поскольку у нее не было документов (Кира никогда не носила с их с собой), забрали в отделение до выяснения, как свидетеля.

— Вот мы и разберемся, кто тут ни при чем, а кто пытается темнить и уйти от ответственности, — сказал противный милиционер, проталкивая Киру в свою машину. Разобрались, конечно, но Кире для этого пришлось приложить свои специфические усилия, и к маме она уже не попала, чем вызвала ее гнев и ворчания. Кира почему-то стала часто застревать в лифте, оказывалась свидетелем происшествий, с места события которых, порой, не так просто было унести ноги. За все эти странные случаи Давид брал ответственность на себя, каждый раз подчеркивая, что это его рук дело. Кире было легче считать это совпадениями. Кирилл же придерживался другого мнения, совсем другого. Он запретил Кире вообще общаться с Давидом и все время, куда бы она ни шла, иметь при себе документы, хотя бы водительские права, если паспорт для нее — такая непосильная ноша. Похоже, он знал гораздо больше, чем говорил. Естественно, Кира не могла порвать все отношения с Давидом — слишком уж многое их объединяло, к тому же она, несмотря на предостережения Кирилла, все же отказывалась верить своим глазам, ушам, чувствам и предчувствиям, считая, что помутнение рассудка Давида скоро

пройдет, и их нежная дружба засияет с новой силой. Может даже ослепит.

Однако реальных предпосылок к подобным мыслям не было никаких.

Выходные мы провели у меня... Киру немного напугал и пугал часто звонящий городской телефон. Мне даже пришлось его отключить на ночь. В субботу поехали в спортклуб, где я тренировался. Кира сразу пошла в бассейн, я присоединился к ней после тренажерного зала. Дома, когда мы сели обедать, Кире стало плохо, разболелась голова, она как будто вся сдулась и обмякла. Легла, закрыла глаза и тяжело задыхалась. Я знал, что после травмы спины с ней время от времени случались приступы дурноты и болезненных спазмов головы. Постарался снять боль, вытягивал ее руками из Кириной головы и посылал в центр Земли — собственно изобретенный, но действенный прием. Постепенно моя красавица начала оживать, я же, видя некоторые успехи, делал свое дело все более и более уверенно. И вдруг я почувствовал острый укол боли уже в собственной голове, как будто кто-то дотронулся до оголенного зубного нерва. Меня передрнуло не столько от боли, сколько от неожиданности. К счастью, Кира в этот момент расслабилась, прикрыв глаза, и не заметила моей гримасы.

У меня никогда не болит голова, почти как у дятла, поэтому я несколько растерялся. Наверное, что-то сделал не так, подумал я. А что я еще мог подумать? Вечер мы провели, гуляя в парке, с моим большим фотоаппаратом. У Киры часто звонил мобильный. Насколько я понимал, это были ее знакомые мужчины, в основном, правда, названивал один и тот же мужчина — Давид.

«Кирилл, опять молчишь?»

Время очень дорого. Тень».

В понедельник утром Кира уехала.

«Доброго вечера, Тень. Извини, пожалуйста, меня за молчание. У меня нет оправданий. Просто я совсем потерял интерес к данной ситуации. Мне непонятно, что происходит. Я не понимаю свою роль в этой пьесе. Мне не интересно, что будет дальше. Какой смысл что-то делать в свете выше написанного? Кирилл».

«Вообще-то подход очень правильный.

Перестать питать ситуацию. Мир энергий:

Нет энергии, нет ситуации.

Но это не тот случай.

Не ты питаешь данную ситуацию —

Энергия приходит извне.

Пока ты в игре, ты можешь влиять на ситуацию и даже создавать ее, так же, как и я.

На данный момент мы равны.

Если ты думаешь, что я автор, ты ошибаешься,

Автор — вне. Тень»

P.S. Я все чувствую, не лги мне.

А ОНА может видеть

Правда ОНА не хочет видеть.

Когда ОНА поняла, что может видеть, и увидела маленькую часть реального мира, — испугалась так, что потеряла всякое желание жить.

Я же помогла ей увидеть не реальность, которой так боится и которая за гранью, а банальность, которая за стенкой...

Помнишь, когда ОНА была в Испании...

ОНА видела все, что ты выделял в ЕЕ отсутствие.

ОНА не хотела видеть, но я ЕЕ заставила и это было крайне мучительно для НЕЕ.

Настолько мучительно, что даже мне стало жаль ЕЕ.

Я это чувствовала.

Ты не понимаешь своей роли?

А другие роли понимаешь?

Роли расписаны,

И оттого, понимаешь ты что-либо или нет, ничего не изменится

И события все равно будут происходить, независимо оттого, будешь ты в них участвовать или нет.

Игра только начинается.

Я предложила тебе одну из главных ролей,

Но если тебя что-то не устраивает, ты волен поступать, как хочешь.

Можешь перейти в массовку и наблюдать со стороны, как она медленно умирает. Тень».

«Доброго дня, Тень. Ухожу в статисты, в массовку. Буду наблюдать или, возможно, даже наблюдать не буду. Удачи, Кирилл».

Раньше в переписке была тайна, теперь мне казалось все более или менее прозрачным, и поэтому неинтересным. Я не верил больше в эту страшную сказку о Тени. И тот, кто переписывался со мной, был прав в главном: я не хотел больше питать ситуацию. Не хотел питать ситуацию, в которую не верил. Наша переписка без моей подпитки, кажется, действительно начала угасать. Правда, я продолжал чувствовать постоянное давление телефонных звонков и чьего-то внимания. Казалось, что за мной следят. Этому не было прямых подтверждений, но я чувствовал, что в спину постоянно направлен оптический прицел. Я оглядывался на улице и хотя никого не находил, все время старался путать следы.

С моего рабочего рекламного сайта пришло письмо.

«Мне нравится все, что ты делаешь.

Shadow».

И тут же на мой личный адрес...

«Прости за нерасторопность

Хотя наш диалог в смысловом режиме практически превратился в мой монолог

Но у меня нет другого выхода

ОНА сейчас с тобой и хочет только тебя

ОНА всегда выбирала неординарных мужчин, но никогда их неординарность не удерживала ЕЕ рядом с ними так долго, так сильно и так неистово

Что в тебе так влечет ЕЕ?

Почему ты не хочешь помочь мне?

ОНА не принесет тебе ничего, кроме страдания

Я знаю, я ЕЕ тень

ОНА должна умереть

А я хочу жить

С тобой

Я люблю тебя

Мне одной с НЕЙ уже не справиться

Помоги мне

У нас может получиться сногшибательный спектакль

Тень».

«Доброго Вечера, Тень. Наш диалог превратился в монолог. Да. Ты оказываешь давление на меня. Мои суждения тебя не интересуют. Если я соглашусь тебе помогать, мне придется стать твоим подкаблучником. Это при том, что в начале нашего общения ты писала, что у тебя нет амбиций и с тобой быть очень комфортно. Очень смешно. Увы, я ординарен. Более чем. Кирилл».

«Извини, Кирилл.

Ты хочешь сказать, что твоя ординарность удерживает ЕЕ рядом с тобой?

Шутишь?

Я основательно тебя изучила за это время

Ты очень необычный человек

Человек ли?

Тень».

Я читал письма Тени-Давида, но не отвечал. Боялся нарушить неустойчивое равновесие. Еще я ждал. Мое ожидание частично было действием. Оно было активным, я не прятался под кроватью, я сидел в засаде.

«Желаю тебе сделать достойный выбор

Достойный тебя

Успеть сделать

От твоего выбора зависит то, что мы будем делать дальше

(Или я буду делать)

Я не могу предпринимать дальнейшие шаги, пока не знаю твоего решения

Если я не добьюсь своего, я убью ЕЕ

С тобой или без тебя

(Если ОНА не убьет меня раньше

Или тебя)

Хочешь, я расскажу тебе, как ОНА убивает?

Помнишь, я тебе говорила, что ОНА не ценит жизнь и тело?

Так вот, ОНА не ценит не только свою жизнь, но и жизнь вообще

Потому что считает, что жизни, как таковой, нет

И все происходящее — лишь игра, вроде настольной, где реальный игрок находится вне стола

Вот ОНА и играет, но играет очень искренне и самозабвенно

Жизнь для НЕЕ — это эксперимент, в котором нужно попробовать все, в том числе и убийство,

только ОНА не называет это убийством, для НЕЕ это лишь ступень перехода на другой уровень игры или новый этап эксперимента, как тебе больше нравится, и я никогда не появилась бы, не преступи ОНА черту)

Точно так же ОНА относится и к своей жизни, и ты прав, она готова умереть, потому что знает: эта жизнь лишь этап во множестве других

Вообще, убийство с применением силы нарушает равновесие этого мира, поскольку привлекаются силы другого. Обычно у совершающего такое убийство начинают болеть и умирать родственники и близкие. Более искусный убийца принимает удар на себя и с ним самим начинают происходить различные катаклизмы, начиная от несчастных случаев и кончая разного рода болезнями. Это более щадящий вариант, так как со своими проблемами справиться легче и не включается механизм обратной Вселенской совести. Полная аналогия с настольной или любой виртуальной игрой. Если ты воспользовался своей реальной силой, а не силой героя (разбил экран компьютера или заглянул в описание с кодами), или сыграл не по правилам, например в нарды, то равновесие в игре нарушится.

Но есть идеальный вариант безвозмездного убийства

И именно этот вариант занимает ЕЕ более чем

При таком убийстве не задействуются силы иного мира

И здесь аналогия: допустим, противоположная сторона тебе по каким-либо причинам поддается. Равновесие в игре не нарушается, т.к. внешне игра продолжает идти по правилам.

В данном случае необходимым условием является бескорыстная и всепоглощающая любовь жертвы

*Человек доводится до такого состояния, когда
сам готов отдать свою жизнь*

*При таком общении плетутся нити, наподобие
линий силового поля*

И человек как бы вязнет в них, по мере общения

*Ей остается только потянуть в определенный
момент за эти нити, и человек умирает*

*Обычно констатируется кровоизлияние в мозг,
реже инфаркт или тромб, возникший неизвестно
откуда у человека, никогда и не слышавшего о тром-
бофлебите*

*Если ОНА уже потянула за эти нити, потом пере-
думала, но передумала поздно, с человеком происхо-
дит несчастный случай*

*Это случалось только с людьми, к которым ОНА
питала более или менее взаимные чувства, если во-
обще можно говорить о чувствах в ЕЕ случае*

ОНА не собиралась их убивать

*И за нити потянула случайно в порыве гнева или
во время ссоры*

*Это лишний раз говорит о том, что ОНА не спо-
собна любить, даже самых близких, даже думая, что
ОНА их любит*

*Я не в состоянии объяснить тебе подробно весь
механизм, скажу лишь, что любовь перекрывает ме-
ханизм убийства. Т.е. нельзя убить того, кого ты
любишь, с применением силы. Сколько ни тяни за ни-
ти, ни привлекай потусторонние силы, его можно
только зарезать*

Банально зарезать, как барашка

Другого пути нет

Видишь, я вывела по ходу дела формулу любви:

*Чтобы узнать, любишь ты кого-то или нет, нуж-
но попробовать его убить*

Если он выживет, значит любишь

Может быть, именно такие эксперименты ОНА ставит?

Тень».

«Интересно?

А вот фрагменты ЕЕ дневников:

«Нужно это убить. Убить в себе себя. А что останется? Останется человеческая природа. И я стану, как все. Я буду просто жить. И радоваться жизни. Зачем? И как это осуществить, если знаю, что жизни нет, что жизнь — это иллюзия, сплошь фантазия человеческого сознания. Нет ничего более несуществующего, чем жизнь. Ну и что? Жизнь — это этап, ступень, игра. Без нее нет пути дальше. Надо себя заставить».

«Сколько еще продлится эта буря? Что мне буря? Я сама буря. Нет, я уже не буря. Я ничто. Меня нет. Я себя почти убила, но легче не стало. Мне нужно что-то, за что я могу ухватиться, чтобы начать сначала. Неужели я ошиблась? И он не тот. Что происходит? Я теряю все, что накопила. Срочно в Москву! Я должна его пощупать. Я хочу его узнать. Я хочу, чтобы он узнал меня. Если он это он, то он обязательно меня узнает. Никаких «если». Я просто буду его любить. Его никто по-настоящему не любит, а я буду. Для меня это лечение, а его нужно согреть. Он одинок точно так же, как и я... Он просто уже не верит... Я заставлю его поверить».

Это было то, что если и не делало картину цельной, некоторые вещи прояснило. Поскольку рассказы определено были из ноутбука Киры, ясно, кто его взял.

На Киру охотились со вкусом и всерьез. Душераздирающие спектакли, чтобы заставить ее остаться в горах, кражи, чтобы заглянуть во внутренний мир, слежка. Усиливающееся психологическое давление.

Кире приходили письма якобы от моих знакомых девушек. Ночью приезжали таксисты, которых, как говорили, вызывал я, чтобы привезти Киру ко мне. (У нее, однако, хватало смекалки перед тем, как ехать, звонить мне...) Похоже, что и Татьяна браво докладывала Давиду обо всем, что узнавала от Киры.

У нее все чаще и чаще случались приступы. Занимаясь чем-нибудь, она замирала, морщась от боли. Обычно это длилось минут двадцать. Я же пытался помочь ей всеми доступными средствами, снимая боль, а иногда приводя ее в сознание, когда было совсем плохо. Она таяла на моих руках. До меня медленно доходило, что это не болезнь, а чье-то влияние. Особенно после того, как странные боли начали возникать и у меня. Стараясь не повредить тому человеку, который на меня воздействует, я потихоньку уводил влияние в сторону, ставя защитные огненные сетки.

«Извини, что я редко пишу. Занятость очень большая. Свободного времени нет практически совсем. Да, девочка пишет не так уж и плохо. Надо же ребенку чем-то себя занимать. Смысл? Пожалуй, ничего необычного. Комплексы родом из детства и идеу-фикс. У кого их нет? Если бы писал о своей жизни я, то я выглядел бы маньяком, а она воспитанницей шестого класса женского пансиона.

Насколько я понимаю, вы две стороны одного и того же существа. Да, она теряет силы. Объясни, зачем мне то, что ты предлагаешь мне? Зачем мне хоть что-то делать? Кирилл».

«Нет, мы не две стороны одного существа. Мы разные существа. ОНА — охваченная гордыней и своей исключительностью душа. Я порождение этой души, уже вполне самостоятельное. И существует тело, на которое мы обе претендуем. Сейчас этим те-

лом обладает ОНА. И ОНА — с тобой. Я тоже хочу быть с тобой. И я буду с тобой. В теле или без. Если ты мне поможешь, то в теле. Если нет, я просто убью ЕЕ. Давай убьем ЕЕ вместе, если ты такой плохой, как говоришь (опять оговорочка, ибо чувствую я, что ОНА тебе очень дорога). Но даже если дорога и ты любишь ЕЕ! Ведь любовь, в конечном итоге, это всегда убийство и смерть. А убить то, что любишь, это, наверно, верх сладострастия. Как думаешь? Тень».

Кира никогда не ездила на поезде, даже на электричке. Так случилось. И когда она видела проносящиеся мимо и даже стоящие на перегонах поезда, ее охватывало щемящее чувство какой-то невосполнимой потери. Казалось, что-то невероятно важное ускользнуло, и теперь нет никакой возможности его поймать. У нее была мечта — сесть в поезд и ехать. Долго. Смотреть в окошко и ни о чем не думать. Только смотреть и слушать. Как стучат колеса.

— Я ни разу не ездила на поезде, — сказала она как-то Кириллу, когда они стояли на железнодорожном переезде.

Кирилл посмотрел на нее с невероятной нежностью, как смотрят на детей, когда они выдают с гордым видом очередную умную глупость.

— Давай куда-нибудь поедем.

— А можно? — Теперь Кира еще больше походила на ребенка.

— Конечно, можно. — Кирилл смеялся глазами. — Куда ты хотела бы махнуть?

— Все равно, куда. Я никуда не ездила.

— Тогда поедем в Питер. Хочешь?

— Очень хочу.

После этого короткого разговора Кира начала мечтать с новой силой, остротой, и на этот раз вполне конкретно. Однако Кирилл никак не мог найти времени на эту поездку — то одно, то другое — срочно нужно было ехать на объект, встречаться с дизайнерами и проч., проч., проч. А как хотелось уехать — ото всех и с ним. И опять его нелюбовь давала о себе знать. Жестко, ненавязчиво, но вполне определенно. Если бы любил, ну хоть чуть-чуть, бросил бы все. И снова, в который уже раз за последнее время наваливалось и расплзалось внутри всезаполняющее чувство тоски и брошенности, которое на этот раз рассеял вдруг появившийся в Москве Данил. Кира только что не сошла с ума от радости. Было приятно видеть его в полном порядке. И кроме того, в его присутствии Давид вновь стал тем обходительным и приветливым Давидом, которого Кира всегда знала. Втроем они бродили по Москве, сидели в многочисленных кафе, строили планы, ходили на ипподром — братья любили бега. Боль, причиненная Кириллом, сначала притупилась, а потом и вовсе отпустила.

Данил приехал ненадолго, дня на три. И прибыл он, как оказалось, не только чтобы уладить какие-то коммерческие вопросы, но и забрать Давида с собой. Когда Кира осталась наедине с Данилом, у них состоялся следующий разговор:

— Мы много говорили с братом. О тебе.

— И что?

— Если ты не собираешься ответить на его чувства, помоги мне убедить его уехать со мной. Он отказывается. Не хочет с тобой расставаться.

— Конечно, я скажу, чтобы уезжал. Но думаешь, он меня послушает?

— Не знаю... А может ты его заколдовала? — он хитро прищурился. — Зачем? Верни сейчас же. Нам без него никак.

— Шутишь? Не знаю, кто заколдовал, но только не я.

— Конечно, шучу. Слушай, Кирочка, — Данил придвинулся к Кире и нежно обнял ее. — Может, поедем все вместе, а? Ты ни разу не была в горах летом. У нас безумно красиво. Мы покажем тебе самые чудесные на свете места. Чарующие и завораживающие.

Кира задумалась. С одной стороны ей очень хотелось куда-нибудь уехать и забыться. Отвлечься. Излечиться от болезни. От любви. От Кирилла. С другой, она понимала — нет, не понимала, чувствовала и знала — здесь что-то не то. Идет какая-то странная игра, правил которой она не знает. Да и играли, похоже, не по правилам.

Было обстоятельство, которому Кира сразу не придала значения, но которое, вероятно, оставило свой след где-то на краю сознания, этот след начал проявляться, и вот теперь явился Кире с чрезвычайной ясностью. Увидев прилетевшего в Москву здорового и благоухающего духами, одеколоном и цветами Данила, Кира естественно спросила его о самочувствии.

— А что со мной будет? — весело удивился Данил.

— Ну как что? Ты перенес такую тяжелую травму...

— А, это... — он как-то помялся и задумался. — Я уже в полном порядке. Забыл даже. — Он широко улыбнулся.

— И что, совсем не беспокоит?

— Беспокоит, не беспокоит... Не знаю, я об этом не думаю. Посмотри на меня. Похож я на больного?

— Совсем не похож, — уверенно произнесла Кира. Она вдруг совершенно отчетливо поняла — настолько не похож, что больным и не был. Данил не по-

падал в аварию и не лежал в коме — впадал в нее только тогда, когда Кира приходила его навестить, а после ее ухода, вероятно, преспокойно вставал и шел заниматься своими делами. Чудовищный спектакль. Зачем? Киру затошнило. Она посмотрела на Данила. Он сидел рядом на диване, положив ногу на ногу, и встретил ее взгляд глазами преданной собаки.

— Что-нибудь не так?

— Все так. Я просто думаю. — Кира опустила глаза. — Очень заманчивое предложение. Но я, скорее всего, не смогу его принять...

— Ты можешь поехать с Апрелем, если дело в нем...

— Не только в нем...

— Понимаю. Твой новый знакомый. Кирилл, кажется. Да, Давид рассказывал... Не вправе настаивать, — Данил понимающе улыбнулся. — Ну, в таком случае Давиду необходимо уехать со мной. Иначе он совсем сойдет с ума.

Но Давид, похоже, с ума сошел уже давно. И когда Данил с Кирой вместе стали уговаривать его уехать, он впал в такую ярость, что они почти сразу же отступили. Данил улетел один. Кира с Давидом проводили его в аэропорт.

— Кир, а ты сейчас занимаешься своими упражнениями по расширению сознания и работой с реальностями? — спросил Давид, когда они возвращались из аэропорта.

— Нет. Давно не занимаюсь. И тебе не советую. Ни к чему это.

— А откуда ты знаешь, что я занимаюсь?

— Вижу. В твоих глазах опять, как много лет назад, появился нездоровый блеск. Ты весь издергался. И наверняка плохо спишь. Это от стимуляторов.

— Я совсем не сплю.

— Вот видишь...

— Но я прекрасно себя чувствую. И не надо меня жалеть. Себя жалей. Ты, на которую я всегда молился и перед которой преклонялся, для которой не было ничего невозможного, которая могла убивать и дарить жизнь, сейчас забыла себя и впала в слюнявую человеческую жизнь с пряниками, палками и тупиком впереди. Опомнись. Я все это время упражнялся и сейчас стал почти таким, как ты. Мы должны быть вместе.

— Мы ничего не должны. Ты можешь заниматься тем, что тебе нравится. А я буду делать то, что нравится мне. Я просто живу. А тупик впереди у тебя. И если ты действительно ценишь меня, ты поверишь мне. Я видела. Я знаю.

— Я люблю тебя. И я ни перед чем не остановлюсь, чтобы мы были вместе. Если ты не понимаешь этого, мне придется заставить тебя понять любым способом, даже очень необычным.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет, что ты. Я просто ставлю тебя в известность.

— Мне нравится Кирилл. Очень.

— Я вижу. Вот только ты ему не нравишься. Он обманывает тебя.

— Зачем?

— Хочет использовать твою Силу.

— У меня уже нет Силы. Я теперь, как все.

Давид нехорошо засмеялся.

— Ты никогда не будешь, как все. Не обольщайся. И забудь об этом. — Он остановил машину, обнял Киру и стал целовать ее волосы, глаза, губы. Она не сопротивлялась. Какое-то равнодушное оцепенение растеклось и заполнило все ее сознание. Она не чувствовала своего тела, не чувствовала его губ. Она ничего не чув-

ствовала. Она выпала из этой странной реальности, а взамен не приобрела ничего. Со всех сторон наваливалась звенящая пустота, и Кира с тихой радостью провалилась в нее.

Давид чем-то напоминал Кире Сандро. Тот же безумный взгляд колких глаз, та же уверенность в собственной правоте, категоричность, напор и та же всепоглощающая, необыкновенно живучая и сметающая все на своем пути любовь. После окончания интерната Сандро с дедом Георгием уехали в Англию. Сандро учился в Оксфорде, потом преподавал несколько лет в Лидсе, усердно занимаясь различными эзотерическими и оккультными практиками. Он настаивал, чтобы Кира переехала к нему и продолжила свои упражнения. Но Кира, к тому времени родившая Апреля, полностью была поглощена подхватившей ее своими волнами новой жизнью. Эта экстремальная и романтическая жизнь не имела ничего общего ни с философией, ни с эзотерикой, ни с магией. Все это не только не смогло принести ей счастья, но и основательно мешало жить. Правда, и жить ей уже не очень-то и хотелось. Ей было все равно. Она жила настоящим и не думала о будущем, как, впрочем, и о прошедшем. Смело подставляла свое лицо ветру, дождю, снегу, радостям, печалям, всякого рода неожиданностям и невзгодам. Чему быть...

Сандро никак не мог смириться с такой Кириной позицией, вследствие чего каждый ее приезд к нему или его к ней заканчивался ссорой или скандалом. Кира всегда очень переживала из-за этого — никого ближе Сандро и деда Георгия у нее не было. Переживала, но поступала всегда по своему, при этом досадовала, но старалась сдерживать гнев. Обязательно. Поскольку гнев ее не предвещал ничего хорошего тому, на кого

был направлен. Кира, как могла, предельно контролировала свои чувства и не давала выхода отрицательным эмоциям. Но вот однажды... Однажды она оступилась, поскользнулась на вырвавшемся из Сандро обидном и резком слове и не смогла удержать свой гневный внутренний поток, сознание опрокинулось, Сила подняла голову — через несколько дней Сандро погиб в автокатастрофе.

Дед Георгий совсем расклеился и растекся, начал стареть. Стал звонить Кире, еще чаще и все настойчивее приглашать к себе в гости. Он жил один в большом доме на окраине Лондона. Кира честно собиралась навестить старика, но всегда мешало то одно, то другое.

Последний телефонный звонок озадачил Киру. Дед Георгий говорил, что над ней нависла опасность, что за ней скоро придут, а он совсем плох, и должно быть, в ближайшее время умрет. На встречные Кирины вопросы он не отвечал, а только причитал, охал и ахал на смеси русского, английского и еще какого-то, незнакомого Кире языка и просил приехать. Кира поначалу озаботилась, но потом насущные заботы и растущая, как сорняк во все стороны, новая любовь вытеснили живые впечатления и тревогу, загнали их далеко в глубину сознания, превратив в блеклые, бестелесные, чуть заметные импульсы.

Кира вынырнула из так ласково принявшей ее пустоты. Давид тихо сидел рядом и вертел в руках брелок с ключом зажигания. Она осознала, поняла, почувствовала, вместила и — сначала с грустью, потом с неожиданным равнодушием — приняла, что Давида ждет та же участь, что и Сандро. Он умрет. И она ничего не сможет сделать, даже если захочет. Так будет. Она увидела это. Как в кино. На белой огромной простыне. Увидела, и не испытала ничего.

— Чего стоим? — спросила она Давида. — Поехали, а? Я что-то устала и хочу спать. Очень.

— То ли еще будет. — Давид показал свой ослепительно белый оскал и завел мотор. Машина слегка качнулась и легко тронулась.

«Будет», — словно высветилось в голове у Киры.

— Кир, а как ты это делаешь? — Сандро осторожно дернул ее за рукав.

— Сама не знаю... Наверно, я ухожу внутрь себя, от себя. От себя, такой, какую ты видишь и знаешь, к себе той, что я, и не я.

— Как это? Так ты или не ты?

— Как много того, что есть во мне. Мы гораздо больше, чем о себе думаем. И вот если перестать о себе думать, и перестать думать вообще, то видно, что ты — это не ты. Ты видишь себя как бы со стороны, или, вернее осознаешь. Тело не твое, мысли не твои, желания не твои.

— А что же твое?

— Воля. И воля помогает тебе увидеть...

— Увидеть то, что ты видишь?

— Да.

— А почему я не вижу другие реальности. У меня что, нет Воли?

— Думаю, что ты еще просто не научился.

— А когда же ты успела научиться? Сколько я тебя помню, ты все время умела... И вообще, я учусь больше тебя. Я и стимуляторов больше принимаю, а вижу непонятно что. Мутно, расплывчато... И тем более не могу этим всем управлять...

— И не надо этим управлять. Я и сама больше не буду.

— Ладно, не ври. Ты часто реальности сдвигаешь. Я знаю. Ты можешь все изменить.

— Могу, но лучше этого не делать.

— Почему?

— Потому что, в общем, это ничего не меняет, но включает законы, направленные против.

— Как же не меняет, очень даже меняет. Вот, Славка запер тебя в туалете, а теперь в больнице лежит второй месяц.

— Ну, а из-за этого ко мне родители на Новый год не приехали.

— Так ты сделай, чтоб приехали. Ты ведь можешь?

— Могу. Только если я так сделаю, еще чего и похуже случится...

— А может, и не случится.

— Может... Реальности, они ведь разные. И их бесконечно много. Понимаешь? Бесконечность это такая штука... В общем, когда мы натываемся на бесконечность — это знак, что мы на границе другого понимания мира. Ну, как в математике. Математика сразу перестает работать, когда имеет дело с бесконечно большими числами. Вот и придумали другую математику. Для бесконечно больших... И для бесконечно малых, кстати, тоже. Но это все равно условность. Никто не знает, что там, на границе, и как работает... Реальности... они очень разные. Есть, например, такие, где мы с тобой не знакомы, а есть и те, где тебя нет... Я что-нибудь не так сдвину, а ты умрешь... — Она засмеялась.

— Ну и шуточки у тебя.

— Да вовсе и не шуточки... Представь тетрадный лист в клетку. Будем считать, что клеток бесконечно много. А на листе нарисована кривая линия, тоже условно бесконечной длины. Вот эта линия и есть ты, а клеточки — это реальности. А маленький кусочек линии в клеточке — это ты в данной реальности.

Можно всегда найти клеточку с другим положением линии, или вообще без нее. Чтобы поменять местами соседние клеточки, нужна сила и энергия, а чтобы поменять местами клеточки, отстоящие подальше друг от друга, нужна намного большая энергия. Так что результативно двигать можно только соседние реальности. Кроме того, существуют связи и силы, которые ты разбудишь и которые будут стремиться навести порядок, и если они даже и не вернут все назад — назад вернуть все практически невозможно, потому что в отличие от клеточек, реальности не стоят на месте и их действительно бесконечно много, так что натолкнуться на ту же реальность уже нет никакой возможности — то будут пытаться уравновесить изменение. Я говорю условно. Слышу, что говорю, и понимаю, что все не так. Но по-другому сказать нельзя. Я слов других не знаю.

Глава 5

Июльская жара плавил асфальт, мозги и кости. Было омерзительно душно. Парило. Кира с Кириллом ехали в раскаленной машине в Тулу. Кирилл не мог и не хотел пропустить Чемпионат России по легкой атлетике, который был, кроме своего прямого назначения, определенного рода тусовкой. Все, кто имели какое-либо отношение к большому спорту, старались попасть на чемпионат, в том числе и бывшие. А возможно, бывшие — даже в первую очередь. Это было болезненно живое, но в тоже время приятное событие, будоражащее вспоминая о молодости, силе, успехе, взлете и падении — как кому повезет. Кирилл был звездой первой величины отечественного спорта, и ему было, что вспомнить. Но почему за этими воспоминаниями нужно ехать в Тулу, Кира не очень понимала, ехать не хотела, но, несмотря на это, покорно сидела на переднем сиденье изнывающей от жары девятки, изнывая сама и думая, на что же она еще способна ради своего нового друга. Новый друг, углубившись в воспоминания и предвкушения, похоже, совсем не обращал внимания ни на Киру, ни на ее жертвенный поступок, ни на безжалостную жару. Правда проехав километров пятьдесят по трассе, он свернул в поисках какого-нибудь водоема.

— Хорошо бы искупаться, — сказал он.

Кира с сомнением на него посмотрела, но промолчала. Она плохо переносила жару, и лишний крюк не предвещал ничего хорошего. Крюк оказался основа-

тельным и безрезультатным — подходящий водоем найден не был, хотя Кирилл однажды даже одел плавки, но, подойдя к воде, не смог в нее зайти из-за совершенно непривлекательного вида водной глади и плавающих на поверхности окурков. Можно было, правда, считать результатом разболевшуюся у Киры голову и кратковременную потерю сознания. Однако полной уверенности, что виновата в этом жара, а не Давид со своими попытками влиять на Киру, не было. В последнее время Давиду несколько раз удавалось о себе напомнить подобным образом не только Кире, но и Кириллу. Для Кирилла эти ощущения были новыми и очень неприятными. Он чувствовал болезненный взрыв в голове, последствия которого оказывались иногда достаточно ощутимыми.

Перед отъездом Кира собрала какое-то подобие продовольственного набора для пикника, и теперь Кирилл решил, что настало время перекусить, а заодно и привести Киру в чувства. Вернувшись на трассу и проехав несколько десятков километров, он затормозил у края леса. Они взяли подстилки, еду и углубились в чащу. Здесь было значительно прохладнее, но лес оказался диким, со множеством поваленных деревьев, обилием комаров и других летающих насекомых, приводящих Киру в непонятный Кириллу ужас. Так что и пикник явился для Киры очередным испытанием — ей приходилось постоянно выбирать между бутербродом и борьбой с кровососущими. Кирилл не боролся, а преспокойно уничтожал приготовленные Кирой сэндвичи с куриными грудками, сыром и яйцом.

— Ну очень вкусно, — констатировал он. — Ты молодец — просто замечательно все приготовила.

Молодец-Кира доедала свой бутерброд уже в машине, явно уступив в неравной борьбе с живой природой.

Когда до Тулы оставалось совсем немного, начался дождь. Огромные редкие капли мощно и тяжело застучали по лобовому стеклу. Небо потемнело и заплакало навзрыд, оглушая окрестности громовыми раскатами. Капли превратились в поток, поток — в непроницаемую водяную стену; машины включали аварийные огни, гудели, тормозили у обочины и глушили моторы. Никто не решался двигаться, ничего нельзя было разглядеть сквозь сумрачную стену ливня.

— Вот это да! — констатировал Кирилл. — Спецзаказ для Киры! Тебе лучше?

— Еще как, — Кира восторженно смотрела в серую бездну, с наслаждением вдыхая озон. — Совсем другое дело. Классный дождик! Оживляющий.

— Ничего себе дождик! Пока этот дождик хоть немного не уgomониться, ехать нет никакой возможности.

— Ну и не надо ехать. Смотри, какое чудо! Ты хоть раз видел что-либо подобное?

Ничего подобного Кирилл раньше действительно не видел. Зрелище было уникальным и завораживающим. Небо падало и, казалось, вот-вот раздавит. Чернота вокруг пугала и поглощала расползающиеся во все стороны мысли, слабые чувства, неокрепшие желания, заполняя собой растерянный разум. Но, несмотря на это, в душе царило восхищение и удовольствие. Смутное желание подставить себя этому неумемному, серому, неотвратимому потоку приближалось к оргазму.

В Туле светило солнце, и ничто не указывало на прошедший ливень.

— До финальных забегов еще есть время. Может, кофе попьем? — предложил Кирилл, а Кира с радостью согласилась — дорога почти убила ее. Сказано — не

значит сделано. В отличие от Москвы, где кофейни растут, как грибы после дождя, в Туле найти свежесваренный кофе оказалось делом непростым и весьма проблематичным. Везде им предлагали лишь растворимый, при этом совершенно не понимая, что именно их не устраивает, и смотрели косо. Все же кофейня нашлась, и как им объяснили, единственная в городе. Кира выпила кофе с коньяком и взбитыми сливками, и ей сразу полегчало. Мир вокруг преобразился, запрыгал и задрожал всевозможными красками и оттенками и даже подмигнул одним из своих многочисленных глаз. Душа встрепенулась и стала напевать. И когда они с Кириллом вошли на гудящий, как улей, стадион, она была бодра и весела, так что перспектива провести несколько часов за наблюдением спортивных состязаний, никак ее не трогающих, уже не казалось такой уж обременительной и скучной. Кира даже без труда сделала вид, что ей все несказанно интересно, чем доставила определенное удовольствие уже начинающему пропитываться ностальгией по своему спортивному прошлому Кириллу. К нему отовсюду стекались какие-то люди разных полов и возрастов, жали руки, что-то говорили, куда-то звали. В конце концов Кирилл оставил Киру сидеть и смотреть, а сам отправился с очередным знакомым в неопределенном направлении.

— Сиди здесь и никуда не уходи, я скоро вернусь, — сказал он и растворился в пестрой толпе. Оказалось, ехали не только за воспоминаниями. Кирилла очень интересовали финальные забеги барьерного спринта, в которых принимали участие его близкие знакомые — спортсмены, для которых этот чемпионат был отборочным на олимпиаду в Афинах. Кирилл приехал поддержать друзей. Ну и пожалуйста.

Кира опять заскучала, тупо глядя перед собой и стараясь ухватиться за что-то интересное, чтобы по-

том раскрутить его и получить хоть какое-то удовольствие от созерцания прыгающих вверх, вперед и с шестом, бегающих по кругу и мелькающих перед глазами людей с перекошенными от усилий лицами. И надо сказать, ей это удалось, по крайней мере, когда вернулся Кирилл, она с интересом наблюдала за интригой, развивающейся в секторе для прыжков в высоту, и даже хотела досмотреть, чем там закончится. Кирилл сел рядом, но ненадолго — на этот раз его увела крашенная блондинка в белом костюме. Кира надула губы и продолжала наблюдение в гордом одиночестве. И даже после окончания всех соревнований они не смогли сразу уйти — Кирилл был востребован по полной программе, что, в конце концов, вызвало в Кире невероятную гордость.

Когда Кирилл окончательно освободился от друзей и поклонниц, было около девяти вечера. Они с Кирой еще раз посетили единственную в городе, но очень неплохую, как оказалось, кофейню, перекусили, поболтали и двинулись в обратный путь. Кирилл сначала помалкивал, пребывая под впечатлением состоявшихся встреч, увиденного и пережитого, постепенно переводя свой внутренний взгляд и внимание на Киру, которая явно скучала. Кирилл посмотрел на нее, как на капризного ребенка, и поставил диск с ее любимой группой «Тигровые Лилии», в результате чего дорога домой приобрела приятный оттенок. Жара немного спала, земля задыхалась полной грудью, выдувая густой туман, Мартин Жак выводил полуфальцетом:

Murder is easy,
Murder is fun,
It's better than sex,
Because I always come.

Murdered so many
I have lost count,
The pleasure it gives me
Is a large amount*...

Какое-то время они ехали молча под смех и слезы, фарс и абсурд, неумную радость и безысходное отчаяние, неординарную лирику и тонкую романтику «Тигровых Лилий».

— Наверное, скоро, — нарушил молчание Кирилл, — женщины будут вытеснены, ну может быть, слегка потеснены, — поправился он под мгновенным залпом Кириных глаз, — резиновыми куклами нового поколения. И состоятельность мужчины будет определяться не количеством пластических операций его жены и маркой машины, а продвинутой и красотой его куклы. Представляешь, с ней можно будет делать все, что хочешь и когда хочешь, можно научить ее даже игре в шахматы, причем играть она будет, как компьютер, какой уровень поставишь, такой и получишь, можешь выигрывать, можешь проигрывать — что кому нравится. Ласковая, приветливая, или наоборот агрессивная и жестокая, с плеткой, например, — он хитро улыбнулся начинающей закипать Кире. — На любой вкус и цвет. Страстная, похотливая, ну и так далее... Что-то я размечтался, — Кирилл засмеялся. — Ладно, не дуйся, я хотел тебя развеселить.

* Убивать просто,
Убивать здорово,
Это приятнее секса,
И я всегда прихожу, чтобы сделать это.
Я убил столько,
Что потерял убийствам счет.
Это доставляет мне огромное удовольствие (англ.).

— И у тебя получилось. Шахматы, оказывается, твой пунктик. Или, может быть, самая сокровенная сексуальная фантазия? Шахматный секс. Тайгерсов наслушался?

— Да, наслушался. И даже в чем-то превзошел. Чувствуешь? Это тебе не с овцами совокупляться или с мухами любовью заниматься. Тут думать надо.

— Продай Тайгерсам идею:

Chess is hard,
But it's also fun to play chess
During sex*.

— Супер. Обязательно продам.

Они засмеялись. Кирилл продолжал описывать бесспорные преимущества резиновой куклы. Так и доехали. В обоюдной пикировке, глубоко за полночь. Выпили вина и легли спать. Ночью Кира кричала во сне.

— Что тебе снилось? — наутро спросил Кирилл.

— Так, ничего особенного.

— А все-таки?

— Тайгерсов наслушалась. Вариации на тему...

— Рассказывай.

— Я лучше напишу.

Она села за компьютер, и пока Кирилл варил кофе, на экране появился текст:

«Сон.

...И я начала заниматься проституцией...

* Играть в шахматы сложно,
Но это тоже здорово
Играть в шахматы во время секса (англ.).

чтобы было не совсем противно, я завязывала глаза и затыкала уши...

представляла, что с тобой...

и даже стала уже входить во вкус и получать удовольствие,

когда с меня сорвали повязку и освободили уши

это был ты

ты ругался и кричал

это было так непохоже на тебя и нелепо,

что я начала смеяться, а ты стал меня бить...

я смеялась все громче и не чувствовала боли

а потом я умерла

потому что ты бил очень сильно

я увидела себя со стороны

и тебя

ты заплакал

ты плакал молча

потом подошел к окну, открыл его и хотел выброситься

но подумал, что недостаточно высоко

ты доехал на лифте до последнего этажа

вышел на крышу, разбежался, прыгнул вниз и умер

ты увидел себя со стороны

я уже ждала тебя, и мы начали заниматься любовью рядом с твоим телом

и нам было хорошо

никто не мог ничего с нами сделать

потому что все они были живые, а мы мертвые

потом мы взялись за руки, и пошли по дороге

машины пронеслись сквозь нас

и ничего не повторялось

и мы были счастливы».

Кирилл молча прочел. Подошел к Кире и обнял ее. Хорошо так обнял. Кира подумала, что он сейчас ска-

жет: «Я люблю тебя». Но он ничего подобного не сказал. Он спокойно гладил ее по голове и целовал волосы. Кира снова провалилась в мягкую обволакивающую пустоту, из которой она выбралась, лишь когда, вернувшись домой, увидела на коврике перед дверью своей квартиры огромную ворону. Ворона не шевелилась и, судя по всему, была мертва. Кира перешагнула через нее, прошмыгнула в дверь и сразу же набрала номер Кирилла.

— Что делать? Это Давид. Чего он хочет? Зачем это ему? Что мне теперь делать с этой вороной? Соседи увидят... Консьержка чужих не пускает. Чтобы добраться до квартиры, нужно открыть две железных двери. Как он прошел? — задавала она бесконечные вопросы, после того как рассказала Кириллу о случившемся.

— Не паникуй. Он молодец. Действует очень грамотно. Хочет напугать тебя до смерти. Тебе нужно показать ему, что ты не боишься. Будь хладнокровна.

— Последнее время ты перестал мне рассказывать про Тень. О чем вы с ней договорились? Ты с ним заодно, да? — ее несло уже совсем не туда. Но Кирилл, похоже, привык к подобной Кириной практике и пропустил это замечание мимо ушей.

— Успокойся. Возьми ворону и похорони ее.

— Ты что, совсем с ума сошел? — негодовала Кира.

— Мы все уже давно сумасшедшие. Или ты хочешь, чтобы она разлагалась под твоей дверью?

— Не хочу, но...

— Тогда вперед.

— У меня нет лопаты.

— Найди.

— Я боюсь прикоснуться к этой вороне... Как он ее поймал? Ворону поймать очень тяжело. Как он ее

убил? — Кира опять перешла к вопросам, на которые не было ответов, по крайней мере, у Кирилла.

— Тебе очень хочется знать?

— Да.

— Тогда осмотри труп.

— ???

— Хочешь, я приеду и помогу тебе, если ты такая беспомощная?

— Сама справлюсь.

Ничего похожего на лопату Киру не нашла, и недолго думая, просто выбросила ворону в помойку, недалеко от дома, предварительно брезгливо осмотрев ее и обнаружив чуть заметный темный подтек на перьях в области груди.

— Знаешь, — говорила она потом Кириллу, — у ворон черная кровь.

На следующее утро, на коврике перед дверью Кира опять нашла мертвую ворону. Кира сразу поняла, что это другая птица. Она была гораздо меньше предыдущей и светлее. Вчерашняя — черная-пречерная, а эта почти вся серая. «Наверное, вороненок», — подумала Кира. На этот раз она уже так не переживала. Нашла на балконе какой-то старый совок Апреля и отправилась хоронить бедную, ни в чем неповинную птицу. Выйдя на улицу, она испытала какой-то невероятный прилив смелости и решительности, так что даже полезла в помойку за вчерашней вороной, чтобы закопать обеих птиц вместе, введя тем самым в страшное замешательство прогуливающих рядом бодрых старушек и озабоченных мамашек, выгуливающих своих ненаглядных чад.

— Наплевать, — подумала Кира, укладывая вчерашнюю ворону рядом с вороненком. — Пусть думают, что хотят, — она вызывающе посмотрела на на-

блюдающих за ней во все глаза молодых и старых. — Если им делать нечего, — и принялась копать детским совком под деревом яму.

— Бог в помощь...

Кира оглянулась. Рядом стоял Давид, улыбаясь от уха до уха.

— Спасибо, ответила Кира, продолжая копать.

— Кому это ты яму роешь?

— Не тебе.

— Я вижу. Мне яму таким совочком не выкопает, тут экскаватор нужен.

— Да вот, птиц хочу похоронить. Их кто-то убивает и складывает у меня под дверью.

— Забавно... Наверно, это намек.

— Возможно, но я не понимаю намеков.

— Зря... Я думаю, что тот, кто это делает, хочет тебя убить, и готов сам быть убитым, но просто так не сдастся и не отступит — ему, вероятно, нечего терять. Он — это большая ворона, а ты поменьше.

— Обязательно кого-то убивать?

— Нет, не обязательно, но тогда вы с ним должны быть вместе и заодно.

— Интересно.

— Грустно, Кирочка, очень грустно. — Он сел на корточки и стал помогать Кире укладывать в яму ворон. — Я очень люблю тебя, и хочу тебе помочь выбрать правильный путь. Возможно, я излишне жесток, но это любовь к тебе сделала меня таким — значит такая любовь, значит ты такая. И ты будешь моей, живой или мертвой. — Он грустно улыбнулся. И не было в его улыбке ни угрозы, ни сарказма — ничего, кроме бесконечной грусти.

— Давид, я прошу тебя...

— Нет уж, это я тебя прошу, оставь его и будь со мной. Он не любит тебя, он пренебрегает тобой и сме-

ется над твоей глупой любовью. Он готов использовать тебя и твою наивность; если ему представилось бы выбирать, я не уверен, что он выбрал бы тебя — он играет с тобой, поверь мне. Впрочем, можешь не верить — у меня есть доказательства, и я готов предоставить их тебе в любой момент.

Кира впала в неприятное замешательство, ее даже замутило, голова закружилась. Но она не подала вида.

— Хорошо. Но мне не нужны никакие доказательства. Я верю ему, — сказала она, услышала, что сказала и вяло удивилась — она сейчас никому не верила, ни Давиду, ни Кириллу, ни себе... Кира снова неотвратимо проваливалась в бесконечную засасывающую пустоту...

Давид взял птиц за лапы, вытащил их из выкопанной Кирой могилы и унес их прочь.

— Хочешь, я убью его? — спросил Кирилл, выслушав сумбурный Кирин рассказ о вороньих похоронах.

— Нет. Я сама могу, если надо будет. Еще не время.

— А по-моему, уже пора. Он перешел границу.

— Понимаешь, он был для меня последние лет десять одним из самых близких людей, я доверяла ему бесконечно, и мне очень тяжело сейчас. Я отказываюсь понимать, что произошло и происходит.

— Может быть, этого нельзя понять...

На следующий день там же, на коврике у двери, Кира обнаружила деревянный ящик с землей, над которым возвышались два креста — один поменьше, другой побольше, с одной стороны из земли торчало воронье крыло, с другой лежала записка: «Выбор за ним».

В следующую субботу мы поехали в Тулу, посмотреть несколько финалов на Чемпионате России по легкой атлетике. Я бывший профессиональный спортсмен, время от времени занимал призовые места на европейских и мировых первенствах. Так хочется иногда вернуться назад, в ту золотую жизнь, прямую и прозрачную. Не было ни капризных клиентов, ни партнеров, с которыми нужно поддерживать дружеские отношения, ни подчиненных с их проблемами. Увы, система-ниппель, назад дороги нет. После спорта меня приглашали остаться тренером или функционером, но я, чувствуя, что попасть в колею — не выбор, а бездействие, сделал усилие и, отбросив все связи, начал заниматься совершенно другим. Не хотелось оставаться в системе, мне всегда была по душе индивидуальная работа — не коллективный я человек.

Мы выехали с утра, взяв все для купания и еду для пикника. Но оказалось, что или что-то изменилось со времен моего детства, или я забыл как выглядят современные водоемы и леса. Вода в реках была настолько грязной, что даже моей индейской решимости хватило, чтобы зайти в нее только по колено. Кира даже раздеваться побрезговала. Пикник получился не намного лучше. Различных насекомых, жаждущих человеческой плоти, было нездоровое количество. Похоже, что пикник был у них, а не у нас. На ходу поев, бегом вернулись в машину. Эти неудачи меня расстроили лишь в отношении Киры, потому что я знал, как болезненно она реагирует на малейшее затруднение. Осталось только посмотреть соревнования, но вряд ли они вызовут у Киры интерес.

В машине ей стало плохо — очередной приступ головной боли. Кира сама уже стала более-менее

справляться с этими состояниями, после того, как я сказал ей, что это не болезнь, а нападение. Ну и я тоже учился понемногу отводить влияние. В этот раз мы справились. Правда в моей голове взорвалась осколочная бомба, но я перетерпел, не останавливая машину, и своей красавице ничего не сказал. Через полчаса позвонил Давид, справился о самочувствии Кирры. Она резко ответила:

— Я теперь всегда буду чувствовать себя хорошо, ты о себе побеспокойся.

На другом конце послышался смех. Кира выключила телефон и убрала его.

Я совсем не понимал плана Давида. Если он хотел нас разъединить, то делал это очень неумело, и медленно, но верно получал противоположный результат. Тем не менее, я испытывал к нему большую симпатию, совершенно непонятно, почему. Где-то глубоко внутри меня жило что-то, что пело с ним в один голос. Или подпевало. Для себя я объяснял это тем, что у него было то, чего не было у меня или чего мне не хватало. Меня очень привлекали его целеустремленность и настойчивость, желание не останавливаться и развивать в себе новые способности. Судя по нашей переписке, он был большим выдумщиком и, наверное, крайне решительным человеком. Хотя спорные моменты в его характере тоже были.

Началась гроза. Никогда раньше мне не доводилось наблюдать такого ливня. Дворники оказались совершенно бесполезными, мы были на дне водного океана. Все машины на трассе остановились и включили аварийки. Видимость была... Нет, пожалуй, видимости не было никакой. Я выключил музыку и ненужные дворники, мы внимали звукам ливня. Шуму падения воды на крышу машины и редким, но очень громким

раскатам грома. Мне кажется, я бы не удивился, если бы за окном проплыла рыба. После грозы стало свежо, настроение несколько улучшилось. Давид остался в прошлой жизни.

Когда мы приехали, до начала финалов было около часа. Пятнадцать минут из него, мы потратили на поиски кофейни с кофе-машиной. Нашли. Выпили эспрессо, съели по кусочку чизкейка. Я рассказывал какие-то байки о своей спортивной жизни. Кира внимала...

Поздно ночью вернулись в Москву.

В понедельник утром я с уговорами отвез Киру в больницу. Ей начали делать какие-то уколы, судя по всему, очень болезненные, по крайней мере, она боялась и задолго начинала нервничать. Сам поехал в офис. Чувствовал себя неуютно — Кира почти ревели, вылезая из машины, а я ничего не мог сделать. Или не хотел? Или не считал себя вправе вмешиваться? С одной стороны, внутри у Киры определенно работали какие-то фантастические предохранители, оберегающие и спасающие ее от всех напастей, иначе ее давно уже не было бы. Поэтому я допускал, что любое обычное лечение, а тем более уколы были лишними, а возможно, даже вредными в такой ситуации. С другой — ее лечил известный хирург с именем, прозвучавшем вслух которое хотелось стоя, и я не сомневался, что он знает и понимает, что делает. «Лучше потерпеть и перестраховаться», — решил я. Конечно, можно было пойти, проводить ее, даже поприсутствовать, если разрешили бы. Но здесь у меня в голове включались уже другие механизмы — врачи были знакомыми Олега, да и сам Олег туда частенько навещался. В общем, я не хотел вмешиваться в начатый не мной процесс.

«Доброго дня, Тень.

Зачем мне ее убивать? Мне неинтересно убивать, да просто лень! К тому же она помогает мне в некоторых делах. Кирилл».

Кира до самого вечера не брала трубку. Сама позвонила после девяти вечера, когда я уже весь извелся... Оказывается, была без сознания. Говорила с трудом. На ночь ее оставили в клинике.

*«Я чувствую испуг и шевеление на вашей стороне
Этой ночью ты думал, как ЕЕ защитить*

*Но будем считать, что это ложные чувства
Ты ясно дал понять мне, что помогать мне не будешь
Хорошо*

Тогда мне ничего другого не остается

Я убью ЕЕ

Убью тогда, когда ОНА меньше всего будет ожидать опасности

Я выжду

Я умею ждать

Я охотник

Это будет не убийство

Это будет ритуал

ОНА сама отдастся мне

Потому, что у НЕЕ не будет выбора

К тому же ОНА действительно не дорожит жизнью, ибо знает, что есть жизнь

ОНА с радостью отдаст жизнь, если увидит: то, что предлагается взамен, стоит больше

Очень жаль, что ты не со мной

Ты равен мне

Ты близок мне

Ты «видишь» меня

И ты любил меня

На определенном этапе у нас возникло непонимание

*Очень хочется вернуть понимание
ОНА обречена, поверь мне, здесь уже ничего нельзя
изменить*

Но есть мы

И мы будем, когда ЕЕ уже не будет

И хочется, чтобы мы были вместе

Ты оказался роковым для НЕЕ

ОНА — роковой для меня

ЕЕ смерть — роковой для тебя

Круг замкнется

Как ты это видишь?

Тень».

«Я ни на чьей стороне, я нигде, я сам по себе.

И ночью я спал.

Чего ты собираешься ждать?

*Когда она умрет сама? Это может случиться
в любой момент.*

*У нас нет непонимания. У нас разные цели и раз-
ные игры.*

Надеюсь, ты будешь более мягкой.

Я не готов пока обсуждать то, о чем ты пишешь.

Кирилл».

Да, мы вели игру с Давидом. А в любой игре важно дезориентировать соперника. Лучше вначале немного проиграть, но не дать возможности вычислить твою тактику. Он ждал от меня вполне определенных ответов и действий, я же не давал возможности вычислить, в какую сторону я двигаюсь, и каковы цели. Наверно, он думал, что я сумасшедший, впрочем, я и не стремлюсь к нормальности. Нормальность — это банальность. И ничего нет хуже последней. Возможно, и сам Давид привлекал меня именно своей ненормальностью. Так что мы друг друга стоили.

Мне казалось, что пресс чужого внимания давил на меня со всех сторон. Домашний телефон, быва-

ло, по несколько часов звонил не умолкая. Приступы головной боли и взрывы в голове становились все чаще. Слежку я чувствовал спиной. Но, как ни странно, увидеть хоть раз человека, который следует за мной или за моей машиной, я так и не смог, как ни старался. В конце концов я решил, что следят профессионалы и в основном техническими методами, обнаружить которые без специальных знаний и соответствующей аппаратуры практически невозможно. Спротивлялся, как мог. Насколько я понимал, главное для соглядатаев было не столько знать, где я нахожусь сейчас, сколько иметь возможность просчитать мое поведение наперед: пути передвижения, распорядок, привычки. Поэтому я выходил из дома и приезжал назад — в разное время, иногда, выехав как бы на работу, объезжал дом, возвращался в квартиру, а на работу потом отправлялся только через несколько часов. Никогда не ехал два раза подряд одной и той же дорогой. Машину также ставил в разных местах; возвращаясь в квартиру, то пробирался кустами, то спокойно вышагивал посреди улицы. Дома иногда оставлял свет на кухне на несколько суток включенным, иногда спал при свете в комнате, а иногда ужинал в темноте. На самом деле, все эти фокусы были мне не в тягость. Уже около десяти лет я боролся со своими привычками и вполне сознательно пытался их вычислить и «перебить». Практически я жил так и до начала слежки, а сейчас только удвоил свои старания. Единственное, от чего я не мог уйти — это работа, офис. И хотя я оставлял машину в разных местах и никогда не подходил к центральному входу здания с одной стороны, мое появление было предсказуемо. Меня это не радовало, но что предпринять, я так и не придумал.

*«Кирилл
Интересную игру ты ведешь
Пусть будет так
Вчера я пыталась войти с НЕЙ в контакт, а ночью была атакована
(Ты даже не представляешь, с кем связался)
Но это была ЕЕ ошибка
Такие атаки чреваты
Теперь включится обратный механизм, ну, что-то типа вселенской совести...
Трудно объяснить, да и незачем
И в эту дыру войду я
И ОНА примет меня, потому что знает, что сама нарушила закон
Ради себя ОНА не стала бы
ОНА, судя по всему, делает это ради тебя, что усиливает мое влечение к тебе.
Так что ты действительно роковой для НЕЕ
Как странно и нелепо все в этом чудном мире
Театр абсурда
Больше о НЕЙ говорить не будем
Давай поговорим о нас
Чем дальше, тем больше я хочу тебя
Я безумно хочу тебя
Ты интересен мне
Ты непонятен
Ты абсурден
И ты силен
P.S. Можно было бы заняться с НЕЙ любовью
Втроем — я, ты, ОНА
Долго, очень долго
Пока ОНА не умрет».*

Я знал, что Кира нанесла удар по Давиду. И он был прав, она сделала это после того, как осознала, что мне угрожает опасность, и опасность эта идет от Да-

вида. После нападения несколько дней не было писем, и звонки стали очень редкими. Кира тоже расклеилась.

— Я не смогла больше терпеть, он говорил, что убьет меня и тебя.

— Да, он пишет, что плохо себя чувствует, но духом не сломлен.

— Я нарушила закон. Теперь закон будет пытаться восстановить равновесие, и это нарушит равновесие во мне, — она засмеялась.

— Как это?

— Все в мире происходит в результате действия трех сил: положительной, отрицательной и силы нейтральности. Я действовала искусственно, все происходило без участия силы нейтральности. Сила эта в любом случае проявится, но позже. Каким будет ее проявление, лучше не знать. Как бы то ни было, она восстановит равновесие...

— Интересно, Кирочка, что вы с Давидом часто говорите мне почти одно и то же. Вы одинаково мыслите, а может, есть еще какие-то связи, которых я не осознаю? Наверное, перед тем, как вы общаетесь со мной, вы болтаете между собой...

Кира стрельнула глазами:

— Мир — это математика. А Давид во многом мой ученик.

— Ученик он хороший. Но вот философия у него детская.

— А какая не детская?

— Никто не может воспринять и соответственно понять большую часть, намного-намного большую часть того, что происходит в мире. Мы видим и воспринимаем ничтожную часть того, что есть, даже если неимоверно разовьем свою чувствительность. Мы никогда не будем в состоянии понять законы мира. Тем

более описать. И твою силу нейтральности в том числе. Плохо обманывать себя и говорить: я знаю. Все законы существуют у нас в голове, так что забудь про описание и радуйся жизни.

— Ты прав, но это ничего не меняет. В той части мира, которую мы так или иначе воспринимаем, законы работают. Они не существуют вне нашего понятия о мире. Но нам-то до этого сейчас какое дело. Мы ощущаем себя здесь, и этим своим ощущением и создаем законы.

«Доброго дня, Тень.

Вы с ней очень похожи.

Вы мыслите одинаково.

Увы, я не такой как вы.

По крайней мере, пока.

Убить ее можно.

Она не будет сопротивляться.

Если не будет больно.

Кирилл».

«У меня сейчас не лучшее время

Я недооценила ЕЕ

И ОНА тихонько добивает меня

Успеет ли?

Вопрос

В общем, уже не важно

Вместе нам не быть

Или ОНА, или я

В конечном счете, не имеет значения

Ничто не имеет значения

Все игра

Только имей в виду, если ОНА убьет меня, ты следующий

ОНА никогда не смирится с твоим к себе отношением

И если увидит, что проиграла, ОНА убьет тебя

*Как и я хочу убить ЕЕ
Все сейчас в твоих руках
Ты та сила, которая решит исход игры
Если ты играешь со мной, умрет ОНА
И это будет красивая и сладостная смерть,
которая принесет удовольствие и спокойствие
всем нам*

*Если ты будешь с НЕЙ, я умру болезненно и тяжело
Конечно, мы похожи
Я ЕЕ порождение
А какой ты?
Тень».*

Тень — Давид упорно гнул свое. С вариациями, но, если смотреть по сути, с самого начала и до этого времени было одно и то же. Планета «Солярис — Кира» и мы, спутники-захватчики. Она наш Грааль, а мы крестоносцы. Только у меня пока не появилось желание вступить в ряды завоевателей. Я не хотел этой войны. Я не понимал ее смысла и не знал, как ее предотвратить. Вполне определенно теперь был мой ход в этой, далеко не шахматной партии. Я выжидал и думал. Мне не хотелось делать плохой ход или ход — просто чтобы выиграть время.

Вечер. Прохладно, но ясно. Мы с Алексеем заканчивали устанавливать кинотеатр в районе Октябрьского поля на последнем этаже одного из самых высоких домов в Москве. Алексей паял разъемы, сидя на корточках перед висящей на стене плазмой. Я лежал на полу, нога на ногу и увлеченно читал инструкцию к плазме LG. Инструкцию перевели с корейского с помощью электронного переводчика, притом, похоже, использовался промежуточный язык, скорее всего белорусский, поэтому книжица представляла собой сборник загадочных криптограмм

и анекдотов. Я читал вслух, пытаюсь имитировать белорусско-корейский акцент: «Прынимаю душ баудзь внимаутелен, жидкость моужет повредить в унутренности вашей LG PG11px и нанести окончательный вред вашему здоровью». Зазвонил мой мобильный.

— Алло. Я вас слушаю.

— Меня зовут Адам, я разговариваю с Кириллом?

— Да, это Кирилл. Чем могу быть вам полезен? — Я уже понял, что звонит новый клиент, собственно, в этом не было ничего необычного.

— Здравствуйте, Кирилл. Я представитель клиента, который выразил свое желание воспользоваться вашими услугами и хочет заказать у вас аппаратуру. Он совершенно не разбирается в предмете и весьма далек от музыки, но многое о вас слышал и полностью доверяет вам. Он хорошо разбирается только в черном. И хотел бы, чтобы все было в черном цвете... Вы меня слышите, Кирилл...Алло...

— Да... Мне тоже очень нравится черный цвет. Я готов выполнить все необходимые работы на самом высоком уровне.

— Вот и договорились. Я перезвоню, после того, как переговорю с ним. И мы согласуем заказ.

Алексей спросил, не поднимая головы из-за дыма припоя:

— Новый клиент звонил?

— Да, — я помолчал, — будем делать черный кинотеатр.

Вот так. Новый клиент, хорошо разбирающийся в черном. Звучало, как пароль. Пароль и был. Давид решил заказать у меня аппаратуру. В том, что мне только что позвонил его человек, я не сомневался. Интересный ход. Правда меня уже давно не покидало ощущение, что произойдет что-то подобное.

Несколько следующих дней я ожидал звонка от помощника Давида, но никто не позвонил. Когда Кира прогуливалась с Давидом, за ними неустанно следовала черная «Audi A8». Похоже, это или охрана, или люди, выполняющие особые поручения, а начальником этой «службы безопасности» был крупный лысый мужчина по имени Адам. Кира не раз наблюдала, как он отчитывался перед Давидом — тихо и спокойно, — не позволяя ни одному слову долететь до Кириных ушей. Встречая Киру у спортклуба или подкарауливая у выхода из магазина, Давид галантно предлагал донести сумки, и они с Кирой шли к дому, разговаривая, а машина медленно ехала за ними по пятам. Но обычно она стояла около подъезда Киры.

Давление на Киру стало, пожалуй, намного большим, чем на меня. Хотя у нее ведомственный дом, внизу сидит консьержка, а на этаже металлические двери, ей часто среди ночи кто-то звонил в дверь квартиры. Она не решалась открывать, так как этим звонкам не предшествовали ни вызовы по домофону, ни запросы консьержки. Кира пребывала в некоторой растерянности — это если говорить мягко, а если прямо — она была по-настоящему испугана.

Я успокаивал ее и давал умные советы. Ну, возможно, не столько умные, сколько четкие и категоричные. По моему мнению, главное — не допустить разброда и шатания. Просил докладывать мне о всех ее передвижениях — в зал, в магазин, к друзьям и обратно...

Кира позвонила мне, чтобы сообщить, что выходит из зала. Мы обменялись несколькими фразами, и тут у меня зазвонил телефон. Попросив Киру не отключаться, я переключился на вторую линию. Это был Адам.

Он начал не очень уверенно объяснять, как он видит то, что хотел бы получить в результате моей работы над их проектом. Было очевидно, что он, как и его шеф, слабо разбирается в предмете. Впрочем, это нормально. Нужно делать свою работу хорошо, и тогда ты сможешь всегда нанять человека, который хорошо сделает для тебя уже свою работу... Он, судя по всему, делал свою очень неплохо. Разговаривая со мной, он время от времени прикрывал рукой телефон и с кем-то переговаривался, ну, в общем, понятно с кем... Но вот он повысил голос, и я услышал:

— Давид Измайлович, Давид Измайлович, куда же вы? Я же не знаю, что говорить, подождите минутку...

Последовала пауза, потом снова уже ко мне.

— Кирилл, я перезвоню вам немного позже. Извините.

Я переключился на Киру.

— Извини, Кирочка, я снова с тобой.

— Теперь ты меня извини, ко мне приближается Давид, а за ним бежит его Адам. Я тебе попозже перезвоню.

История неожиданно приобрела объем. Не то что меня это удивило, нет, скорее это расшатывало тайные двери у меня в голове. Из образующейся щели дул холодный, мокрый ветер еще одной части реальности. Поймать его невозможно, и я просто подставил сознание под колкую струю.

Звонок от Адама раздался через час. Он попытался объяснить мне, что интересует Давида Измайловича. Мы остановились на том, что я сделаю предварительный проект, а мы его обсудим, и при необходимости внесем коррективы.

«Не молчи, пожалуйста

От твоего ответа зависит моя дальнейшая стратегия

*Очень хотелось бы, чтобы мы были вместе
У нас все неплохо может получиться (ведь ты понимаешь, о чем я говорю)*

Это будет грандиозный спектакль

Спектакль ценою в жизнь

И твой вклад будет очень существенен

Тебе представляется возможность для творчества, которая, может быть, никогда больше не представится

Выбор за тобой

Вспомни свою жизнь

Не вспомни, просмотри

Ситуация, в которой ты сейчас оказался, создана тобой

Ты хотел этого, и ты получил это

В тебе сила и пустота

Два начала, свойственные избранным

Мы трое избранных

И мы нашли друг друга

Неужели ты думаешь, что встретил ЕЁ случайно?

Или меня?

Но в НЕЙ больше силы, чем в нас вместе взятых, и больше глупости, больше эмоциональной истерики, ОНА гениальна, но ОНА невнимательна и неспособна к осознанию

ОНА недостойна своей силы, ОНА отреклась от нее

Мы должны ею воспользоваться

Ты мне не доверяешь

Но себе ты доверяешь?

Неужели тебя устраивает эта суэта вокруг тебя?

Неужели это то, к чему ты стремишься?

Не обманывай себя

Тебе нужно совсем другое

Убив ЕЕ, мы обретем силу и способность создавать реальности

Убив ЕЕ, мы обретем свободу, потому, что ОНА порабощает

Убив ЕЕ, мы обретем жизнь, поскольку ОНА несет нам смерть

*Убив ЕЕ, мы обретем бессмертие
Тень».*

Вечером я повел Киру в «Коломенское». Шли в обнимку по самому краю набережной, болтали о чем-то приятном, смотрели на воду, на морские трамвайчики, привлекавшие внимание доносившейся с них громкой музыкой и криками аниматоров, на перестроенные под плавучие рестораны баржи, да и вообще на все, что проплывало мимо. Я завел разговор о Давиде:

— Ты говорила, он может управлять животными. По идее, значит, и людьми может?

— Нет. Людьми у него не получалось. По крайней мере, раньше.

— А в чем проблема? Разве есть разница? Я думал, никакой.

— Ты не понимаешь. Людьми практически невозможно управлять, особенно теми, у кого есть хоть немного собственной воли. В смысле управлять наверняка.

— Мне кажется, это не сложно. Даже странно, что вы думаете по-другому.

— Не мы, а я. Ну и как это делать?

— До безобразия просто. Создаешь мыслеформу. В нее закладываешь то, что должен выполнить твой пациент. Накачиваешь ее энергией и ставишь ее где-то у него на дороге. Мыслеформа к нему прилипнет, и он сделает все, как заложено в мыслеформе, еще и придумает сам себе, зачем он это сделал.

— Ой, не думаю что все так просто. Заставить поправить галстук или снять пиджак, наверное, получится бы, а вот выброситься из окна или влюбиться — уже сложнее.

— Ладно, как-нибудь я тебе это покажу. Естественно, убивать и влюблять мы никого не будем, а вот в речку прыгнуть... Я такие вещи еще в школе делал. Здесь не нужно думать о человеке, как о чем-либо высоким. Воздействие производится в основном на тело. Видимо, поскольку оно здесь, у нас на Земле — первично, тело и управляет человеком. Он даже не осознает этого. А ты, соответственно, управляешь его телом.

— Кстати, вчера Давид звонил и спрашивал, в какой форме ты принимаешь оплату.

— Оплату за что?

— А есть варианты? — Она засмеялась. — За работу, наверное.

— А почему он об этом тебя спрашивает?

— Не знаю... Может, хочет подчеркнуть, что ты на него будешь работать. Или уже работаешь? — она попыталась заглянуть мне в глаза. Я, как всегда, их отвел. Никогда не играю с людьми в гляделки, ни с близкими, ни с незнакомцами.

— Я беру, как дают. Нал, безнал. Не имеет значения.

— А я сказала, что только наличные. Извини. Вообще, он хотел расплатиться в евро.

— Беру в любой валюте. Нет разницы. Ты Карлоса еще читаешь или тебе уже не интересно? — я сменил тему. Перед Кириным отъездом в Испанию дал ей несколько томов Кастанеды, и она их честно читала. На самом деле я просто перевел тему с оплаты за проект. Кирочка радовалась, что я получу прибыльный проект, и она в этом поучаствует, но она не понимала,

что это заговор против нее. Объем истории, проявившийся несколько дней назад, становился все более осязаемым.

— Не поверишь, интересно, но пока дальше не идет. Нужно время, чтобы организм переварил то, что я уже прочла. Мне сейчас хочется чего-нибудь легкого.

— Любовных романов или детективов?

— Шутишь?

— Шучу, шучу. Любовные романы — двери закрываются, следующая остановка сериалы по телевизору.

— Вот-вот.

— Придем домой, дам тебе «Змеесоса» Радова.

— Название совсем не легкое... Но фамилия автора радует. Я согласна на «Змеесоса».

— Суперовая книжка. Только сильно ядовитая. От нее немного голова набок съезжает. Или, может, это я такой чувствительный.

— У тебя сильно съехала? — она дотянулась до моей головы и повернула ее за уши к себе. — Все нормально, — констатировала она, — пойдет.

— Классная книжка. Только вот, кажется, у автора неустойчивая психика и это передается через буквы. Давай так, если почувствуешь что крыша кренится, закрывай это волшебное чтиво и звони мне. Окей?

Она оценивающе посмотрела на меня, как будто искала, за что такое меня еще можно потянуть, чтобы проверить мою психику.

В тот же день я вручил книгу Кире и попросил ее не только прочитать самой, но и посоветовать почитать эту книгу Давиду. План состоял в попытке сдвинуть его психику с той точки, в которой она сейчас находилась, и которая представляла для нас опасность.

Через несколько дней Кира нашла под дверью квартиры мертвую ворону, на следующий день вто-

рую. Когда она с детской лопаткой понесла их хоронить, как из-под земли появился Давид и с безумным дьявольским хохотом отнял их. А на утро под дверью стоял ящик с землей с двумя крестами и запиской «Выбор за ним».

От «Змеесоса» Кира была в восторге. Проглотила за несколько дней. Книга даже немного отвлекла ее от истории с мертвыми воронами.

Я же с ребятами работал над проектом Давида. Мы переписывались с ним, как с заказчиком, а звонил мне только Адам. Картина вырисовывалась следующая. Давид хотел получить черную звуконепроницаемую комнату, в центр которой была бы направлена фиксирующая аудио и видео аппаратура. Звукоизоляция обсуждалась долго и подробно — что бы ни происходило в комнате, это должно было оставить след только на видео и аудио пленках, а не в ушах соседей. Кроме того, в комнате предполагалась и воспроизводящая аппаратура, причем хорошего качества, чтобы записанное можно было просматривать и прослушивать с эффектом максимального приближения к реальности. Также было высказано пожелание, чтобы я занялся дизайном этой комнаты. Давид хотел видеть стены, пол и потолок в черном цвете, и попросил меня это все оформить. «На создание комнаты Давид Измайлович может выделить 290 тысяч евро. Думайте, творите, вам полностью доверяют и не сомневаются что вы сделаете свое дело самым лучшим образом», — сказал мне Адам.

Я не видел проблем в создании такого объекта, но прежде нужно было решить множество мелких вопросов. Проект был интересен, и с самого начала потребовал массу времени. Мы с Алексеем, техническим специалистом, увлеченно работали над созданием «черной комнаты» для нашего клиента. Оплата

предлагалась щедрая, хорошо бы все клиенты были такими. Помимо технической, проект имел другую, тайную, сторону. И вот с этой стороны я понимал, что завершать начатое нельзя, ведь сдача комнаты может каким-то образом привести к смерти Киры. У меня не оставалось сомнений, что логика Давида вышла за рамки общепринятой. Другими словами, он просто сошел с ума. Идея, зародившись в этом мире, постепенно приобрела самостоятельность, паразитируя на сознании Давида, и теперь, став идеей-фикс, выключила реальность. Она требовала действий, которые вытекали из обстоятельств с ее точки зрения. А именно: Киру необходимо убить, и не просто, а церемониально, что позволит участвующим забрать все, что высвободится в момент смерти; убийство должно произойти в специально для этого предназначенной комнате, которую построю я; а потом еще и приведу в нее Киру... Отказаться от проекта я также не мог, поскольку пока я работал над созданием комнаты, Давид и идея-фикс ждали, а Кира находилась хотя бы в относительной безопасности.

Глава 6

Иногда Кирилл с Кирой писали друг другу письма, обменивались по сети фотографиями, картинками, которые сами рисовали, особенно когда по каким-то причинам не виделись в течение нескольких дней. Порой на Киру накатывало что-то, и она бежала к компьютеру. Пальцы летали над клавиатурой, и на экране рождалось:

«Ты бежал,
я смотрела на глобус.
Ты бежал,
я мыла посуду.
Ты бежал,
я пыталась уснуть.
Ты бежал,
я курила канабис и тупо тебе изменяла.
Ты бежал.

Я ждала.
Ты летел в самолете.
Я ждала,
ты чинил компьютер.
Я ждала,
ты кусал чье-то ухо, целовал чьи-то губы и дальше.
Я ждала,
ты кому-то внимал.
Я ждала, ты бежал».

Ответ, как правило, не заставлял себя ждать:

«Ты писала,
я был причиной.
Я пишу,
ты причина.
Желания
вызваны другим.
Другой
вызван желанием.
Тень
разделяющая.
Но,
этим сближающая.
Смерть,
какая?»

И уже было не остановить поток:

«Смерть — ничто.
Она — все.
Смерть становится тем, что хочешь увидеть в ней.
Смерть — это присутствие.
Присутствие постоянное.
Присутствие необычное.
Со смертью нельзя договориться, но можно ее по-
любить.
Можно спросить у нее совета,
и масса мелочной шелухи отлетит прочь,
когда смерть подаст знак или хотя бы краем глаза
уловишь ее движение,
или почувствуешь дыхание.
Но моя смерть — это только моя смерть.
Она и я едины.
И когда она решит прикоснуться ко мне, я протя-
ну ей руку.

Не раньше, не позже.

И нет никого, кто в состоянии повелевать моей смертью.

Нет никого, кто способен повелевать мною, без моего на то желания.

Когда я почувствую переход,
моя жизнь призовет мою смерть.
И они сольются».

Кирилл ответил перевертышем:

«Жизнь это все.

Она ничто.

В жизни нельзя увидеть того, чего не хочешь увидеть вне ее.

Жизнь — это отсутствие.

Временное отсутствие.

С жизнью можно договориться, но ее можно и возненавидеть.

Нельзя ответить на ее вопросы,
поэтому фантики приклеиваются к нам.

Жизнь не подаст знак, никогда не знаешь точно,
что видишь ее движение,
чувствуешь прикосновение.

Твоя жизнь — это наша жизнь.

Она и мы — порознь.

Никогда она не решится отдернуть от меня свою руку, я тоже не уберу свою.

Никогда, никогда.

Все повелевают моей жизнью.

Я повелеваю всеми.

Когда переход позовет меня,
твоя смерть прогонит мою жизнь.

И они расстанутся».

Перевертыш перевертышем, а строчка: «Твоя жизнь — это наша жизнь», Кире не понравилась. После разговора с Давидом и странной записки на вороньих трупах эта фраза принимала определенный и весьма непривлекательный смысл. Кира написала:

«Борьба за жизнь — это не жизнь.
Тот, кто борется, не живет, а избегает смерти.
Тот, кто живет — не борется,
ибо жизнь не нуждается в борьбе.
Она просто есть.
Смерть ее не касается.
Тот, кто перестает бороться,
начинает жить.
Но как только он перестает избегать смерти,
он умирает.
Так что жизнь — это смерть.
Чтобы стать бессмертным,
нужно умереть».

Ответа не последовало — Кирил позвонил и, сославшись на то, что уезжает из офиса по делам, сказал, что напишет вечером. Вечером не написал — пригласил Киру на концерт. Ну, так и забылось.

* * *

В первых числах августа у Кирилла был день рождения. Кира нарисовала для него две картины. На одной — дубовая роща осенью: желтые, красные, расцвеченные листья, мощные стволы, изогнутые корни; а если присмотреться, то сквозь листву и корни проступал портрет Кирилла; на другой — Луна, расположенная не на небе, а под землей, в общем — кому надо, тот поймет.

Всю первую половину этого долгожданного дня Кира ездила по городу и искала подходящие рамки, а в назначенный час прибыла в офис Кирилла. Он встретил ее, поцеловал и слегка занервничал. Кира напряглась и вопросительно посмотрела на него:

— Говори.

— Ну, ты не волнуйся... — Он замялся. — В общем, там Ирка, она приехала меня поздравить... Пожалуйста, веди себя прилично.

Иркой звалась близкая подружка Кирилла, в каком-то смысле Кирина предшественница, т.е. девушка с которой Кирилл проводил большую, чем с другими, часть своего времени до знакомства с Кирой. Теперь Ирка постоянно звонила Кириллу, и по Кириным данным Кирилл реже, но все-таки продолжал с ней встречаться, по крайней мере, они были вместе, когда Кира уезжала в Испанию. Так что основная часть Кириной ревности, направленной на всех девушек Кирилла, приходилась именно на Ирку.

— Легко, — сказала Кира, не пуская вмиг нахлынувшие нехорошие чувства. Неприятные ощущения усилились, когда она, войдя, увидела, что все уже давно сидят, едят, пьют и некоторые гости уже совсем пьяные. Причем откровенно пьяным был и приятель Кирилла Паша, пьющий только пиво, а не вино, как все. «Сколько же он уже выпил этого пива?» — подумала Кира и расстроилась. Расстроилась так, что забыла даже подарить имениннику свои драгоценные картины, вспомнив о них только тогда, когда собравшиеся стали расходиться по углам: покурить и поболтать. Но как только Кира вытащила свой подарок, они почему-то дружно вернулись и начали комментировать Кирино творчество. Кира с трудом себя контролировала. С трудом приходилось сдерживать и обиду на Кирилла, который отдал на всеобщее обозрение столь интим-

ный для Киры предмет. А когда Кирилл начал обниматься и целоваться с Ирккой, пытаясь вовлечь в этот процесс и Киру, отреагировала бурно и агрессивно. Правда у Кирилла все-таки хватило такта или ума, чтобы свести ситуацию на нет. Впрочем Кира начала успокаиваться только когда Кирилл проводил Ирку до выхода, и та ушла...

Все говорило о том, что Кирилл не собирается уделять Кире особого места в своем сердце. У них состоялся очень неприятный для Киры разговор. Кирилл утверждал, что все люди абсолютно одинаковы. Внутри. Есть лишь минимальные внешние различия, ну и так далее что-то в этом духе — Кира не запомнила, она в этот момент тихо негодовала, поскольку, подстрочник был очевиден: «Ты, Кирочка, не выпендривайся, ты такая же, как и все, не лучше, ну и не хуже, соответственно, — такая же. И нет в тебе ничего, что заслуживало бы внимания, особенного внимания. Может, есть, но не более, чем у других». «Ну и пожалуйста», — подумала Кира и, собрав все свои силы, попыталась выкинуть Кирилла прочь — из головы, из сердца, из мечты, сделав для себя следующие выводы: первое — Кирилл ее не любит, банально не любит, ему с ней интересно, хорошо, может, даже замечательно, но это все не любовь, а приятное общение; и второе — несмотря на его нелюбовь, она погрузилась в него обреченно и без остатка, как в ту пустоту, что в последнее время все чаще и нежнее забирала Киру в себя. И это навсегда — как ни собирай силы в кулак и ни пытайся забыть, можно только притворяться. Притворяться в нелюбви и равнодушии. А что если он и есть пустота?

После этого разговора Кира долго не могла прийти в себя. Возможно, именно потому, что не считала себя такой, как все. Более того, она была уверена, что

и Кирилл — особенный. Тогда в горах она в этом убедилась, заглянув в него как-то вечером после телефонного разговора. Там бездна. В нее ныряют и не возвращаются. А пустота, ведь это тоже бездна...

Кира прыгнула за компьютер...

«Теорема Джона Белла поставила физиков перед неприятной дилеммой: либо мир не является объективно реальным, либо в нем действуют сверхсветовые связи. Теорема Белла доказала, что либо Вселенная лишена всякой фундаментальной закономерности, либо фундаментально нераздельна.

Да, мы абсолютно одинаковы относительно смерти и относительно вечности. Мы ничем друг от друга не отличаемся. Смерть, как тень, караулит каждого. Мы стоим на одной доске. И ни один из нас не может быть лучше другого. Нас уравнивает смерть. Мы живем в таинственном мире. И как любое проявление этого мира, мы — существа таинственные, но в то же время, мы не важнее, чем остальные существа. Мы все — проявления мира. Мы все одинаковы, являясь источником вибрационного процесса. Мы одинаковы относительно нереальности и все живем иллюзиями. Но мы совершенно разные, относительно реальности, которую себе создаем и в которой пребываем, поскольку мир, на который мы смотрим ежедневно, не мир вовсе, а в лучшем случае его описание. И мы все являемся художниками в большей степени, чем можем себе представить. Все мы уникальны в своем отношении к миру, друг к другу, к себе, к тому идиотизму, в котором пребываем. И нас не устраивает один, один из толпы, тот, который ближе и доступнее. Нам нужен именно тот уникальный, которого мы ищем всю жизнь, потому что он отличается от остальных, он

смотрит по-другому, говорит по-другому, у него свой мир, который завораживает и манит, и мы хотим погрузиться в созданную им реальность, будь она хороша или плоха. И нам наплевать на вечность, которая его уравнивает с другими и превращает в прах, потому что наше место в это мгновение, мгновение, которое лишь одно имеет значение, если вообще что-либо имеет значение, — здесь и сейчас. Он никогда не превратится для нас в «одного из». Он может быть таким для суесящихся и пыхтящих рядом, но не для нас. И мы отличаемся не только телами, стремлениями, чувствами, желаниями или отсутствием оных, самое главное — мы отличаемся личной силой. Что бы мы ни делали и кем бы ни являлись — все это основывается на личной силе. Если ее достаточно, то всего лишь одно, долетевшее и зацепившееся за нас слово может изменить нашу жизнь и нашу реальность. А если ее мало, то пусть даже будут раскрыты все сокровища мудрости и знания — это ничего нам не даст. И ты абсолютно прав, все это не имеет значения с точки зрения вечности и фундаментальной нераздельности, хотя бы потому, что не имеет места быть вообще. Наш разум — великий иллюзионист, который по собственным правилам выстраивает перед нами великую иллюзию. Он создает наш мир, точнее мирок, защищая нас от хаоса нераздельной реальности, где все едино и лишь перетекает из одного в другое, разворачивая свой павлиний хвост непостижимых соцветий и постоянно меняющихся форм, отбирая для нашего восприятия только то, что считает нужным, в зависимости от своей личной силы. И именно он не позволяет нам выйти за границы сотворенного мира. Он постоянно придумывает разные ухищрения, чтобы убедить нас в том, что та иллюзия, которую он нам преподносит, и есть сама реальность. Но мы реальны (как люди) только в этой ил-

люзии, и как люди мы глубинно отличаемся, и для нас это отличие имеет значение. Пока мы люди. Или пока мы кошки. Или жуки».

Кира дописала последнюю строчку и тут же отправила все Кириллу.

* * *

Вероятно, сопоставив то, о чем он с Кирой говорил по телефону, с тем, что пишет ему Тень, Кирилл намекнул Кире, что либо ее телефон прослушивается, либо в ее квартире находится подслушивающая аппаратура. Кира возмутилась, но все же попросила Андрея, одного из своих друзей, понимающего в деле толк и имеющего соответствующую подготовку, проверить. Было найдено три устройства, причем последнего слова техники.

— Ты, Кирка, во что-то вляпалась, — уходя, констатировал Андрей. — Если что — зови, помогу, чем смогу. И поосторожней там.

— Спасибо.

— Может, тебе, — он запнулся. — Помощь нужна?..

— Пока нет. Но я к тебе обращаюсь, если что.

— Я так понял, что откровенничать ты сегодня со мной не будешь.

— Правильно понял, Андрюша, — ласково, но твердо сказала Кира. — Спасибо тебе огромное.

Кирилл что-то скрывал или не договаривал. Кира в этом не сомневалась. Он выдавал ей информацию порциями, очень дозированно и следил за реакцией. Так она узнала, что Давид через посредников сделал Кириллу заказ на установку аппаратуры в своей квартире. В разговоре Кирилл назвал помещение, где аппаратура должна быть установлена, «черной комнатой»,

но когда Кира начинала расспрашивать, он уходил от ответов, боялся сказать лишнее. Видно было, что он еще не принял решение, работать ему по этому проекту или нет. Он колебался, колебалось все вокруг, в том числе и Кира, последнюю, правда, спасали навалившиеся вдруг заботы и мужчины, требовавшие ее внимания и недовольные появлением Кирилла. У Киры было много друзей мужчин и широкий спектр отношений — от чисто дружеских до любовно-романтических. С появлением Кирилла, однако, подобные контакты стали затухать, но время от времени в личной жизни наблюдались заметные вспышки, как на Солнце. Принося Кире известные неудобства в свете ее новой любви, эти вспышки определяли и весьма положительный момент — они отвлекали Киру от нехороших и тяжелых мыслей и вносили нужный беспорядок в ее стройный страх. А страх присутствовал уже давно. С Испании. Теперь она чувствовала угрозу, как птицы чувствуют приближение непогоды. Когда пространство вокруг принималось опасно вибрировать, внутри у нее как будто начинал звенеть маленький, слабый колокольчик. Этот колокольчик активизировал скрытые программы, так что угроза начинала уничтожаться и обычно, в конце концов, оказывалась уничтоженной. И сейчас Кира боялась больше всего, что этот — так хорошо отрегулированный — механизм уничтожит не то или не того. Ее пугал Давид, но под подозрение вместе с Давидом все время попадал и Кирилл, что расстраивало ее чрезвычайно, но с чем она не могла ничего поделать. А теперь еще эти подслушивающие устройства! Зачем? Неужели приз так велик. И что это за приз?

Страх пропадал, когда Кира оказывалась в крепких и нежных объятиях Кирилла. В этих объятиях она была уверена, что он не причинит ей боль, более того,

сделает все возможное, чтобы она избежала боли и страданий. В очередной раз она с надеждой поднимала глаза, пытаясь заглянуть в Кирилла, и с грустью находила там все, кроме любви.

*«Ты упорно молчишь
А мне, как никогда, хочется с тобой поговорить
К тому же из-за твоего молчания простаивает
наша совместная (возможная) работа
Я устала ждать
Я вообще очень устала
Я даже стала читать какие-то дурацкие книжки
Которые ОНА, судя по всему, читает сама
Чтобы понять
Но ни черта не понимаю
Такое впечатление, что ОНА сама хочет под нож
Вот смотри, я выписал из этой книги:
«Никого нет, просто тебе скучно и ты придумал
себе тайну
...дать путь истинной смерти, ибо только она
приведет к Истине
...и создал девочку с рыжими волосами и взглядом
любви. Она была умна, и писала свои мысли
в тетради:
«Мира нет, как такового, значит, нет ничего реального.
Надо найти реальность и победить смерть».
...Я готов умереть или жить вечно. Это одно
и то же
...случайность есть жизнь, идеал есть гибель
...сейчас я готов умереть, потому что больше
ничего интересного не будет
...ничего не знаю, кроме всего
...я так люблю видеть гибель и знать смысл*

*Я думала, хорош мир или плох, а он никакой
Когда говорят о Боге, мне хочется заткнуть уши;
когда произносят слова: Бог требует от тебя, —
мне хочется выйти вон; когда размышляют о том,
что есть истина, это может быть интересно и при-
ятно иногда*

*Хочу почувствовать смысл, но не понять его
Хочу найти тайну, но не раскрыть ее
Хочу приблизиться к истине, но не узнать ее
Я хочу быть великим философом, и мне все равно,
какова будет моя философия».*

*Все это про НЕЕ и очень верно
А последнее, меня раздражает и бесит
Но это именно так, увы
У НЕЕ нет убеждений, ОНА изменчива, расплывча-
та и непредсказуема. Говорит, что стремится вниз
Нет уж, скорее вбок, потому, что боков — огром-
ное множество*

*Можно каждый раз выбирать себе разный, и каж-
дый ведет в никуда*

*Обладающий силой должен иметь цель, а не идти
вбок*

Кощунственное безумие

Идти вбок

Впрочем, все мы безумны

Каждый по-своему

Но наше с НЕЙ безумие несовместимо

ОНА хочет смерти, и ОНА ее получит

Или я?

ХА-ХА-ХА

Тень».

Отрывки из Радова. Книга подействовала. Не знаю, в нужную ли сторону, но равновесие нарушалось, наша конструкция из трех единиц угрожающе скрипела. И еще мне стало ясно, что Давид просит

дать согласие на убийство, предлагая взамен заказ комнаты. Смешно или не смешно, но мне давали взятку. На джентльменских условиях, что приятно, но банальную взятку.

«Доброго дня, Тень.

То, о чем ты пишешь, по большей части твои выдумки (хотя и очень красивые, надо признать). Я много разговаривал с ней об одном ее друге, очень хорошо тебе знакомом. Он молоток во всем. Своими силами достиг больших высот. Но сейчас у него несколько проблемная ситуация. Возможно, частично из-за того, что он думает, что только он один может решать, что ей делать. Своими порывистыми действиями и категоричными высказываниями он напугал ту, с которой он хотел бы быть близок. Возможно, ему стоит сделать вид, что не было нескольких последних месяцев и начать новую необременительную для нее дружбу. Тем более что она скупает по общению с ним.

Не ищет она смерти, я думаю, она ищет любовь.

Кстати, не знаешь ли ты что-то о том, как она получила свои травмы? Не ты ли здесь замешана?

И еще. Он, этот ее знакомый, пытался воздействовать на живых существ и достиг в этом некоторых результатов. Не сомневаюсь, он может намного больше. Например, повлиять на нее, но только на тело, скорее всего, так будет проще и успешнее. Кирилл».

Последующие события определили расстановку сил и неизбежность потерь. Давид перешел к решительным действиям. Не переставая давить на Киру психологическим прессом угроз, он начал воздействовать на ее тело. В результате оно переставала

ло подчиняться Кире, а слушалось приходящих извне команд.

Несколько вечеров подряд Кира испытывала непреодолимое желание выйти из дома. Она более или менее легко отслеживала эти порывы и противостояла им. Один раз, правда, слегка расслабившись и ухватившись за нить внутреннего диалога, она вышла на улицу. Поджидающий ее Давид, как всегда, улыбаясь от уха до уха, сообщил ей, что эксперимент удался и теперь он может делать с ней все, что хочет, что обрел полный контроль над ней, что он в любой момент посадит ее в машину и отвезет куда угодно, в том числе в аэропорт... Было весьма убедительно — они стояли рядом с машиной Давида и Кира не видела и не чувствовала ничего, что могло бы ему помешать сделать это. Она развернулась и направилась обратно к подъезду.

— Ты сейчас уходишь не потому, что можешь уйти, а потому, что я позволяю тебе вернуться. Вернуться и подумать. Подумать и сделать правильный выбор. Мне бы очень не хотелось принуждать тебя. Я люблю тебя, и ты любишь меня, просто сознание твое помутилось, и ты потеряла ориентацию, — услышала она за спиной голос Давида.

— Это ты совсем потерялся, и если не найдешься, то тебя найдут. — Она разозлилась, но злость не смогла заглушить страх, который гнал ее прочь.

— До встречи, — крикнул ей вслед Давид, не почувствовав и не поняв, что встречи больше не будет. Он не отпустил бы Киру так самонадеянно просто и, наблюдая как она уходит, не любовался бы ею, щурясь от яркого всезнающего и вечносмеющегося солнца, а попытался что-то предпринять, изменить и исправить, если бы знал... Знал, что больше никогда ее не увидит...

Мое последнее письмо было попыткой воспользоваться нарушенным равновесием и сдвинуть восприятие в нужную сторону, сторону мира. О «комнате» я специально не писал. Боялся резких движений со стороны Давида. Вдруг забудется. А совет я дал, как жест доброй воли. Кира мне не верит, может, хоть Давиду пригодится.

Работы над «черной комнатой» я остановил.

«Да, почти все ЕЕ неприятности — моих рук дело, не только травмы

Но в НЕЙ сила, и ЕЕ сила защищает ее

Любой другой на ЕЕ месте (ты, например) давно уже был бы покойником

Я же тебе говорила, что кое-что могу...

Впервые я стала ЕЕ подтачивать восемь лет назад

Тогда я была еще совсем слабая

И противостоять ЕЕ силе было очень сложно

Но ОНА доверяла мне и не ждала с моей стороны ударов

А я тренировалась

ОНА с самого начала пренебрегала мной

Не видела во мне того, что во мне есть

Не ценила меня

Я уж не говорю о любви

Ты говоришь, ОНА хочет любви?

Очень странно

ОНА всегда отталкивала от себя все, похожее на любовь

Может, ОНА хочет именно твоей любви?

Что же все-таки в тебе такого особенного?

А?

Я не могу ЕЕ притянуть

Сто раз пробовала

Идет мощный ответный удар

Сразу
Но я попробую еще,
Как ты говоришь
Воздействовать только на тело

Жертва всегда обладает «нарро», но не всякая жертва имеет «эново». ОНА необычная жертва. ОНА очень редкостная жертва. Если мы убьем ЕЕ и сделаем это правильно, мы сможем вместить ЕЕ «НАРРО» и «ЭНОВО». Нам будет принадлежать реальность.

Ты, наверное, считаешь, что я непоследовательна
Возможно

По мере осознания ситуации меняются мои планы
И Я УЖЕ НЕ ХОЧУ ЕЕ — слишком глубока рана
Я ХОЧУ ЕЕ «ЭНОВО»

И я предлагаю тебе помочь мне

Эта мысль пришла ко мне не сразу

Но чем дальше, тем больше я убеждаюсь в ее правильности

И чем дальше, тем больше я верю, что ты будешь со мной

В противном случае ты не писал бы мне того, что пишешь

ЕЕ можно либо любить, либо ненавидеть

Если ты ЕЕ не любишь, значит...

Вот смотри, опять из книжки «Змеесос»:

«Суть казни состоит в самом моменте умирания, в этой неуловимой черте, разделяющей жизнь и смерть... Блажен и счастлив казнимый, ибо ему дан шанс за какие-то минуты постигнуть и ощутить то, что растягивается на многие годы, постигнуть это в чистом незамутненном виде, понять и почувствовать саму природу своего бытия...»

Так доставим же ЕЙ такое удовольствие

Тем более, говоришь, ОНА хочет любви

*ОНА ее получит перед смертью
От нас обоих
ОНА в ней захлебнется
Тень»
«Доброй ночи, Тень.*

Она мне не столь интересна, как ты, поэтому я спрашиваю больше о тебе, но ты не отвечаешь. Ты пишешь о своем, я о своем. У нас слишком мало точек пересечения. Ответь, что ты думаешь о следующем:

«Тень никогда не воюет. Она только охотится. У Тени всегда есть хозяин. Если Тень побеждает, завоеванное достается хозяину. Если Тень погибает, в таком случае, тот, кто убил Тень, занимает ее место. Жертва всегда обладает тем, чего в мире мало, какими-то особенными энергиями. Тень есть у каждого, но мало кто знает об этом. Кирилл».

«Тень тени рознь

И одна тень отличается от другой, точно так же как люди отличаются друг от друга

Даже больше

Твое утверждение верно для определенной стадии развития тени

Тень охотника охотится

Тень игрока играет

Тень воина воюет

И в этих случаях завоевания достаются хозяину

А имевший глупость и неразумение бороться с тенью, да к тому же убить ее (нонсенс) сам становится тенью

Тень обычного жвачного (каких людей большинство) не осознает себя тенью, она совершенно бесполезна, ничего не может дать и ничего не имеет

Тень обладающего силой сильна и часто охотится за «ЭНОВО»

Ты не банален

Ты мудр
И ты, наверное, действительно из другой сказки,
из очень мудрой
Только зачем ты играешь в эту игру «Кто баналь-
нее, обычнее и идиотичнее?»
Банальный и обычный никогда бы не стал мне от-
вечать и со мной разговаривать
Я сбросила все маски
А ты пытаешься ими прикрываться
Зачем?
Я предельно откровенна с тобой
А ты мне не веришь
ЕЕ сила огромна
Просто сейчас ОНА, почему-то, ею практически не
пользуется, хотя все равно сила защищает ЕЕ
И я чувствую, что постоянно нахожусь под прице-
лом этой силы
Но ОНА до последнего момента будет ее удержи-
вать
Поскольку после осознания своих убийств ОНА рас-
каялась и дала обет не применять силу
Очень глупо
Но ОНА ей непременно воспользуется, если опас-
ность будет велика
Я ничего не могу с НЕЙ сделать, кроме различных
уколов, которые сказываются на ходе ЕЕ жизни,
но принципиально ни на что не влияют, возможно,
создают некоторые проблемы, может, крупные про-
блемы, но не продвигают меня к цели, лишь мешают
ЕЙ жить
Я не могу воздействовать на ЕЕ тело — у НEE
сильная воля, и тело находится во власти воли
Воздействовать можно только психически
У НEE слабая психика
Но к психической атаке ОНА уже готова

Прошло время, когда можно было заставить ЕЕ
врасплох

ОНА мгновенно реагирует

И кроме того, я сказала тебе, что уже НЕ ХОЧУ
ЕЕ — устала хотеть, я потеряла свою суть в этом
хотении, я истощилась и практически превратилась
в НИЧТО с навязчивыми и маниакальными идеями, ме-
ня почти нет, есть одержимость ЕЮ

Спассти меня может только ЕЕ смерть и ЕЕ «ЭНО-
ВО»

Только так я смогу вновь обрести себя и реаль-
ность

Только так я смогу освободиться от НЕЕ

Я ХОЧУ ЕЕ «ЭНОВО»

И я очень рассчитываю на твою поддержку

Так ЕЙ будет больнее, мне сладостнее, а тебе ин-
тереснее

Что ты думаешь?

Может, у тебя есть свои идеи?

И не забывай о нашей работе, о нашей возможной
работе по подготовке убийства

И осуществления

И даже не убийства, а ритуала

Это ведь будет ритуал

Ритуал избавления

Я жду ответа

Тень».

«Доброго дня, Тень.

Похоже, у тебя один выход. Я думаю, ты сама это
понимаешь. Ее смерть не поменяет ничего. Ты бу-
дешь стремиться к тому, что было. Страдать
и мучиться, но вариантов уже не будет. Обнимаю,
Кирилл».

«Ты намекаешь на то, что я должна себя убить?

Нет

Я готова умереть, но только от ЕЕ руки и только в борьбе

Почему ты считаешь, что ЕЕ смерть ничего не изменит?

Я освобожусь

Я обрету свободу

И к тому же с ЕЕ «ЭНОВО», я стану во много раз сильнее

И ОНА будет жить во мне

Мы всегда будем вместе

ЕЕ «ЭНОВО» хватит и на тебя

«ЭНОВО» вмещается всеми участниками ритуала

ОНА будет всегда в нас

А мы с тобой будем вместе

Я очень хочу сблизиться с тобой

ЕЕ смерть свяжет нас нитями, которые невозможно разорвать

Я всегда подозревала, что ты ведешь свою игру

Нас трое, и у каждого своя игра

Это еще интереснее, но я очень устала и хочу развязки

А развязка наступит только тогда, когда тройная игра перейдет в двойную

Две стороны объединятся

Какие две?

Тень».

«Доброго дня, Тень. Вы мне приятны и интересны оба. Мне приятна и интересна ваша бессмысленная война. Я понимаю, что ты устала. Но таким образом ты не обрешь свободу. Ты получишь фантик. Но в этой красивой обертке нет конфеты. Увы, это не выход. Это вход, туда, откуда очень сложно выйти. Возможно, нам стоит попить чаю или кофе. Я знаю, твое влияние на людей велико. Возможно, и я попаду в течение, со-

зданное тобой и все решиться само собой. Возможно, нет.

Вы очень похожи. И должны найти общий язык. Кирилл».

Рискованно, конечно. Я добивался встречи с Давидом-Тенью. Намеревался слушать и вникать. Сдаться и войти в самую середину его-ее идеи... Стать ею, быть ею. А потом попробовать изменить ее. Хоть немного. Возможно, этого будет достаточно. Если смогу проснуться внутри. Я был совершенно не уверен, что получится. Но надо было как-то развязывать этот узел, который все крепче стягивал нас троих. И как минимум одного мог и задушить. Тянуть время, как показал опыт, смысла больше не было никакого. А так, вполне возможно, что получится. Главное — расслабиться и не сопротивляться, дать возможность идеям Давида-Тени полностью захватить меня.

«Мы похожи, т.к. произошли от одного начала

Но мы есть отрицание друг друга

ЕЙ не быть без

Мне не быть с

Значит, мне быть без

А ЕЙ не быть

Или?

Кофе попить?

Хорошая мысль

Только я кофе не пью

Лучше чаю или матэ

Или покурим каннабис?

Только, если ты помнишь, у меня нет тела

Но я подумаю, как решить эту проблему

Тень».

Гениально, конечно... Только другое. Как проектировать комнату — есть тело, есть заказчик. Как встретиться кофе попить — тела нет, и баста. Лови руками

воздух. Да, моя мысль отравить идею изнутри оказалась несостоятельной. Почему? Почему он боится встретиться? Возможно, кто-то стоит за ним? Группа магов, цель которых Кира? В таком случае снимаю шляпу, очень замысловатая у них реализация планов. Хотя по тону больше похоже на гениального психа — одиночку. Интересно, что тон письма сумасшедше-бодрый, а предыдущего сумасшедше-безнадежный. К чему бы это? Надо ждать нового поворота. Ну а пока, единственное, что остается, снова тянуть время и быть начеку. Хотя... Наверное, пора сделать не-большой и аккуратный шаг... ногами.

«Доброго дня, Тень.

Невозможно поймать то, что у нее внутри. Конфета существует с фантиком. При разорванном фантике конфета тут же испортится, и ты ничего ценного не получишь. То, что ты задумала, — в корне неправильно — по физике процесса. Кирилл».

Утром я, как обычно, заехал на тренировку, потом в офис. И уже из офиса позвонил Кире и отправил ее в спортклуб с наставлениями, что делать на тренировке. Ребята забрали машину и выехали на объект, а я на метро поехал к Кире. При выходе на улицу одел бейсболку, дабы не притягивать взгляды к своему бритому черепу, решив, что это вполне изменит мою внешность. Дворами неспешно пошел к спортклубу. Метров за сто на другой стороне улицы оказался супермаркет. Я прошел за первые стеклянные двери и стал ждать. Ждал я долго. Через час не выдержала охрана супермаркета. Подошли и спросили, что я здесь делаю. Ответил, что их это не касается. Если я им не нравлюсь, могут вызвать милицию. Отстали. Все это время я старался подавить внутри любые движения, я должен был стать максимально чувствитель-

ным. Видно было не очень хорошо. Просматривались только ворота на территорию спортклуба, вход же в само здание, которое было немного в глубине, скрывал ажурный забор.

Вышла Кира... Одна. И направилась в моем направлении, по противоположной стороне улицы. Но... Вот ее догнал мужчина, забрал у нее рюкзак, и они медленно пошли дальше. Мое сердце, кажется, вспомнило все допинги, которые я принял за время занятия спортом. Бум, бум, бум, я и не думал, что могу так волноваться. С территории спортклуба тихо выехала большая, черная «Ауди» и поползла черепашьим шагом вслед Кире. Я выключил внутренний диалог и смотрел на Давида, не отрываясь. Он и Кира премило разговаривали, прошли мимо магазина, в котором я скрывался, и исчезли за поворотом. Давид был в черных джинсах, черных кроссовках и черной футболке. «Черный человек, черный, черный». Одежда подчеркивала спортивные пропорции тела. Движения были уверенные, но несколько порывистые. Голова бритая, как у меня.

Я прошел за турникеты зала самообслуживания, чем привел в боевую готовность настороженно скучавших охранников. Выбрал маленькую бутылку питьевой воды, расплатился. Дворами вернулся к метро и поехал в офис. Я увозил с собой впечатление. Постепенно оно уляжется, и надеюсь, я смогу сделать выводы.

«Это не уйдет

Это и есть часть «ЭНОВО»

Я просил тебя рассказать о том, какая она с тобой

Ты проигнорировал

Ну, тогда я начну

ОНА бешенная и сумасшедшая

Любит сногшибательный секс, немного агрессивный, с элементами насилия

В то же время романтичный

Любит смотреть в глаза и разговаривать во время секса

Любит целовать лицо и тело

ОНА громко кричит и даже плачет

Безумно эмоциональна

Любит, чтобы долго

Никогда не устает

Правда, когда ЕЕ охватывают настоящие чувства, тормозит, и ждет инициативы от партнера

В отношениях очень требовательна к партнеру, эгоистична, неуравновешенна, иногда жестока

Любит мужчин с лоском, но слегка небрежных

Чтобы рубашка (непрерменно хорошая) на выпуск с растянутыми манжетами

Джинсы потертые, но дорогие

Обувь спортивная, но не кроссовки

Мутный взгляд

Надменный рот

Волосы очень короткие (или вообще без волос) или длинные (по плечи и ниже)

Любит пить вино, сидя на полу, и целоваться

Любит пить коньяк, сидя на полу, и целоваться

Любит курить канабис, сидя на полу, и целоваться

Любит и чего потяжелее, там же и так же и далее в разгон

Теперь твоя очередь

В какую игру ОНА играет с тобой?

Только не уходи от ответа

Пожалуйста

И помни, что я все-таки жду твоего решения

Нужно определяться с дальнейшими действиями
Тень
P.S. Я люблю тебя»
«Тебя что-то смутило?
Слишком откровенно?
Но ведь я только тень
Помни это
Да и рассказала я ничтожно мало из того, что
могла бы рассказать
Я могу продолжить
Хотелось бы, конечно, чтобы у нас был диалог
А так...
Я очень опечалилась твоим молчанием
Или безмолвием?
В любом случае, моя печаль выливается в отчаяние,
а отчаяние переходит в ярость, направленную на НЕЕ
Я не могу на тебя сердиться, я люблю тебя
А вот ЕЕ кошмар начнется с завтрашнего утра
Или с послезавтрашнего, я еще не решила
Я тут за несколько дней значительно окрепла
и набралась сил
И появились новые мысли
Я, к сожалению, не могу приступить к активным
действиям, не дождавшись твоего решения
Но я могу насладиться ЕЕ кошмаром
Чтобы как-то развеять свою печаль и скрасить
ожидание твоего ответа
Я подумаю, что еще тебе такого рассказать ин-
тересного, но не столь тебя смущающего
Longing for your answer
Тень».

Вот так! В прошлую встречу мы с Кирой решили,
что она будет заниматься со мной английским. И вот
уже реплика на английском. Дает мне понять, что он
в курсе.

Я позвонил Кире.

— Доброго вечера, красавица. Давид английский знает?

— Да, знает, и очень хорошо. А что?

— И здесь он меня опередил. И английский он знает, и богатый, и в шахматы играет, и спички двигает, и мысли читает. Молодец. Вот если бы он при всем этом еще и с ума не сошел по тебе... Ну да ладно, вернемся в «здесь» и «сейчас». Ты сегодня вечером одна, или кто-то будет с тобой?

— Одна. Апрель еще не вернулся. Олег тоже не объявляется.

— Пожалуйста, Кирочка, сделай все, что я скажу. Прямо сейчас пойди и купи еще одну sim-карту. Со мной разговаривать — только с нового номера. Больше никому по нему не звонить. Все окна зашторить. Вечером свет не включать. На домашний телефон не отвечать, только на сотовый. Дверь никому не открывать, совсем никому, на вызовы по домофону не отзываться.

— А что случилось?

— Пока ничего не случилось, и если мы будем делать все правильно, надеюсь, не случится. Я тебе сейчас не могу всего рассказать, да, в общем, я всего и не знаю. И еще, самой ничего не предпринимать. Никого не трогать и не атаковать. Копить силу и нервную энергию. При первых подозрительных движениях в окружающей среде звонить мне. Приказ понятен?

— Так точно, командир.

Условия игры, предложенные Тенью в переписке, были мало приемлемы для меня. Описывать, какая Кира в сексе, не хотелось. Тут явно было что-то не то. Впрочем, уже стало совсем очевидно, мира не будет.

Внутри меня медленно, как бы выступая из мглы, приобретала формы информация, полученная в мага-

зине около Кириного спортклуба. Я понимал, что это только ассоциация с тем, что есть на самом деле, притча, намекающая на действительность. Была она похожа на большое перистое облако. Цветом от белого до темно-фиолетового, с дырами, как в швейцарском сыре, и торчащими из него частями не связанных между собой памятников. Огромных, старых памятников. Вот выглядывает чья-то нога с отбитым большим пальцем, филигранно выточенная из светлого мрамора. Вот гранитный затылок лысеющего мужчины с треснувшей верхушкой уха. Ниже рука из неизвестного, красноватого с прожилками камня, застывшая в усилии дотянуться до чего-то внешнего. Облако содрогается от трения и ударов каменных глыб внутри. Я не совсем понимал, что означают образы, рожденные встречей, но очевидно, договориться со всеми многочисленными памятниками внутри Давида шансов нет. Внутри у него слишком большое количество несогласованных сил.

«Извини, Кирилл

*Даже не могу представить, что я сказала такого,
чтобы ты так изменил свое отношение ко мне*

Я чувствую, чего ты хочешь

Даже и не думай

ОНА упустила момент

Я сейчас достаточно сильна и наготове

ЕЕ же сегодняшний день опустошил полностью

Знаешь, она борется самоотверженно

Снимаю шляпу

Я всегда говорила, что ОНА гениальна

Но ОНА очень непрактична

Ну да ладно

Это все уже не имеет значения

Ты принял не ту сторону

Чего ты хочешь?

Ты отказываешься от ЕЕ «ЭНОВО»?
Нет ничего более привлекательного, чем ЕЕ «ЭНОВО», может быть, только ОНА сама
Так чего же ты хочешь?
ЕЕ «ЭНОВО» — это сила, власть, богатство, если хочешь
Судя по всему, ты уже увяз в НЕЙ по самые уши
Поздравляю
Впрочем, по-другому и быть не могло
Но пойми, это не важно
Важно то, что когда ОНА тебя кинет, ты не сможешь от НЕЕ освободиться
ЕЕ образ будет преследовать тебя везде и всегда
И ты будешь медленно сходить с ума
Или быстро
Только ЕЕ смерть освободит нас
Я говорил тебе это уже много раз
Но ты почему-то не хочешь меня понять
Ты нравишься мне очень
Я досконально изучила твою жизнь, твою работу, пристрастия, привычки (которых ты стараешься не иметь, мне докладывали, что ты даже домой едешь разными дорогами, однако это тоже, кстати, привычка, человек не может, к сожалению, без них обойтись, сам с ними борюсь)
Ты необычен и интересен
Из нас получилась бы неплохая пара
Трио, если учесть, что ОНА будет жить в нас и связывать нас своей смертью и своим «ЭНОВО»
Знаешь, кого с древности именовали чудовищем?
Того, кто кажется одним, а представляет из себя совсем другое
Ты не можешь не видеть, насколько отличаются у НЕЕ форма и содержание

ОНА может вещать о запредельных, безумно сложных вещах, вместить которые тебе не хватит и трех жизней, может выходить из тела, при этом вести себя, как глупый капризный ребенок, ОНА может убить, даже не почувствовав это

Помнишь, я говорила тебе о ЕЕ убийствах

ОНА никогда не согласится, что это ЕЕ рук дело, поскольку нет прямых доказательств, к тому же люди умирают от болезней или несчастных случаев

Это чудовищно

Кто знает, что еще скрывается в этих глубинах?

Подумай

А мне предстоит великая ночь

Ответь мне

Тень».

Глава 7

Нить звенящая,
Нить, натянутая между.
Нить, соединяющая своей протяженностью,
Нить, разъединяющая своим натяжением,
Своим напряжением
И существованием «в».
Береги нить «между».
Порви нить в себе.
Что за нить между нами?
Взгляд из-за...
Или в...
Или в бок?

Обычно Кира спала голой. Даже зимой. Ну а летом — тем более. Она разбрасывала руки и ноги во все стороны, перекатываясь с одной стороны огромной кровати на другую и сбрасывая на пол подушки и одеяла. Одежда душила ее, сковывала и мешала уснуть. Однако после одного события Кире пришлось какое-то время спать в пижаме. А случилось вот что. Провалившись глубоко за полночь в крайне беспокойный сон, очнувшись она на лестничной клетке в попытке открыть железную дверь, стоя босиком на холодном кафеле в чем мать родила, дрожа от холода и непонимания, как она там очутилась. Придя в сознание, она продолжала пытаться открыть тяжелую дверь, совершенно не представляя, зачем она это делает. Казалось, в голове одновременно взорвались и разлетелись, воткнувшись в растерянное сознание острыми тончайшими иголками миллионы чуждых мыслей, образов и желаний.

Вернувшись, дрожа от страха и холода, Кира хотела сразу позвонить Кириллу, но, взяв себя в руки и досчитав до одиннадцати, решила не поддаваться охватившему ее порыву. «Пусть спит», — подумала она и... Одеда пижаму.

Кира вошла на кухню, медленно выпила стакан воды, села за стол и отпустила себя. Мысленный поток вырвался из ее сознания неудержимым водоворотом. Все мысли, чувства, оценки, впечатления, желания и намерения покидали ее, вымываясь из самых далеких и труднодоступных уголков. Она выдохнула себя, вдохнув в себя пустоту, превратившись в невесомую, бесплотную, индифферентную и безликую субстанцию и... Подставила себя удару. Удар прошел — сильный, черный, вязкий, непонимающий, ищущий сопротивления, которого не было. Не в состоянии зацепиться ни за что, ни за какую затерявшуюся мысль или образ, он стремительным удивленным вихрем прошел сквозь, на мгновение повис, озираясь в поиске, и рассеялся в пространстве.

Несколько дней и ночей прошли спокойно. Но постепенно влияние стало проявляться с новой силой. Простые упражнения уже не помогали. Как-то ночью, не в силах справиться с собой, она вышла на улицу, где ее поджидал Давид. Спасло чудо. В момент, когда безвольная Кира выходила из подъезда, к дому подходил ее сосед по лестничной площадке, так что Кира попала прямо к нему в руки.

— Ты куда это в таком виде? — ловя ее за плечи, ошарашенно спросил он. — Босиком и в пижаме. Ты что это? Ну-ка, пошли домой. — Он развернул ее, толкая обратно в подъезд. — Случилось что-нибудь?

— Нет, все в порядке, — оглядываясь и всматриваясь в темноту, немного придя в себя, пролепетала Кира. — Подышать вышла...

— Пойдем-пойдем, утром подышишь. Тебе это... К врачу надо. Лунатизм — опасная штука, — сосед слабо улыбнулся, пытаясь, вероятно, взбодрить совсем растерявшуюся соседку.

Следующую ночь она не спала. Как только сон начинал окутывать ее своим мягким и тяжелым покрывалом, тело устремлялось к входной двери. Кира процесс контролировала, и утро встретила совершенно измотанной, но зато дома, за чашкой кофе. Впрочем, кофе она пила всю ночь.

Кирилл приехал часа в три пополудни и забрал Киру к себе. Он был расстроен и раздражен, похоже, не только из-за случившегося с Кирой, но и еще по какой-то пока неизвестной Кире причине. У него явно были свои счеты с Давидом. Так или иначе, принятое им решение было однозначным и не предполагающим никакого обсуждения.

— Хватит, — констатировал он. — Он перешел грань. Я убью его. Иначе он убьет тебя.

— Ты очень уверенно говоришь о таких вещах...

— Я знаю, что говорю, и полностью отдаю себе отчет.

— Значит ты знаешь больше меня...

— Да. Но я не думаю, что тебе нужно знать то, что знаю я.

— Хорошо. Но я сама. Сама сделаю это.

— Что ж, пусть так. Я в полном твоём распоряжении.

Кира не хотела убивать Давида. Несмотря ни на что, в душе она находила ему всевозможные оправдания. Ей хотелось просто лишиться его силы, и сделать так, чтобы он забыл о своих намерениях, а если получится, то и о ней. Но не получилось. Он умер. Она это

почувствовала после того, как забрав у Кирилла энергию, направила на Давида мощный поток вибраций иной, доселе никак себя не проявляющей себя реальности, реальности, в которой Давида не было. И его не стало.

— Все, — грустно сказала она Кириллу. — Он даже не сопротивлялся. По-моему, он ничего не понял.

— Тем лучше, — ответил Кирилл.

И леденящее оцепенение сковало их души. У них теперь была одна душа на двоих. Одна темная душа. Они купили бутылку красного сухого вина и молча распили ее на скамейке в парке. Каждый думал о своем. Впрочем, своего у них уже ничего не осталось. Осталось общее. Боль, тайна, печаль и то, что впереди.

С самого утра я побегал в парке, погода была замечательная. Как только я вернулся домой, зазвонил мобильный.

— Кирюша, доброе утро. Я тебя не разбудила?

— Меня невозможно разбудить, ибо я никогда не сплю. Я всегда в сознании и всегда рад слышать твой голос. Излагай. Сама почему не спишь в такую рань? Только девять. Для тебя это еще глубокая ночь...

— У него получилось, это он. Он научился управлять моим телом. Он заставил меня ночью выйти из квартиры и спуститься вниз. Это просто чудо, что меня внизу, уже на улице, перехватил сосед.

— Ничего себе. Откуда ты знаешь, что это Давид?

— Когда я очнулась на улице, представляешь, я была босиком и в пижаме, а он шел, улыбаясь ко мне, и нес куртку. Ты сможешь меня забрать сегодня? Я боюсь.

— Та-ак. Сейчас у тебя все нормально?

— Да, более-менее. Только я боюсь спать.

— Ты звонишь мне с новой sim-ки?

— Да, как ты велел.

— Молодец. Значит так. Я сейчас кладу трубку и буду думать, что делать. Ты — ничего не предпринимаешь, пьешь чай, смотришь телевизор, из дома не выходишь, ждешь моих распоряжений. Чуть что — звонишь мне. Все, будь молодцом, до связи. Я скоро перезвоню. Я тебя люблю, и я с тобой.

Я встал с кровати, пошел на кухню. Включил чайник для кофе. Достал из холодильника бутылку «Байкала», налил и запил две таблетки витаминов. Включил компьютер, залил кипятком молотый кофе. Сел в кресло около компьютера с чашкой в руке. Письма от Тени не было. Первая утренняя чашка кофе казалась очень вкусной. Аромат кофе как-то странно сочетался с ощущением ужаса от содеянного мной. Ведь это я подсказал Давиду, как необходимо действовать, чтобы управлять телом другого человека. Всего одно или два предложения, написанные с благими намерениями, обернулись смертельным оружием в безумных руках. Оружием обоюдоострым. Я и не предполагал, что у него получится. Что у него для этого достаточно силы... Как жаль, какой необдуманый шаг... Поздно жалеть о содеянном. Внутренняя боль прогнала мысли. Я просто сидел и просто смотрел на кофе, переживая боль...

Ладно, забыли все, что случилось. Ситуация такая, какая есть сейчас, а не такая, как была когда-то. Попав в трудное положение, я всегда ставил себе в пример шахматный компьютер, который ищет лучшие ходы вне зависимости от того, насколько плохи его дела на доске. Все, что необходимо, это всегда стараться делать свои лучшие ходы. Вот об этом и будем заботиться, а остальное — прочь.

Как быть дальше? Настал или нет тот предел, за которым все будет по-другому? За которым нужно действовать совсем иначе. До этой поры я, вернее, мы

с Кирой только защищались. Ну да, Кира как-то сделала один выпад в порыве гнева, но по-настоящему мы не нападали. Я всячески старался не навредить Давиду, даже его воздействия на мою лысую голову только отражал. Но теперь Тень-Давид перешел черту, за которой нам уже невозможно только обороняться. Или еще не перешел?

Радостно зазвонил городской телефон. Давид, я не сомневался. Пospал бы немного. Я потянулся за трубкой, может, хоть раз поговорим.

— Алло. Я вас слушаю, говорите. — В трубке молчали. — Вас не слышно, перезвоните.

Телефон продолжал звонить, но я больше не реагировал. Вернулся в комнату, лег на диван. Посмотрел во внутреннее пространство, Давид, как всегда, еле-еле мерцал в вечности. Сегодня в нем чувствовалась радостная ожесточенность, новая колющая острота или, возможно, это была агрессивность. Чувствовалось, что он занят некой идеей. Дотянувшись до мобильного, набрал номер Киры.

— У меня сегодня неотложные дела, поэтому ты пока дома, и никуда не выходишь. Можешь поспать. Телефон с новым номером держи все время при себе. Как только у меня начнет проясняться с окончанием работы, я позвоню.

— Мне точно можно поспать? Я боюсь.

— Сейчас можно. Ему тоже нужно поспать-отдохнуть. Формально можно считать, что вы будете спать вместе.

— Но ты точно приедешь сегодня? — Кире, видно, было не до шуток.

— Пока точно не знаю, буду стараться.

Принял душ, побрился и стал одеваться. Я собирался ехать за Кирой. Но не хотел дать возможности Тени-Давиду прочитать ее мысли, или еще проще прослушать наш разговор. Пускай даже Кира говорит по но-

вому номеру, не было никакой гарантии, что не прослушивается мой телефон, моя или Кирина квартира. Я и сам старался не думать о том, куда я направляюсь.

Не доехав несколько километров, припарковал машину в кустах и позвонил Кире.

— Привет, это Кирилл. Быстро одеваешься и спускаешься вниз. Не выходишь из подъезда до моего звонка. Когда я позвоню, выбегаешь и прыгаешь в открытую дверь автомобиля. Вопросы есть?

— Это когда? Ты сейчас за мной приехал? Уже? Сколько у меня времени? — Кира была сбита с толку.

— Нисколько. Я буду у тебя спустя несколько минут. Быстро, потом поговорим.

Поймал частника. Подъезжая к дому Киры, позвонил.

— Выбегай и прыгай в синюю девятку, я буду в ней.

Через час мы уже были у меня дома. Кира, казалось, успокоилась. Провели приятный вечер, слушая музыку и болтая обо всем. Кира отключила мобильный, а я городской. Выдернул провод из телефонной розетки — Кире нужно отдохнуть. Перед сном, пока моя красавица была в ванной, запер входную дверь на дополнительный замок, а ключ спрятал.

Ни я, ни Кира не любим спать в обнимку, и хоть мы спим в одной постели, у каждого — свое одеяло. Ночью я проснулся из-за тихого скрежета, доносившегося откуда-то из коридора. Осторожно протянул руку в сторону Киры — никого. Одним движением я вскочил и оказался в коридоре. Свет уличных фонарей, проникая через окно кухни, освещал голую спину. Кира стояла как-то неестественно прогнувшись, и методично нажимала и дергала все ручки металлической двери, ее лицо было лишено любого выражения. Я приблизился, включил свет и обнял ее. Она с недоумением посмотрела на свои руки, на дверь,

на стены коридора, на меня и расплакалась в моих объятиях.

— Я так больше не могу. Я устала.

— Больше нет повода для страха или беспокойства. Он тебя потерял. Он думает, что ты у себя дома. Сейчас я с тобой, и я все решил.

Уснула Кира у меня на груди.

Утром я был тверд, маневры закончились, Давида нужно убить сегодня. Кира несколько удивилась моей категоричности, но, видя, что ее доводы на меня не действуют, сказала, что сделает это сама. Я же попросил взять у меня всю необходимую для выполнения задуманного энергию.

Я наблюдал, что делает Кира, а внутренним взором смотрел на Давида. Лопнула струна с нотой ми. В пространстве вечности расхотелся одинокий круг.

Вышли пройтись в парк. Было тепло и ветрено. Сидели на скамейке, и пили красное вино. Когда вернулись домой, я включил городской телефон. Он молчал.

На следующий день, в понедельник, чувствовал себя нехорошо. Скоро восстановлюсь, потерплю пока — решил я. Разговаривая с Кирой по телефону, старался не показывать, насколько мне тяжело. Я говорил, что чувствую себя неважно, но не объяснял, насколько. Главное, я считал, нужно показать, что убить Давида — только мое решение, абсолютно твердое и не вызывающее у меня никаких сомнений. Как, собственно, и было на самом деле. С трудом передвигаясь по офису, брался я за дела и даже делал их. Сил не было. Любые, даже простые движения давались через стиснутые зубы и холодную испарину. Плюс к этому меня тошнило, казалось, я только что слишком плотно поел. Посчитав, что у меня пищевое отравление, принял несколько таблеток от несварения. Тщетно. В таком состоянии я прожил несколько

дней. В среду вечером почувствовал внутри что-то новое. Сердце билось учащенно, дыхание перехватывало. Лег на диван, пытаюсь разобраться. Сначала через туман, потом яснее чувствовал кого-то, очень близкого, кто волнуется, приближаясь к моей квартире. Это моя, но не та квартира, в которой я нахожусь. Это дом Давида. Перенес внимание с чувствований на чувствующего. Это Данил! Я чувствую Данила — брата Давида.

Открыв глаза, я позвонил Кире.

— Доброго вечера, Кирюша. Данил в Москве.

— Да? Он тебе звонил?

— Я его чувствую. Похоже, энергия Давида вошла в меня, может и не энергия... Что там в нем было? В общем, оно, судя по всему, во мне. Не понимаю почему. — Я все еще не полностью поверил в такой поворот событий.

— Я же тебе говорила. Поэтому тебя и тошнило. Странно, почему все досталось тебе. Было бы логичнее, если бы это пришло ко мне... Сила Давида, должна была рассеяться в пространстве или частично прилипнуть ко мне, а вместо этого притянулась тобой. Странно.

— Завидуешь, рыжая?

— Да уж было бы чему... — она засмеялась.

— Я ведь ничего не делал. И что теперь?

— Не знаю, посмотрим. Пока ты жив и осознаешь себя, а не превратился... неизвестно во что. Извини.

Она веселилась очень опрометчиво. Несколько дней я наблюдал за изменениями внутри себя. Неоднозначно. Я приобрел некоторые потенциальные возможности Давида, часть его энергетики и взаимосвязей с окружающим миром. Это похоже на найденную записную книжку: многие записи неразборчивы, адреса и телефоны есть, можно звонить, но, позвонив, — не понимаешь, куда попал.

Глава 8

Через четыре дня позвонил Данил.

— Давид умер. — Раздалось в трубке и тяжело отозвалось в Кире. — Вчера привезли урну, послезавтра похороны. Я не прошу тебя прилететь, потому что не хочу тебя сейчас видеть. Возможно, тебе будут интересны результаты вскрытия... Обширный инсульт...

Кира молчала.

— Я чувствовал, как он умирал. Мы ведь близнецы. Когда все было кончено, я знал точно... Я сам чуть не умер... Все шло к этому. Я говорил ему, но он не слушал. Он был одержим. Тобой.

Кира молчала.

— Это не означает того, что я тебя оправдываю, а его не понимаю.

Но мы посвященные, и живем по своим законам... После похорон я пойду в горы и не вернусь, пока не пойму того, что происходит... Я чувствую, что это еще не все. Почему ты молчишь?

— А разве ты меня о чем-нибудь спрашиваешь?

— В общем, нет. Я не такой продвинутый, как ты, и для меня жизнь — это жизнь, а смерть — это смерть, а не наоборот. Я безумно опечален. Такое впечатление, что от меня отрезали кусок.

— Мне очень жаль.

— Нет, тебе не жаль. Но это не имеет значения. Я люблю его, несмотря на то, что его здесь уже нет, и я люблю тебя, хоть ты и падший бог.

— Падших богов не бывает. Если бог пал, то он уже не бог.

— Жить, как живут люди, у тебя не очень-то получается.

— Ничего, я справлюсь.

— Если не будешь переигрывать.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь...

Данил молчал. Кира подождала немного и сказала:

— В любом случае прими мои соболезнования.

И мне действительно очень жаль.

Ей было жаль. Очень. На глаза наворачивались слезы, начинал болеть затылок.

— Это было бы хорошо. В первую очередь для тебя. Где то, что от него осталось?

— О чем это ты?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем.

— Нет, я не понимаю.

— Оно в тебе?

— Что?

— Перестань. Давид был посвященным и обладал Силой.

— ???

— Ладно. Мы еще к этому вернемся. Я позвоню позже. Мне очень тяжело сейчас. Надеюсь, ты меня понимаешь.

— Надеюсь, что да.

То, что искал Данил, если оно, конечно, существовало, было теперь в Кирилле. Кирилл действительно оказался пустотой, но пустотой активной, засасывающей с огромной силой. Давид умер так быстро и легко только благодаря Кириллу. Кирилл вместил все, и теперь чувствовал себя, как объевшийся удав, не в силах сразу переварить все, что оказалось в нем. Он страдал он этих новых ощущений, не понимания, что с ним.

Кира молчала. Она знала, что пройдет время, и все перемарится, а Кирилл станет сильнее, прочнее и жестче, может, правда, несчастнее, но за его счастье теперь отвечала она — он будет счастлив, она все для этого сделает, возможное и невозможное.

Тем временем Кирилл в очередной раз критически обведя Киру глазами с головы до ног, опять завел разговор о своей подруге — тренере по фитнесу, о том, что хорошо бы к ней все-таки заехать, чтобы она написала программу тренировок.

На этот раз Кира даже и вскипать не стала. Промолчала. Но в спортклубе подошла к администратору и попросила определить ее к хорошему тренеру. Тренер нашелся. Прямо как на обложке глянцевого журнала — томный взгляд, прокаченный торс, пресс кубиками... Слишком уж хорош. Посмотрела Кира на него и... Отказалась от его услуг, что-то ее спугнуло. Кира сама не могла понять, что. Возможно, ей не понравилась реакция Кирилла на ее рассказы об этом тренере, возможно, в самом тренере было что-то не так... Кира сделала это интуитивно, без объяснений. Но когда администратор клуба уже сама подошла к Кире и сообщила, что Киру будут тренировать бесплатно, а по мере тренировочного процесса делать фотографии, что Кира фотогенична и очень подходит для рекламы их клуба, она согласилась. Самолюбие ее не смогло выдержать подобного искушения и Кира, как обычная среднестатистическая девушка, попав в волну комплиментов, не устояла. Кирилл к сообщению Киры отнесся настороженно и холодно, но противопоставить ему было нечего, поскольку он сам инициировал эту ситуацию.

Кира начала тренироваться теперь уже не по каждодневному плану Кирилла, а согласно рекомендациям тренера с глянцевого обложки. После тренировки,

она, как и раньше, шла в бассейн и плавала там обычно одна, поскольку посещала клуб в очень непопулярное время, в самой середине рабочего дня.

На этот раз в бассейне она была не одна. С ней плывал симпатичный во всех отношениях, как сначала показалось Кире, дяденька, но когда она присмотрелась, то увидела, что у этого дяденьки отсутствует левая рука по локоть и правая нога по колено. Кира внутренне передернулась, быстро отвела глаза и уплыла на другой конец бассейна, стараясь плавать подальше, а потом и вовсе покинула бассейн. Ей стало как-то не по себе. Но не тут-то было. Дяденька вслед за Кириной очень проворно, насколько, конечно, имеет смысл говорить о проворности в подобной ситуации, вылез из бассейна, приладил протезы и подошел к Кире.

— Вам неприятно плавать вместе с инвалидом? — спросил он просто и совершенно не смущаясь.

Засмуцалась Кира:

— Нет, что вы, мне просто пора идти.

— Правда? — он, хитро улыбаясь, заглянул в Кирины глаза, отчего ей сделалось не по себе еще больше. — Обычно вы плаваете гораздо дольше.

— А вы за мной следите?

— Я бы сказал — наблюдаю. Так точнее. Все мы рискуем здесь, в этой жизни. Никто не застрахован, и каждый может лишиться всего, даже самого дорогого. А мне повезло — всего лишь рука... И нога. — Он засмеялся. — Так что я бы не советовал пренебрегать и прятать глаза.

— А я и не прячу, — Кира вызывающе посмотрела на него, скользнув взглядом по протезам. — Инвалид вы или нет, это не имеет значения. И я ухожу, потому что мне надо идти, — Кира продолжала врать.

— Ну, извините... Меня Максимом зовут. А вас?

— Я Кира.

— До свидания, Кира.

— Пока, Максим.

Кира напрямик направилась под душ и тут же смысла с себя чешую состоявшегося разговора. «Надеюсь, мы больше не встретимся», — подумала она. Но ее надеждам не суждено было сбыться. Она теперь встречалась с Максимом с удивительным постоянством. Они вместе пили сок за столиком прямо у бассейна, кофе в маленьком лобби-баре, подолгу разговаривали. Он не казался ей уже таким страшным — в одежде он совсем уже не представлялся инвалидом. Даже наоборот — обаятельный, интересный, слегка загадочный, в меру закрытый и открытый тоже в меру. Вопросов не задавал, в душу не лез, шутил. Можно сказать, что они подружились. Причем и в бассейне Киру уже не пугал его укороченный вид. Она даже стала задумываться, как он занимается со своими девушками сексом — в том, что он им занимается, не было никаких сомнений. Максим был очень обаятельным, глубоким, а главное, совершенно здоровым, если не считать недостающих конечностей. Каким образом он их лишился, Кира пока не знала — он не говорил, она не спрашивала. Кириллу о новом знакомом рассказала. Кирилл произнес какие-то хвалебно уважительные слова в адрес Максима, что само по себе ничего не значило — Кирилл никогда плохо не отзывался о Кириных друзьях, даже если она сама критиковала и была кем-то недовольна.

Тренер с глянцевой обложки по имени Валерий занялся Кирой вплотную, причем это касалось не только тренировок. Он несколько раз провожал Киру до дома, приглашал на ужин, в театр, на вечеринку к друзьям. В отличие от Максима, много расспрашивал о том о сем, пытаясь врачевать не только тело, но и душу. Кира сначала поддавалась, потом насторожилась. Не найдя

подвоха, расслабилась и успокоилась, уверовав в свою женскую неподражаемость и обаяние. Максим все видел и часто подтрунивал над Кирой.

— Такой шикарный мужчина за тобой ухаживает, красавец, спортсмен... Только что не комсомолец, — говорил он. — А ты так к нему сурова, так строга и неласкова. Сходила бы ты, что ли, с ним куда-нибудь, осчастливила бы парня...

— Он и так счастливый, — отвечала Кира. — Вон сколько девчонок разных возрастов и форм за ним бегают — выбирай любую.

— Но он любую не хочет... Он тебя хочет... Гляди, гляди, как смотрит, не взгляд, а буровая установка. Слушай, может, ему что-нибудь от тебя нужно?

Кира превращалась в удивленный знак вопроса:

— А что с меня взять?

— Ну, я не знаю, — смеялся Максим. — Связи, наследство, недвижимость...

Кира состроила беспощадную гримасу.

— Ну шучу я, шучу. Ты самая обаятельная и привлекательная. Кстати, я тоже весь у твоих ног.

Звонил дед Георгий. Он совсем расклеился. Просил Киру обязательно прилететь хотя бы на несколько дней. Говорил, что должен с ней поговорить, рассказать о чем-то важном. Кира восприняла это, как очередную уловку заманить ее к себе, и не придавала особого значения состоявшемуся сумбурному разговору. Дед Георгий говорил бессвязно, то бормоча, то переходя почти на крик, перескакивая с одной темы на другую, потом возвращаясь, но совсем уже по-другому высвечивая ситуацию, часто называя Киру Сандро, кашляя, заикаясь, все чаще вставляя в смесь русского с английским армянские слова и выражения, а под конец, вообще переходя на армянский, которого Кира не

знала. Тем не менее Кириллу про звонок из Лондона рассказала и даже заметила, что хорошо бы деда навестить.

— Конечно, поезжай, — внимательно выслушав Киру, констатировал Кирилл. — Тебе сейчас неплохо было бы сменить обстановку, отвлечься.

Они сидели на ковре в гостиной, пили вино, ели всякие вкусности и слушали музыку. После освобождения от Давида они старались не расставаться и проводить как можно больше времени вместе, точнее, Кирилл стал стараться. Кира старалась всегда. А Кирилл начал теперь, когда увидел, что ей действительно очень тяжело. Она переживала, и этого нельзя было скрыть. Кирилл и сам остро ощущал тоску и чувствовал тяжесть и опустошение. Вместе — лучше, легче, теплее. Особенно Кире нравилось, крепко прижавшись к Кириллу, представлять, что она в нем живет, смотрит из него на мир, общается с теми, кто вне, а как только становится не по себе, или страшно, или просто неприятно, — тут же проваливается в него и закрывает вход для кого бы то ни было, обретая невиданный покой.

— А хочешь, поедem вместе? Поехали, а? — Кира подняла на Кирилла умоляющие глаза.

— А удобно?

— Конечно, удобно. Дед живет один в огромном доме. Там куча места и старый камердинер, такой же старый, как и дед. Они с ума сойдут от счастья...

— С ума, пожалуй, не надо. Количество сумасшедших на единицу площади и так превышает все мыслимые границы.

— Если шутишь, значит согласен, — Кира накинулась на Кирилла с поцелуями.

— Не вижу препятствий, Кирочек, — он обнял ее и стал гладить по голове — Кира сразу потерялась в его пьянящих объятиях.

«У нее не было другого выхода? Part»

Пришло письмо. Я расстроился. Оказалось, еще не конец. Как жаль.

«Это сделала не она. Кирилл»

«Ты знаешь, кто? Part»

«Нет. Кирилл».

«Сделать это — значит расписаться. Я не знаю других с таким же почерком. Это она. Вопрос в необходимости. Все другие вопросы позже. Part».

«Добрый день, Part.

Да, ты прав по поводу того, что сделать — это значит расписаться.

Но идентифицировать подпись не столь просто. Как кажется. Увы, необходимость сделать это была стопроцентная. Страх, в котором она жила все лето, в последние дни перешел в ужас. Кирилл».

«Означает ли это, что она долго терпела? И почему все же не вытерпела? Он любил ее. Эта любовь была болезнью. Она не должна была... Ты знаешь, как это случилось? Part».

«Добрый день, Part.

Она терпела несколько месяцев. А не вытерпела, потому что, очень боялась умирать в муках. И была уверена, что к этому идет. Второе — она очень гордая. В последние несколько дней он научился управлять ее телом. Ее это привело в ужас и одновременно взбесило. Она знала, что телефоны прослушиваются. За домом следили. Постоянный пресс. Для такого убийства у нее было недостаточно силы. Когда полтора месяца назад они уже пытались убить друг друга, она не сумела этого. Он, впрочем, тоже. Нет, я не знаю, как это случилось. Кирилл».

«Силу можно накапливать и привлекать. Она текуча и доступна тому, кто умеет ее контролировать. Ему тоже была доступна сила, и твои слова

означают, что в последнее время он был достаточно силен. Что же случилось? Все произошло почти мгновенно. Должна была быть борьба, на несколько дней или недель, которая ослабила бы их обоих, и они разошлись бы до лучших времен. Ты, насколько я понимаю, крайне близок ей сейчас. И судя по всему, говоришь меньше, чем знаешь. Твое право. А мое право знать, что произошло, и где то, что осталось. Я могу узнать последнее, только поняв первое. Извини.

Если можешь, ответь, пожалуйста, на нейтральный вопрос. Произошли ли в ней какие-нибудь существенные изменения за последнее время? Спасибо. Part».

«Добрый день, Part.

Я не являюсь врагом для тебя, как не был таким для него. Хотя я ни разу его не видел и не слышал, мое уважение велико. Мне безумно жаль, что эта история пошла этим путем.

Увы, мне кажется, это еще не конец. Я чувствую, у меня нет будущего.

Мы все говорим меньше, чем знаем. Я не понимаю, что ты ищешь. Я никаких изменений в ней, после того, что случилось, не замечаю. Также лечится, плавает, рисует, капризничает, немного занимается ребенком. Никаких новых целей, устремлений. Энергетика у нее всегда была не особенно высокой. Кирилл».

«Чтобы мы говорили на одном языке — энергия повсюду. Она разного качества, но одинакова по происхождению. Сила — это возможность управлять энергией и черпать ее. Кроме того, сила — это способность чувствовать иную силу и использовать ее. Воля — это умение применить силу. Я не встречал человека, который бы обладал ее силой. У нее недостаточно воли, хотя в любом случае больше, чем у всех нас вместе взятых. Зачем ей энергетика внут-

рення, если она обходится энергетикой внешней? У всех у нас есть будущее. Но какое? Что тебе дороже — она или твое будущее? Ему была дороже она... Все, что пытался донести до тебя Он — правда по сути. Но полуправда. Он увлекался. Он ревновал ее к тебе. Хотел понять, что она в тебе нашла с человеческих позиций. Но она не человек. И нужен ты ей как мешок с энергией или как структурная пустота (объем). Ты очень необычен. Это было очевидно сразу. Ее тянуло к тебе безмерно с самого начала. Она сама не понимала почему. А потому, что то существо, которое в ней живет, сразу почувствовало твою уникальность и пользу для себя. Если совместить ее силу и твой объем... Я не он, но и я увлекся. Тоже. Не собираюсь тебя ни в чем убеждать. У тебя есть глаза. И не только. Отдай ее мне и у тебя появится будущее. Я не причиню ей вреда. Я люблю ее. Обещаю, с ее головы не упадет ни один волос. Она получит все, что захочет. И ты тоже. Ты еще не успел в ней увязнуть, тебе будет несложно. В ней сейчас Он. Она необходима мне. Спасибо и удачи тебе. Part».

«Добрый день, Part.

Как я могу ее отдать? Я не владею ею. Она делает что хочет, где хочет и с кем хочет, я не контролирую ее. Отдать ее — и у меня появится будущее? Я не любитель обменов, из меня плохой бизнесмен. Если мне кто-то нравится, я ему отдам все, что ему нужно, просто так. Ты можешь дать ей все, что ей нужно? Это замечательно, я верю, и я за это. У меня даже близко нет таких возможностей. Единственный мой подарок за все время общения — несколько дисков «DVAR». Впервые вы познакомили ее с этой музыкой... Спроси ее, чего она хочет. Я никогда не спрашивал. У меня все равно ничего нет. Он погиб, его больше нет. Она необходима тебе?

Общайся с ней. Приглашай во всякие интересные места. Делай это чаще. Кирилл».

«Отдать — значит обесточить, лишитъ силы. Год назад она была совсем другой. Все ей было все равно. Она позволяла себя любить или не позволяла, она играла или убивала... Ей было все равно. Жить или не жить. А сейчас она живет тобой. Вероятно, она даже любит тебя. Я не хотел в это верить, но, боюсь, это так. Она хочет жить из-за тебя, она заставляет себя бороться, и она сильна, как никогда, какой бы слабой и больной ни казалась. И чем больше она сражается за тебя, тем сильнее она становится. И обесточить ее можешь только ты. Попроси, и она отдаст тебе все, что имеет. Она отдаст тебе силу. И тогда я возьму ее. А сейчас ухаживать за ней не имеет никакого смысла. Я десять лет пытался за ней ухаживать. Она привыкла ко мне. Ей интересно все непонятное и завораживающее. Как только кто-то становится ей ясен, она теряет к нему интерес. А я для нее открытая и зачитанная до дыр книга без картинок. Ведь в душе она сущий ребенок. Не понимает того, что творит, только бы картинок побольше. Она слишком много знает и умеет, она гениальна, и ей надоел порядок, ее интересуется абсурд. Она может так много, а делает так мало. Это очень хорошо, что ты достал ей «DVAR». К сожалению, именно у тебя есть то, что ей нужно, — ты бесконечен. Но думаю, ты сам этого не знаешь. Иначе все было бы по-другому. Part».

«Добрый день, Part.

Разве это плохо, что жить ей стало более интересно?

Ты стремишься, чтобы ей было хорошо или чтобы она была слабой?

Она относится к тебе с большим чувством. Но очень боится после известных событий. Что естественно.

Она не сражается за меня. На меня никто не нападал.

Попросить ее отдать мне все? Увы, мне не очень нравится такой вариант. Она мне друг. А таким образом вести себя с друзьями не очень хорошо. Это как обидеть ребенка, который взял тебя за руку, чтобы ты перевел его через дорогу. А я все больше чувствую, что в ответе за нее.

Я не понимаю, за что между вами идет война. Кирилл».

«Я имею в виду, что она сражается за твою любовь. Он говорил мне, что ты ее не любишь. И она, вероятно, это чувствует, вот и сражается. И крепнет. Вот и все. Очень банально. В данный момент я стремлюсь сделать ее слабой, для ее же пользы. Это трудно понять, ты можешь только мне поверить. Так надо. Есть люди способные, есть талантливые, а есть гениальные. Гениальность может не проявляться, пока человек бездействует, но как только он начинает что-либо делать, не важно что, сразу становится видна его гениальность — у него получается все, за что бы он не брался. Понимаешь? Все! В том числе и то, что за гранью, потому что для гения не существует границ. Ты не поймешь того, что в тебе, пока сам этого не почувствуешь и не осознаешь, сколько тебе об этом ни говори и ни объясняй. Есть вещи, которые нельзя понять головой. Их можно только почувствовать. И тогда придет осознание, но не из головы, а из сердца, и ты вмиг поймешь все. Своим естеством. Может быть. Если такое случится. А война у нас идет за единство. Когда-то мы были едины, и нам было хорошо. Безумно хорошо. А она все разрушила и ушла. Мы думали, она вернется, но время шло, мы были друзьями, хорошими друзьями, но не были едины. Она жила своей жизнью, а мы

ждали, ждали, ждали. Иногда казалось, что мы готовы отрезать ей ноги, только бы она не ушла в очередной раз. Но она каждый раз уходила, и мы никогда не знали, вернется она или нет. И мы поняли, что это только она для нас — все, а мы для нее — так, сухие листья, прилипшие к подошве. Но мы не листья, мы из очень сильного рода, и сила наша накапливалась из поколения в поколение веками, а не была обременительной обузой, как для нее. У нас есть Учитель, и он считает таких, как она, падшими богами — они растрачивают свою силу направо и налево, не задумываясь о последствиях. Они не дорожат ею и не копят ее. Более того, она тяготит их. И они стремятся от нее вылечиться, как от болезни. Сейчас трудно говорить о единстве, поскольку Его уже нет. Но Он в ней, хотя бы частично, и поэтому она нужна мне. Но я не хочу применять силу. Как Он. Она должна сама. Понять. И сделать то, что все равно неотвратимо. А поймет она только тогда, когда ей станет плохо. Сосем плохо. Part».

Надо признать, что у Данила тоже оказалась вполне четкая позиция. С внутренней логикой, последовательностью и собственной историей. В моей позиции не было ничего из вышеперечисленного. Ну да ладно. Будем считать, что логика — это ограниченность ума.

«Добрый день, Part.

Я не готов нанести ей вред. Кирилл».

После смерти Давида или, возможно, в связи с постоянной практикой, мое зрение во внутреннем пространстве постепенно улучшалось. Теперь я хорошо видел Киру. Она висела в бесконечности недалеко от меня в виде полупрозрачного оранжевого саркофага. Внутри саркофага иногда что-то шевелилось. Я про себя назвал это цветком. Оно выглядело как растение с тоненьким стеблем, конечностями-веточками и не-

большой головкой. Странно, но оно точно соответствовало размеру саркофага.

Несмотря на мою возросшую чувствительность, первой влияние почувствовала Кира. Мы лежали на диване у меня дома, занимались английским, а кто-то что-то перекладывал у нас в головах. Я посмотрел в черную бесконечность, никого не было. Опустил точку зрения ближе к нашему миру. Вместо черноты появился грязный разноцветный туман. Несколько человеческих существ женского пола, взявшись за руки, что-то делали. Они были настроены на Киру и на меня.

— Кир, а я вижу... Нескольких, скорее всего, женщин, кажется, пятерых. Они где-то в горах. И они влияют на тебя.

— Ты не понимаешь, в горах нет женщин. Как будто нет... Там одни мужчины... Никто не доверит такое женщине....

— Странно, впрочем это сейчас не очень важно. Я буду все время защищать тебя от воздействия, а ты расслабься и расскажи мне все, что ты знаешь об учителе. Что за учитель у братьев? — Я начал уводить влияние от Киры по дугам и понемногу замыкать его на самих женщин. С влиянием на себя я решил ничего не делать, поскольку оно еле чувствовалось, а делить свои, и так не очень большие силы, не хотелось.

— Не знаю точно. Говорили: встретили в горах человека, он что-то там им открыл, поделился каким-то знанием. Живет где-то высоко, куда туристы не заходят, чуть ли не в пещере, но я в это не верю. Но учитель этот был, определенно. Как, чему и почему он их учил, не знаю. Они хотели взять меня с собой к этому учителю, но меня это не интересовало. — Кира замолчала, пытаюсь еще что-то вспомнить, я же строил и строил защитные конструкции в разноцветном тумане.

— А какая у них концепция? На базе какого миропонимания, к чему они стремятся?

— Слушай, что за вопросы ты задаешь? Не знаю. Да и все равно мне было. Плевать я хотела на этого учителя. У меня совсем другие проблемы были...

«Очень лаконично. Разве речь идет о вреде? Все делается для ее же пользы. Она не приспособлена для жизни среди людей. Она страдает. Для нее это ад. Ей нужно жить среди себе подобных. Таких мало, но они есть. Мой учитель такой. Я не такой, но я близок, и понимаю, что ей нужно, и никогда не смогу причинить ей вреда. Я люблю ее. Возможно, ты при определенных условиях и не очень далек от нас, но сейчас ты не готов понять... Тебе остается только подчиниться. Скажи ей, что тебе плохо, что ты болен, что умираешь (для убедительности можешь сослаться на врачей) и что тебе нужна ее сила, чтобы выжить. Ее человеческое тело очень ослаблено, и если она отдаст силу, она сама умрет, но не сразу. Чтобы выжить, будет искать себе подобных. Я ей сегодня позвоню и расскажу про Учителя. Учитель уже давно ждет. Когда ученик готов, приходит Учитель. В данном случае с учеником что-то случилось. Ученик выбрал падение вместо Пути. И нашел себе ложного «учителя». Нужно все расставить по местам. Разве это вред? Part».

«Добрый день, Part.

Увы, наши понимания мира несколько расходятся. Я сейчас попытаюсь объяснить свое, но я не большой знаток эпистолярного жанра, поэтому прошу читать также и между строк. Мир не такой, как мы его видим, не такой, каким мы его представляем, не такой, каким мы его чувствуем. Мы, живые существа, воспринимаем ничтожную часть мира, мы можем воспринять больше, но эта часть так и оста-

нется ничтожной. После восприятия мы делим мир на части, иначе мы даже эту маленькую часть не можем принять. Делать выводы по этой части восприятия бессмысленно. Законов в мире не существует. Любые теории неправильны.

Все учения — заблуждения. Каков мир на самом деле — мы не узнаем никогда. Отсюда можно делать любые выводы — это не имеет значения. Я не стремлюсь к твоему Учителю. Не нужно извиняться. Я не уверен в помыслах твоего Учителя. Я не обязан подчиняться. Надеюсь, мое письмо не очень резкое. Не хочу, чтобы то, что написано выше было воспринято как противостояние вам. Это не так. Это не противостояние ничему, скорее это сдача, капитуляция, отсутствие борьбы... За отсутствием противника. Но и подчиняться — это ограничение. Это точка зрения. Кирилл».

Я переписывался с Данилом, но был увлечен уже другой идеей. Поехать в гости к деду Георгию, который хорошо знал Киру маленькой и в некоторой степени занимался ее воспитанием. Так, по крайней мере, она сама говорила. Наблюдая за собой, я удивлялся не узнавая себя — у меня появились новые качества и некий новый вектор стремлений — все это было трудноописуемым, но для меня — вполне заметным. Несмотря на полное отсутствие свободных средств для поездки и логического обоснования — зачем собственно ехать, я действовал мягко, но без тени сомнения — ехать надо. Это «надо» было легким и солнечным, не несло в себе ни бремени выбора, ни груза обязанности. Еще я заметил в себе безысходность, упадничество. Смотри в будущее, я не видел себя там. Ну и плевать, было немного грустно, но не сильно. Раз у меня нет будущего, надо хоть напоследок съездить с Кирой к этому деду, возможно, он прольет хоть немного света на нашу историю.

«Было бы самым лучшим вариантом, если бы она сама осознала, что должна быть со мной и с Учителем. Но она сейчас себя не помнит, нашла себе увлечение в жизни, которое поглотило всю ее. Она ничего не хочет видеть и слышать. Я не припоминаю, чтобы она была увлечена чем-то или кем-то, как сейчас увлечена тобой. Во всех предыдущих случаях она лишь позволяла чему-то себя увлечь и кому-то себя любить. Да и то далеко не каждому. Учитель говорит, что сейчас ее «сила» ищет выход — стремится объединиться с твоей пустотой. Далее по поводу мира. Ты абсолютно прав. Но! Мы сейчас находимся именно в этой маленькой части мира и осознаем это, в отличие от подавляющего большинства, и... Хотим ее покинуть. Теории — не для нас. Мы практики. Мы знаем, как это сделать, потому что есть те, кто это уже делал — она, например. Но она зачем-то вернулась, или ее выгнали... Я не знаю, каков мир. Никто не знает. Но мир сам знает. Он себя осознает. И мы хотим стать частью этого мира. Не быть частью части, а быть частью целого. Собственно, это уже не часть, а единство единого. Я тоже не мастер говорить, а тем более писать. Так что, наверно, не очень убедительно, но, как ты сам говоришь, это для нас сейчас не имеет никакого значения. Я не вправе от тебя ничего требовать. Да и просить не буду. Мы попробуем обойтись собственными силами. Но если не получится... Я не знаю, что будет... Это от меня не зависит. Пусть будет так, как будет. Ты сам все понимаешь... Твоя жизнь — только твоя жизнь... А еще скажу, что я тебя понимаю. На твоём месте, я ее тоже добровольно не отдал бы. А скорее всего, увез куда-нибудь и спрятал. Вот так. Так что я тоже не противник. Я скорее орудие. Я не знаю, кто я. Я ничего не знаю. Part».

Я чувствовал себя все лучше и лучше. Кира сдала наши документы на визу для поездки в Англию.

Мы хорошо проводили время, экспериментировали, выдумывая различные варианты как с удовольствием провести время. Так мы усовершенствовали замечательный метод психотерапии, изобретенный нами еще летом — совместное рисование. Кира училась когда-то живописи и неплохо рисовала. Особенно она любила гуашь, за яркость, наверное. Ну, и я тоже сначала пытался приспособиться рисовать гуашью, но у меня не шло... А потом нас осенило, что вполне можно использовать разную технику. Я перешел на более привычную темперу, что пошло картинам явно на пользу. Причудливой линией мы делили лист картона пополам и каждый рисовал на своей части что заблагорассудится, но тем не менее наблюдая за тем, что появляется на соседней половине. Получались фантастические полотна. Яркость и размытость гуаши дополняла объем и массивность темперы. Потом мы вставляли их в рамки, вешали на стены моей квартиры и радовались, как дети. Рисование сближало нас и мягко лечило наши души.

Каждый день по несколько раз я осматривал бесконечность вокруг нас. Однажды недалеко в пространстве появилась небольшая, но яркая белая звездочка. Она была несколько размыта по периметру, как капля сметаны в воде. Наблюдая за ней, я пришел к выводу, что ее внимание обращено на Киру. Что это или кто это, я не знал.

Был на работе в офисе. Позвонила Кира.

— Что-то мне нехорошо. С каждой минутой все хуже и хуже. Что это со мной?

— Сейчас посмотрю. Ложись на кровать...

— Так я и лежу.

— Хорошо. Закрой солнечное сплетение и ничего не делай. Попробую разобраться и позвоню.

Ребята в офисе уже привыкли, что время от времени я сажусь в большое кресло, закрываю глаза, и в такие минуты меня нельзя беспокоить.

В черноте бесконечности видно было Киру, неподалеку одиноко висела уже знакомая белая звездочка, никаких влияний с ее стороны я не заметил. Больше ничего не было. Я опустился ниже. В мутном тумане тоже ничего подозрительного не происходило, по крайней мере, женщины с гор никак не проявлялись (для себя я решил называть их женщинами, кем бы они там ни были). Странно. Поднялся снова в темную бесконечность. Кира в виде плупрозрачного оранжевого саркофага висела почти прямо передо мной. В саркофаге шевелился цветок. Я стал разглядывать цветок и через некоторое время заметил, что к саркофагу тянулась черная полоса, ее было почти не видно на фоне черной бесконечности. Вот оно, влияние. Попытался проследить, где начинается эта черная дорога, но тщетно. Она исчезала из виду не так уж и далеко, как будто поворачивала за угол. На месте исчезновения что-то было не так. Что это? Мне показалось это сгущением. Постарался заглянуть за него. Не получилось. Еще раз. Снова не получилось. Я не представлял как, но мне необходимо было сдвинуться со своего места в бесконечности, сместить точку восприятия. Раза с десятого бесконечность вместе с саркофагом Киры дрогнула и я, чуть-чуть сместившись, увидел. Черная полоса тянулась от небольшой звездочки, прятанной за черным бугром. Ее свет переливался оттенками ядовито-зеленого. Присмотревшись, заметил рядом еще одно тусклое пятнышко. Оно как-то влияло на звездочку. Более-менее отведя влияние, я открыл глаза. Набрал номер Киры и рассказал об увиденном.

— Да, я слышала о таком, но никогда раньше не встречала. Недостаточно сильный маг может использовать другого человека как резонатор своей психи-

ческой энергии. Обычно для этого используют больных шизофреников. А то, что они прячутся, так правильно делают, — добавила она зло.

— Сейчас тебе лучше?

— Пока не особо, у меня отнялась кисть. Я не чувствую ее. Хотя общее состояние немного лучше.

Кисть мы лечили до самого вечера.

Во внутреннем пространстве влияние от зеленой звездочки норовило все время ускользнуть от моего внимания и направиться к Кире. Плюс ко всему розовый цветок проснулся, время от времени он активно махал руками-веточками — то ли навстречу зеленой звездочке, то ли просто так.

«Контакт произошел шесть с половиной тысяч лет назад в Шумере. С сущностью или сущностями с Сириуса. Каким образом они смогли проявиться или появиться, история умалчивает. Знание, приобретенное в результате этого контакта, передавалось через посвященных различных тайных обществ веками. Большая часть этих знаний за столь длинный промежуток времени была утеряна. Часть изменена до потери первоначального смысла. Но сохранилась информация, что следующий посланник звезды Сириус появится на Земле в 70-х годах двадцатого столетия. Есть даже описание посланника и его возможная личная история на Земле, они держатся в строжайшей тайне даже внутри самих тайных организаций и известны лишь очень немногим. И рождающим разногласия среди посвященных остается вопрос взаимодействия с посланником, чтобы он стал тем, кем и должен стать — дверью в иные миры и в высшую реальность. По этому поводу имеется противоречивая информация, которая может быть истолкована по-разному.

Влияние Контакта можно обнаружить в космологических религиях Египта и Вавилона. Часть инфор-

мации каким-то странным образом попала к африканским племенам Догонов и Бозо.

Если говорить о более поздних временах, точно известно, что о посланнике знали в обществе «Орден Восточного Храма», руководимым Алисоном Кроули. И Григорием Гурджиевым. Part».

Недолго мы с Кирой радовались отсутствию проблем. Возобновилась слежка. Вдобавок, кто-то информировал Кириного Олега о наших отношениях, что совсем было некстати. Прислали ему пачку фотографий. Теперь большая часть Кириной энергии уходила на выяснение отношений. Энергетические удары стали более изощренными. К тому же цветок внутри Киры, проснувшись, проявлял все большую активность. Приходилось решать одну проблему за другой. Все это полбеды, но главное, я не представлял, что делать, чтобы изменить ситуацию. Вне сомнения, я могу бесконечно долго защищать любимую Киру, но предпочел бы решить эту задачу в корне.

Приближалось время отъезда к деду Георгию в Англию. Я не сомневался, что мы не только приятно проведем время вместе, но и найдем ответы хотя бы на часть вопросов. Кира мне много рассказывала о нем. Он был другом ее деда Ивана, который по неизвестным причинам не хотел рождения Киры, уговаривая родителей Киры на аборт, а когда не получилось, Иван начал проводить с беременной дочерью какие-то манипуляции. По мере приближения Кириного рождения, возрастала активность со стороны Ивана, а в день рождения Киры он исчез. Тело искали, но не нашли. Дед Георгий взял на себя воспитание, вернее, эзотерическое образование Киры со школьного возраста. Учил ее и своего внука Сандро философии, метафизике и оккультизму. Но Кира, судя по всему, не проявляла ко всему этому должного интереса. Возможно, именно потому, что все это и так было в ней самой...

Глава 9

Кто-то или что-то внутри меня рвется наружу.
Окружающий мир поплыл, как во сне.
Вот-вот, и он расколется,
и я увижу...
Как сквозь треснутое стекло,
мутное стекло...
Себя,
Увижу себя.
Кто я?
Весь груз моего безумия
разом навалился на меня,
Открылся масштаб моего выбора.
Я сделала выбор.
Кто я?
Поверженный разум гонимого
в неизвестность существа.
Существа, у которого уже нет выбора.
Оно падает.
Или это полет?
Падение вверх?
Нет, это полет вниз.
Полет в боль и печаль.
И если разрушить боль и печаль,
разрушить этот мир,
потом снова придется восстанавливать
его заново,
чтобы продолжать жить...
И стекло не треснет,
И иллюзия не исчезнет,
Пока не кончится полет.
Это мой выбор.
Кто я?
Разум, поверженный в безумие...

Следующая неделя прошла в суматохе — Кира начала оформлять визы, созванивалась

постоянно с дедом, что-то уточняла, переспрашивала, радовалась, как ребенок, предстоящей поездке, несмотря на частые звонки Данила, который не мог смириться, не мог принять и забыть; душа его опечалилась и болела, а он упорно искал нить, ведущую к Давиду. Нити у Киры не было. Она продолжала жить, и не хотела оглядываться, тем более, эти оглядки ничего уже не могли принести хорошего. Никому. Но и впереди ее ждало огромное разочарование — дед Георгий умер, что в его девяносто два года произошло, вероятно, совершенно естественно. Свой огромный дом завещал какому-то обществу или школе по самосовершенствованию и саморазвитию, оставив обалдевших родственников в уверенности, что он все-таки спятил, оставил в полном смятении и недоумении, переходящем в решимость бороться и оспаривать. Кира в число родственников не входила, но в том, что дед не спятил, уверена не была. Двоюродная племянница деда прилетела из Англии после похорон в расстроенных чувствах и, похоже, в слегка помутненном рассудке, а главное, с пустым кошельком. Что, правда, с лихвой окупалось двумя подлинниками Куинджи, все-таки доставшимися от усопшего родственника. Племянница привезла Кириной маме, тоже звавшейся Кирой, предсмертную записку, якобы адресованную ей, поскольку других Кир в их кругу нет (то, что записка может быть адресована Кире-младшей, тогда никому не пришло в голову, а пришло позже — Кириллу). Записка, написанная от руки неуверенным слабым почерком, достаточно крупными буквами на клетчатой бледно-фиолетовой бумаге формата А4 шариковой синей ручкой, несла в себе следующее: «Кира, Иван был уверен, что актава развернулась. Держись. Сохра-

ный единство. У тебя для этого все есть. Будь с ним. Он поможет тебе». Слово «октава» написано через «а», подписи не было.

В свете того, что последние несколько лет дед Георгий общался только с Кирой-младшей, перед смертью хотел ее видеть и что-то сообщить, было очевидно, что записка адресована Кире, а не ее маме, которая впала, между тем, из-за этой записки почти в обморочное состояние, ничего не понимая, но пытаясь понять и, в конце концов, естественно, поняв по-своему. Она констатировала, что скоро умрет или с ней случится что-то нехорошее, если она не будет все время вместе с внуком, то есть с Апрелем. Объяснять Кира, естественно, ничего не стала — забрала записку, сказала, что дед спятил (что с удовольствием и завидным рвением подтвердила прибывшая из Лондона родственница) и обещала прислать Апреля немного пожить у бабушки.

К деду Георгию мы не успели. Он умер. Я расстроился. Надежда понять логику нападавших была похоронена в Англии.

Олегу приходили все новые письма с компроматом на Киру. И хотя он старался вести себя разумно, досада и раздражение нет-нет, да и проглядывали. Апрель, не понимая, что происходит, расстраивался, глядя на родителей. А за ним и Кира.

Переписываясь с Данилом, я не упоминал об этом. Во-первых, я был на них зол, они создали нам тучу проблем. Во-вторых, не видел смысла показывать, что их усилия принесли результаты. А еще мне очень хотелось убедить «обратную сторону Луны», как я называл учителя и его группу, что их цели эфемерны, а война бессмысленна.

«Добрый день, Part.

Отдаленные намеки, «сны о чем-то большем». Не более того. Что дает возможность путешествия в другие миры? Еще одно развлечение? Еще одна идея-фикс? Тоже неплохо, есть, чем заняться вместо уныния. Все силы на переход в другие миры или/и построение социализма в отдельно взятой группе людей. Что сказал Будда, когда его спросили, где находится ... (неважно что)? Сказал он примерно следующее: «Делайте упражнения (которые я вам дал) и не занимайте голову всякой фигней». Познавать миры, процессы и еще бог знает что, можно вечно (и так ничего и не понять). Это как стремиться переспать со всеми женщинами, пытаюсь постичь любовь. Сколько не слушай звуки, никогда не поймешь, что такое музыка. Но для развлечения... Почему нет? Бродить по мирам, заниматься сексом с женщинами. Потом писать книги по географии, и/или по человеческим отношениям. Таких книг уже пруд пруди, не перечитаешь. А толку... Да, возможно, она есть искомое. Очень возможно. Я даже был бы не против отправиться с вами. Пообщаться с Высшим Разумом. — Привет, в шахматишки сыграем? — Можно сыграть, почему бы не сыграть. Но раз уж случай представился, давай я тебе, Кирюша, о Мировых Законах расскажу. — А они есть? — Есть. Есть.

— И банально работают?

— Работают. Работают.

— Если я о них узнаю, поможет это им?

— Нет, никак не поможет.

— Тогда давай лучше шашки расставляй.

— Нет, так нельзя. Нужно ведь стремиться к Абсолюту, дорогой.

— А что, я разве не Абсолют, не его неотъемлемая часть?

— ... Ладно, бог с этими законами, мне уж самому они надоели, работают, как часы. Ходи первый.

Нет там выхода. Это только вход на другой уровень, плоскость. Игра продолжится. Если хочешь, я поговорю с ней, возможно, она согласится закинуть вас туда. Даст вам эту игрушку, сыграйтесь. Иначе, скорее всего, вы убьете ее, а она, отмахиваясь, убьет вашего предводителя или — что еще хуже — кого-то, кто ни при чем. Может, и ей просто объяснить? Помогите, а мы скажем спасибо. Я надеюсь, она согласится. Какой смысл во всех этих играх «X-files»? Запугали ребенка.

С надеждой на решение всех вопросов, Кирилл».

Я оглаживался вокруг себя в поисках информации о Кире. Данил, наверное, не самый лучший помощник: не столько объясняет, сколько запутывает. Сам не знает или знает, но не хочет рассказать, только заманивает в нужную ему сторону. Или это я такой тупой, а информации вполне достаточно? Только хоть что-то с Тенью начало вырисовываться, теперь, оказывается, дело не в ней, а в посланнике с Сириуса.

«Шутишь? Впрочем имеешь право. Судя по твоим репликам, ты прекрасно представляешь, что находится рядом с тобой. Я подозревал это. Я сначала банально в нее влюбился, а потом уже узнал, что в ней — вселенная. А ты, вероятно, действовал, основываясь на каких-то своих соображениях. Но и тебя зацепила ее человеческая оболочка и беспредельная глубина. Но ты не потерял самообладания. А мы все потеряли. Нам тяжелее, чем тебе. Я лично вообще уже не хочу ничего, и с удовольствием вытянул бы ее из этой ситуации и увез куда-нибудь, но не МОГУ.

Не знаю, сильно ли я тебя огорчу, если скажу, что все не так просто. Посланник в ней почти умер. Никто не знает, что от него осталось, поскольку его

миссия состояла именно в том, чтобы прийти к такому, как мой Учитель. Но ее дед и его соратники, неизвестно какими соображениями руководствуясь, передали ей Силу, которая заблокировала посланника. По-видимому, они считали, что это вторжение нарушит правила космической игры. Не знаю. Я очень далек от этой фантастики, да и с трудом верю во всю эту мистику — я, к сожалению, достаточно приземленный человек. И эта Сила теперь защищает ее от таких, как мой учитель, и от всех, кто захотят освободить посланника. Так что ты тоже не сможешь использовать этот межзвездный коридор. Никто не сможет. И она тоже. Она может только забросить тебя в соседнюю реальность, благодаря своей силе, но не ПОДНЯТЬ НАД. Поднять может только посланник, который зажат, или уже убит ее Силой, которая тянет ее вниз. Именно поэтому учитель говорит, что она падший бог. Чтобы понять, что произошло с посланником, нужно убить ее Силу, не лишиться ее энергии и силы, а отдрать как бы оболочку Силы, чтобы она не могла ее накапливать. Это не убьет ее, как человека, а напротив освободит. Если посланник жив, он заговорит в ней и сольется с ней, если нет, она будет жить дальше, с тобой или со мной или с учителем или еще с кем-то — ей решать. Чтобы понять, что случилось, нужно, чтобы она попала к посвященным. Так что если хочешь бродить по мирам, нужно оживить посланника, в какой бы очаровательной оболочке он не находился. Я лично уже не уверен, что нужно, я люблю ее такой, какая она есть, и плевать хотел на миры, но я — ничто, и ничего не решаю. Не знаю, зачем я тебе это все говорю. Наверное, ты единственный, кто может сейчас на нее влиять. Делай выводы о том, что будет происходить дальше. И еще, я думаю, ей не стоит об этом знать. Part».

Последовала новая, самая сильная атака со стороны зеленой звездочки. Увы, я справлялся с большим трудом. Часть влияния я вообще пропустил, не успевая отводить постоянный поток, идущий к саркофагу Киры. Я ставил щиты, влияние на небольшое время уменьшилось. Потом оно мягко обтекало препятствия и снова устремлялось к своей цели. Так мы боролись несколько суток. У Киры отнялась рука до плеча. А чуть выше в черноте висела белая звезда. Возможно, наблюдая за нашей борьбой. Через два дня влияние пошло на убыль.

«Доброго дня, Part.

Это другой разговор. Теперь хоть какие-то прояснения. Увозить смысла нет. Вашим посвященным дела нет до расстояний. Я уже это видел на ней и почувствовал на себе. Я не знаю, кто находится рядом со мной и очень далек от чепухи о предназначениях, миссиях и смысле бытия. Наша встреча случайна и бессмысленна. Ты меня не огорчишь, мне все равно, умер посланник или нет. Я не имею никаких планов на силу ее или посланника. Я вообще не имею планов на что-либо. Мне нужно встретиться с вашими посвященными. Поговорить, посмотреть. Потом подумать и принять решение. Сейчас вы начали переоценивать меня. В смысле, думать обо мне слишком хорошо не стоит. Увы, я достаточно обыденный человек, а не гиперпросвещенный йог. Кирилл».

«Извини, Кирилл. Я подумал, что ты один из Охотников. Я не знаю, что думать. Я сделался мнительным и перестал доверять. Всем. Посвященные живут в абсолютной тайне, и ни с кем не общаются, как посвященные. В жизни — они обычные люди и никто не знает, кто они. Это древнее тайное общество, со своими законами, догмами и предрассудками. Я долго уговаривал Учителя, чтобы он разрешил мне

общаться с тобой, при условии, что я не буду снабжать тебя никакой правдивой информацией, а черпать информацию о тебе. Они уверены, что ты рядом с ней не просто так, а тоже Охотник. Они за радикальные меры. И считают, что мирного решения не существует, поскольку ее Сила изначально направлена против них, и будет защищаться до последнего. Если равный предоставил бы доказательства, что посланник мертв, они, может быть, оставили бы ее в покое. Ты понимаешь, о чем я говорю? В свете этого чем лучше о тебе думают, тем удобнее тебе. И теперь — о самом неприятном. Таких обществ в мире, как минимум, — три, не считая одиночек. И все ищут, даже если его и не существует, посланника. Part.»

Кирилл все время старался привлечь Киру к какому-нибудь новому для нее, с его точки зрения, занятию — то в шахматы научить играть, то фотографировать, то рисовать в новой манере, посещать неожиданные места, ходить задом наперед и прочее. В шахматы играть Кира совершенно не хотела, фотографировать ей нравилось только цифровиком, рисовала она с удовольствием по-всякому, ходить наоборот тоже было приемлемо — все, что наперекосяк ей, в общем, нравилось. Но нравилось что-то Кире или нет, ей в любом случае приходилось притворяться, что она заинтересована, увлечена, и что ей по душе все, что по душе Кириллу. «Любишь меня — люби мой зонтик». С этим высказыванием Джойса она была абсолютно согласна и, кроме того, Кирилл был привязан к ней, как она, разумеется, считала, еще недостаточно. Временами ей даже казалось, что совсем недостаточно, и что Кирилл может зашагать от нее к другим своим подружкам, ко-

торые менее капризны и более покладисты в любой момент. Так что она должна была соответствовать и делать вид, что они с ним «одной крови», чтобы его удержать около себя как можно дольше. С шахматами было сложнее всего — она их просто ненавидела, с фотографией проще, но пришлось купить пленочный дорогой фотоаппарат, справиться с которым было непросто. Но в любом случае, фотографирование представлялось куда более привлекательным, чем шахматы. Ходить на выставки, концерты и во всевозможные заведения оказалось вообще здорово, и Кира скоро вошла во вкус. Неприятным и обременительным было разговаривать со всеми друзьями и подружками Кирилла по телефону, да еще и делать заинтересованный вид. Кире это давалось трудно, Кирил явно заметил ее негативное к этому отношение и стал реже просить ее общаться со своими знакомыми, а вскоре и совсем перестал. Приходилось еще и притворяться, что ей нравится спорт, и каждодневные тренировки, и бег по утрам. Правда притворялась она недолго. Как ни странно, она действительно втянулась в этот изнуряющий процесс построения красивого тела и тренировалась уже вполне сознательно. В какой-то мере и для себя тоже — не только ради Кирилла.

На выходные Кира приехала ко мне. Сказала Олегу, что едет с подругами в дом отдыха. Погода подарила последние теплые дни, никто на нас не нападал, и Кира уверенно заявила, что теперь все у нас наладится, «темная сторона Луны» нашла себе новое занятие, слезка снята и Олег скоро успокоится. Поэтому можно больше ни о чем не волноваться и вообще жить нужно весело. Днем мы гуляли в парке, Кира привезла мне старый фотоаппарат «ФЭД» валявший-

ся у них дома с незапамятных времен, а теперь пополнивший мою коллекцию раритетов, я зарядил пленку и с удовольствием фотографировал Киру на фоне желтых листьев. Вечером пошли в кино, а потом долго слушали музыку, пили красное вино и разговаривали обо всем. Иногда я посматривал во внутреннее пространство. Белая звезда была на месте, зеленая убавила свой блеск, и я нашел ее только потому, что знал, где искать.

Не обольщаясь затишьем, отвозя в понедельник Киру домой, я упросил ее, во-первых, попытаться вспомнить кого-то подозрительного из окружения братьев. Судя по последнему письму Данила, учитель, скорее всего, был где-то совсем рядом, а не в пещере в горах. И во-вторых, попросить Кирину маму попросить найти координаты любого человека, с кем она общалась до рождения Киры.

С середины лета я пытался привить Кире желание тренироваться. На улице, на фотографиях, на выставках обращал ее внимание, насколько отличаются тренированные и обычные тела, показывал, как должны выглядеть ягодичы, спина, руки, ноги. Мне показалось, Кира загорелась идеей тренироваться, но проблема была в ее сломанной спине. Необходим был опытный тренер, который хотя бы первое время показывал, как и что можно и нужно делать, а что — запрещено категорически. Хотел познакомить ее с моей знакомой — тренером по фитнесу, но тут коса нашла на камень. Кира наотрез отказалась — из-за моих прежних отношений с тренершей. Несколько раз я брал Киру в свой спортклуб, показывал, как выполняются упражнения. А перед ее тренировками в фитнес-центре я по телефону говорил, что и как делать. Но проконтролировать технику выполнения не мог, поэтому чувствовал себя неуверенно. Пока неуверен-

ность переходила в растерянность, она нашла себе тренера. Молодого, красивого, с прокаченным телом. Вроде как спортсмена и автора собственной методики и нескольких книг. Он сам предложил Кире свои услуги. В спорте я воробей стреляный, посоветовал Кире попросить нового тренера принести его книги, рассказать, в каком виде спорта он добился результатов. Оказалось, как и ожидалось, книги пока пишутся, спорт превратился в танцы, ну а методика какая-то, видимо, все-таки была, поскольку выглядел он очень привлекательно. Кира отказалась от его услуг, но, как мне показалось, не потому, что он ее не устроил, как тренер (по-моему, ей было все равно), а по каким-то другим своим соображениям. На следующий день к ней во время тренировки пришла целая делегация из руководства клуба. Предложили, чтобы тренер тренировал ее бесплатно, в рекламных целях. Мы обсудили это предложение с Кирой и решили, что, несмотря на шитый белыми нитками подвох, здоровье и хорошая фигура важнее. Первое время я контролировал тренировочный процесс, после, убедившись, что тренер вполне грамотный, перестал вмешиваться.

Дней через десять Кира позвонила из спортклуба.

— Представляешь, у нас в бассейне плавает человек без руки и без ноги.

— И у него получается плавать?

— Да, получается, представь. Но мне стало не по себе, и я не смогла вместе с ним находиться в бассейне. Как он вообще может плавать?

— Наверное, может. У нас такие толстые в бассейне плавают... Думаю, пострашнее вашего инвалида будут.

Уже через неделю Кира свободно общалась с этим инвалидом. Он оказался интересным собеседником и галантным кавалером.

Во вторник, проспав ночь без сновидений, я в полвосьмого, еще затемно, выехал в свой спортклуб. В машине меня перехватил телефонный звонок от Киры. У нее парализовало всю правую сторону, она с трудом говорила. Во внутреннем пространстве белая звезда висела, как обычно и ни на что не влияла, а вот зеленая ярко светилась, переливаясь большим количеством нездоровых оттенков и, испуская что-то в сторону Киры. Рядом с ней, раздавшись в объеме, но еле различимо серело пятно. Крышка саркофага была немного сдвинута и приподнята с конца, противоположного головке цветка, а в образовавшуюся тонкую щель был вставлен какой-то розовый предмет, похожий на дольку мандарина.

Я проехал мимо спортзала прямо в офис. Несколько озадачил охрану здания, появившись так рано.

«Долька мандарина» никак не откусывалась и не вытягивалась из-под крышки. К обеду я уже изрядно устал, результат был близким к нулевому. Наступление я остановил, ситуация больше не развивалась, но восстановить нарушенное не хватало внимания. И пожалуй, что сил. Я отводил влияние, а оно снова просачивалось сквозь барьеры. За время, пока влияние зеленой звездочки искало брешь в моей обороне, я пытался что-то сделать с «долькой мандарина» — тщетно.

Мы все время перезванивались с Кирой, если она не брала трубку в течение пяти секунд, у меня выступал холодный пот.

«Посланник звезды Сириус звезде Солнце. История темная и, вероятно, за шесть с лишним тысяч лет изрядно перевранная. Я не силен в физике. Думаю, Кира тебе лучше все расскажет — у нее в голове целая библиотека.

«... Посланник Сириуса появится на третий планете от Солнца накануне царствия Водолея числа 23 первого периода в год с 63 по 73, через поколение от великого посвященного, но в семье жесточайшего реакционера и будет принадлежать племени, на момент рождения отрицающему вечность, но очень гибкому и быстро перестраивающемуся, а родится в племени вырождающемся. Это будет девочка с голубыми глазами и меняющимися цвет волосами. Она будет наделена всевозможными талантами и способностями и будет обладать невиданной силой смещать и двигать миры, будет сводить с ума людей и племена и летать на одном крыле. Тот, кто хоть раз познает ее, начнет стремиться к ней и хотеть ее еще и еще, а она всегда будет уходить, чтобы накапливать опыт. Она полюбит Землю — горы, моря, океаны. Смерть и жизнь равны для нее, поскольку она осознает единство и неделимость. На теле она будет иметь родинку в виде широко открытого глаза прямо под пупком.

Посланник сам найдет тех или того, кому откроет Путь. То, что Сириус должен сделать, он сделает, но помните закон октав, развитие которых свободно и зависит от правильности толчков, так что, может быть, все обретет совсем другое развитие...»

Это очень сокращенный вариант. Там бесконечно много еще всякой непонятной эзотерики. Но суть, я думаю, ясна. Part».

Только на следующий день к вечеру Кире стало лучше. Парализованной осталась только кисть руки. Влияние извне прекратилось. Вот только саркофаг закрыть полностью не удалось из-за «дольки». Я ломал голову, что это за предмет и откуда он мог там появиться? А еще я произвольно все время думал

о Кириной родинке. Я ее давно заметил. Сначала мне показалось, что это татуировка, настолько четкий и определенный рисунок являла она собой.

«Доброго дня, Part. Ты сам-то хоть понимаешь, за что борьба? Стоит ли она такого напряжения сил и погибших? Каковы трофеи в этой войне? Если понимаешь, намекни мне. Если нет, давай попробуем вместе разобраться (насколько это возможно) и решить этот вопрос. Твои замаскированные учителя и их ученики добились, безусловно, многого. Ситуация сдвинулась. Молодцы, вне сомнений. Я надеюсь, что вся эта кутерьма — не в целях личной выгоды нескольких людей.

Давай все-таки подумаем о встрече. Неизвестно, кому еще доступна наша переписка. Возможно, мы ничего не решим, возможно, мы сделаем хуже. Но, по крайней мере, не будем ждать, что кто-то или что-то наделает непоправимых вещей, увы, некоторые из которых уже произошли. Действовать нужно быстро. Кирилл».

К утру отпустило кисть, и Кира пошла в спортклуб тренироваться с новым тренером.

А вечером позвонила радостно возбужденная.

— Есть, ура. Я сделала это. Я вспомнила, кто учитель, это Рашид. Никакой он не отшельник. Главврач городской больницы. Когда я была в коме, после падения, он все время сидел у моей кровати. Его сменял только Данил, реже Давид.

— Как ты можешь помнить, если ты была в коме?

— Не знаю, видно я все могу, ура. Я совершенно отчетливо это увидела. А потом я часто встречала его в гостинице, он с нами ужинал. Не раз, и не два. Это он. А когда я навещала «поломанного» Данила после аварии в клинике, он там тоже был. Оба раза.

«Трофеи — это реальность взамен иллюзий. Вместо «майи» обрести реальную реальность, если она существует. Я не знаю. Но думаю, ближайший трофей — это она, в смысле Кира. А что касается встречи, то это гораздо сложнее осуществить, чем ты думаешь, если только этого не захочет Учитель. Учитель вообще против каких бы то ни было переговоров. Кроме того, я не уверен, что уже готов с тобой встретиться, и не представляю, что мы можем решить. Встреча с тобой, возможно, — это предательство остальных, в том числе и Давида. Я не знаю, кто я, и как должен действовать и должен ли действовать вообще. Я ничего не знаю. А что касается нашей переписки, не волнуйся — ее никто не просматривает — я тоже кое-что могу и умею. А еще Учитель говорит, что Давид живет в ней благодаря Силе, которая поддерживает любую жизнь внутри нее. И если существует хоть один шанс, я должен попытаться его использовать. А с другой стороны, я никогда не прощу себе, если с ней произойдет что-либо нехорошее. Не знаю. Из меня плохой враг и никудышный соратник... Part.»

Меня взбесил такой ответ Данила. Киру убивают, а он — ни рыба ни мясо. Может только о своей любви писать. Ну сделай хоть что-нибудь! Ладно, спокойствие и только спокойствие, мы еще живы. Это мне здесь легко рассуждать, может для него подвиг — просто со мной переписываться.

Мандариновая долька, которая не давала возможности закрыть саркофаг, поглощала массу моего времени и внимания. Сколько я не пытался ее вытащить, результат был нулевой. Наконец я решил подойти к этому вопросу более серьезно. Целый вечер и полночи я провалялся у себя на диване, рассматривая саркофаг, цветок и дольку. Наконец до меня дошло.

Мандариновая долька совсем не внешний предмет, это часть цветка, которую он выставил наружу, когда учитель сдвинул крышку. А я, стараясь вынуть предмет, еще и помогаю этой каше быстрее свариться. Меня пробрал холодный озноб, который удвоил мое внимание, и я за несколько минут смог впихнуть дольку в саркофаг. Хлоп, крышка беззвучно стала на место. А я в холодном поту пошел на кухню варить кофе, чтобы успокоиться.

Глава 10

Высказывание о том, что повернута какая-то октава, могло означать, что некое дело, которое было начато для достижения определенного результата, сейчас развивается таким образом, что результат, если таковой будет достигнут, окажется обратным задуманному. Дед Георгий придерживался в своей философии концепции, что все в природе развивается по закону октав, и учил пользоваться этим законом Киру и Сандро. Кира не пользовалась. И никогда серьезно об этом не задумывалась. То, что она делала, давалось ей легко, без каких бы то ни было усилий. Но теорию знала хорошо. И поэтому она сразу поняла, что дед предупреждает о том, что что-то идет не так, возможно, развивается опасно для Киры, но что именно понять невозможно. Кириллу закон октав был неизвестен, и он попросил Киру рассказать ему, в чем суть. Не вопрос. Но, глядя, как Кирилл округляет глаза и раздувает щеки во время ее короткой лекции, решила дать почитать ему свои записи, сделанные со слов деда Георгия много лет назад. По поводу единства было более-менее понятно. Дед Георгий говорил Кире, что в ней живет Сила, обладающая собственным сознанием. Эта Сила защищает Киру от всех напастей, но действует согласно своей логике. И чтобы Сила в стремлении сохранить Кирину жизнь не навредила Кире, нужно ее все время чувствовать, держать с ней связь, быть с ней одним целым. Что дальше в записке речь идет о Кирилле, для нее было

очевидно. Но откуда дед знает про Кирилла? Вопрос. Может, он в курсе ее жизни, как та старая гадалка с вулканического острова Тенерифе?

Когда Кира была на Тенерифе в последний раз, она спасла от полиции негра, который делал отдыхающим массаж на пляже. Тенерифе находится близко к берегам Северо-Западной Африки, и оттуда приплывают на заработки негры без виз и каких-либо документов, ну и, естественно, скрываются от местной полиции — своеобразное развлечение для туристов. Полиция на мотоциклах гоняется за неграми, а остальные помогают либо полиции, либо чернокожим. Кира помогала чернокожим.

Спасенный негр так расчувствовался, что отвел Киру к слепой негритянской гадалке. А гадалка эта сообщила Кире, что если она хочет жить, то должна найти мужчину (негритянка называла его воином), который защитит Киру. Для этого Кира должна была совершить последовательность неких действий, которые Кира, вернувшись в Москву почему-то, недолго думая, совершила, хотя нисколько не поверила этой подозрительной негритянке. Результатом этих действий явился Кирилл. Самым удивительным и обескураживающим было то, что гадалка сообщила, что именно Кирилл должен сказать при первой встрече, и он это сказал — слово в слово. Кира старалась не думать об этом и не делать никаких выводов, а если получится, то вообще забыть — к жизненным странностям она привыкла и по мере возможности не обращала на них внимания. Но сейчас записка деда Георгия заставила ее вспомнить этот эпизод и задуматься. Но думала Кира недолго — вывалила всю информацию на Кирилла — раз он воин, который ее защищает, да еще и такой известный в определенных узких кругах — пусть он и думает.

И Кирилл задумался. Вообще все происходящее заметно влияло на Кирилла. Он изменялся, что Киру чрезвычайно радовало. Уже не говоря о том, что он становился нежнее и заботливее, менялись его взгляды, мысли и то, что внутри. Очень глубоко внутри. Изменения были едва заметны, но то, что они были, не вызывало никаких сомнений. Кира любила изменения. Сама она менялась постоянно, впитывая все новое, необычное, не концентрируясь на нем и не делая оценок, а просто принимая и впуская в себя, по необходимости видоизменяясь, чтобы вместить; она все время училась и развивалась, и за время своего пути успела так измениться, что стала похожа на себя прежнюю меньше, чем были на нее похожи другие.

Выйдя из задумчивости, Кирилл попросил Киру узнать у мамы, остались ли в живых друзья ее деда и деда Георгия, что опять зародило в Кириной душе сомнение, что Кирилл знает больше, чем говорит. «Значит так надо. Просто не хочет меня расстраивать», — промелькнуло в голове и сразу успокоило. Друг нашелся только один. Жив он или нет, мама не знала — дала телефон и e-mail, сообщила, что живет где-то в Калифорнии, зовется Муслимом.

Звонить Муслиму Кирилл не решился, но написал письмо, и вскоре получил ответ. У них завязалась переписка, в подробности которой Кирилл не вдавался в разговорах с Кирой, а она и не настаивала. Общение Муслима и Кирилла приобрело настолько доверительные нотки, что спустя какое-то время Кирилл сказал Кире, что летит к Муслиму. В Калифорнию. Один. Без Киры. Так надо.

Надо так надо. Кира уже научилась принимать все решения Кирилла, сильно не заводясь, не выплескиваясь и не выворачиваясь наизнанку непо-

ниманием и недоверием. Ее жизнь — теперь его жизнь.

Кроме того, внутри у Киры начинались какие-то новые процессы. Она чувствовала движение, что-то либо зарождалось, либо умирало, рвалось наружу, или боролось со своим собственным прошлым. На физиологическом уровне Кира теряла сознание, на нее накатывала тупая слабость и нежелание что-либо делать. Иногда ей казалось, что в глубине ее существа кто-то шевелится, кого-то зовут, о чем-то просят, в общем, кто-то живет своей жизнью. Кира обычно отмахивалась от этих странных ощущений, пыталась не обращать внимания, абстрагироваться и думать о хорошем. Порой получалось... Но когда о хорошем думать не было никакой возможности, дыхание перехватывало, тело разрывалось, а сознание кипело, — она погружалась в себя, так глубоко в себя, куда ныряют, и откуда не возвращаются, в надежде встретить, увидеть, понять и, может быть, и принять того, кто там сидит и уже основательно мешает ей жить. Но каждый раз, когда она, казалось, натыкалась на что-то и начинала чувствовать присутствие, какая-то сила мешала ей, и прогоняла ее, переключая ее внимание, давя и опрокидывая сознание. Однажды Кире даже как будто удалось увидеть ее лицо... Лицо было Кирино. Только не такое, как сейчас, а такое, какое у Киры было в детстве, лет в шесть, шкодливое и любопытное. Причем лицо это было закреплено на длинной извивающейся шее или ноге, постоянно изменялось, надевая свои детские гримасы, и просило Киру не соваться и не переживать, что оно само справится, а Кира только мешает. Жуть! Недолго мучаясь, Кира решила, что ей все это привиделось из-за плохого самочувствия. А потом и вовсе она решила, что просто заснула и сон увидела. В тему.

— Проходи, проходи, Кирочка, — засуетился дед Георгий, когда Кира показала в дверях. — Вот, знакомься — Владимир Вольтерович...

Навстречу Кире поднялся худой, высокий и совершенно лысый мужчина с добрыми глазами под очками, полными губами и все время меняющимся выражением лица. Создавалось впечатление, что лицо двигалось само по себе и даже как будто меняло свой цвет в такт этому движению.

— Можно просто дядя Володя, — бодро сказал он, протягивая Кире руку.

— Ну какой же ты дядя, посмотри на себя... Джинсы нацепил... — он махнул рукой. — Вы с Киркой, как близнецы — оба в джинсах, оба в майках... Это что, сейчас мода такая — в майках по улицам ходить?

— Это не майка, дядя Георгий, это футболка, — Кира снисходительно хихикнула.

— Ну правильно, футболка. В ней надо в футбол играть, а не по улицам бегать. Вы бы еще голыми ходили... Так что ты, Володя, до дяди еще не дорос, даром, что лысый.

— Я бритый...

— Ну, я и говорю, что лысый... А Кира у нас, между прочим, уже взрослая. Какой ты ей дядька? Она в этом году школу заканчивает.

— А... Ту, что за решеткой? — живое лицо ожило еще больше.

— Типун тебе на язык. Что ты такое говоришь? Очень хороший интернат. И делают они там, что хотят. Любой позавидует.

— Ну да, конечно, что хотят... Я слышал, у них там даже есть секта... — Лицо, живущее своей жизнью, смеялось.

— Какая там секта, Володька? Что ты несешь? Группа там, они ушу занимаются... Кира, а ты чего молчишь? Расскажи этому невежде про вашу школу.

— А что рассказывать? — Кира пожала плечами. — Школа как школа. Интернат. Там хорошо. Мне нравится.

— Ты ему про секцию ушу расскажи.

— Ну, есть секция. Ушу там занимаются. Но принимают не всех. Туда что-то типа экзамена сдать надо... Только правильно Владимир...Вольтерович говорит. Секта она и есть секта. Под видом секции ушу...

— Кирочка, и ты туда же...

— Ну да. Сами просили рассказывать, — Кира надула губы. — Я занималась там ушу, медитацией, поисками пути и истины, ну и иже с ними. Давно, правда, уже... Меня выгнали. Я не подходила. Я им там все перебалаламутила. Они перепугались и на дверь мне указали. — Кира посмотрела на деда. — А Сандро до сих пор туда ходит. Вы у него спросите. — Она хитро прищурилась.

— Ладно, спросим, — дед оскалился. — Вот, Володька, видишь, какая она у нас сложная девушка. Говорит — не думает. Может, ты ей объяснишь, что можно говорить, а что нельзя.

— Да ладно, Георгий, все она прекрасно понимает и знает, кому и что говорить. Правда, Кира?

— Ну да.

— И хорошо, раз «ну да», — дед поднялся и направился к двери. — Общайтесь. Ты просил тебя с Киркой познакомить, получи. Только смотри, чтобы она тебя ненароком не проглотила.

— А может?

— Запросто. И не заметит... — Дед вышел и плотно закрыл за собой дверь.

— Ну, будем знакомы, зови меня Владимиром. — Он еще раз протянул Кире руку.

— Зачем? — Кира плюхнулась в кресло.

— Что зачем?

— Зачем звать? Мне и без вас неплохо. Было. И, надеюсь, будет всегда. Так что мне вас звать не придется. А вот если я вам нужна... Вот тогда вы можете попробовать звать меня Кирой.

— Ладно, идет.

— Ну, и зачем я вам понадобилась?

— Много слышал о тебе, хотел познакомиться.

— Познакомились?

— Ну да.

— Теперь все? Я могу идти?

— Можешь. Но можешь и остаться.

— Зачем?

— Чтобы послушать, что я тебе скажу. Я завтра уезжаю. И у тебя не будет больше возможности со мной поговорить. В ближайшее время, по крайней мере.

— Ну и не надо, — она встала и направилась к двери. Но что-то внутри повернулось, дернулось и заставило Киру остановиться. Она обернулась. — А куда уезжаете?

— В Штаты. Я живу там, где ты провела детство. Не помнишь меня?

— Нет, не помню.

— Хотя, ты и не должна. Я тогда в университете учился и приезжал редко. Я племянник Гоги. Гогу помнишь?

Гогу Кира помнила. Она вспомнила и долгового молодого человека, который приезжал иногда к ним погостить. Они ходили на рыбалку, и Кира отпускала назад в воду рыбу, которую он ловил...

— Помню.

— Ну вот, — Владимир облегченно вздохнул. — Тебе привет от Гоги, от Артема и от Муслима. Они все живы, здоровы и очень просили повидать тебя. Это друзья твоего деда Ивана.

— Я его никогда не видела, — спрятав иголки, сказала Кира. — Он умер, когда я родилась. А друзей его помню, правда плохо. Я тогда маленькая была. Но все равно спасибо, — уже совсем добродушно сказала Кира. — И им всем привет.

— Передам обязательно. Как тебе здесь живется? Никто не обижает?

Кира стрельнула в него глазами.

— Ну да, обижать тебя себе дороже... Как учеба, как родители? Ну и вообще...

— С учебой нормально. Заканчиваю с медалью, — сказала Кира и почему-то сама застеснялась того, что сказала. Как-то это не модно и не современно — учиться на отлично. Ну, вылетело, так вылетело... — Уродителей вроде тоже все нормально. По крайней мере, когда я их видела в последний раз, они цвели и пахли.

— Хорошо пахли?

— Наверно, я не очень разбираюсь в запахах... Сильно пахли... Дорого...

— А когда был последний раз?

— Летом. Мы с папой летали на Кубу, а потом с мамой отдыхали в Сочи.

— Понятно... И с тех пор не виделись?

— Нет, по телефону только...

— А как Георгий? Не очень тебя напрягает?

— Нет. Он хороший и добрый. Я его люблю... Он меня учит всему. Учит держаться границ, не выходить за рамки... Главное — поймать баланс. Это очень интересно. Еще учит побеждать страх. Но у меня пока не получается.

— Это хорошо, что учит. Научишься не бояться, научишься всему. Но знаешь, и здесь нужно поймать баланс, как ты говоришь. Хотя страх и является врагом, он единственное, что способно закалить дух.

— Как же так?

— Все так. И об этом нужно всегда помнить. Все состоит из противоречий. Все будет так, как будет, и мы ничего не можем с этим поделать, но с другой стороны, если мы хотим, чтобы так было, нужно все делать для этого. Ты очень сильна и находишься под защитой. Но чтобы эта защита работала, а сила твоя тебе помогала, а не доставляла одни неприятности, ты сама должна быть активной в этом направлении, постоянно работать над собой и быть предельно внимательной.

— И вы туда же. Да заберите вы вашу силу. Не нужна она мне, — зашипела Кира. — Не хочу так. Хочу, как все. Просто жить...

— Во-первых, успокойся. А во-вторых, поверь мне, просто жить не очень интересно.

— То есть быть здоровым и счастливым не интересно. А быть больным, и постоянно контролировать свою болезнь, не имея шансов выздороветь — интересно?

— Именно. Хотя я не называл бы это болезнью... Это... Это движение, если хочешь, — активное состояние. Сила — это то, что прямо или косвенно сообщает движение нам самим или другим телам, то есть обнаруживает в себе активное состояние, ту самую жизнь, к которой ты так стремишься. А материя, ведь счастье твое — это тоже определенное состояние материи, так вот, она оказывает сопротивление движению, обнаруживая, таким образом, пассивное состояние, то есть застой, смерть.

— Тогда я выбираю смерть.

— Смерть сама выбирает. Тебе придется подождать. Только будь готова, что это ожидание может стать вечностью...

— А если я все-таки умру, я смогу победить вечность?

— Не знаю, только я на твоём бы месте занялся чем-нибудь более интересным, чем поисками смерти.

— Тогда я именно этим и займусь. Я же не вы. Ура! Я нашла себе занятие. Быть счастливой не получается. Что ж, попробую стать мертвой.

— А ты, действительно, противная девчонка, — он засмеялся. — Думаю, ты все же способна сделать правильные выводы из нашего разговора. Потом, когда я уйду и тебе не перед кем будет выпендриваться. Мне пора, к сожалению. Рад был с тобой познакомиться.

Дверь бесшумно открылась.

— Такси у подъезда, — сказал дед Георгий, протягивая Владимиру небольшую спортивную сумку. — Вижу, она тебя не съела. Прими мои поздравления.

— Даже и не пыталась, — Владимир подмигнул Кире, которая с трудом сдерживала слезы.

«Доброго дня, Part.

Это мое последнее письмо, но об этом ниже.

Я полностью разочарован, но и об этом ниже. Сначала комментарии к письму.

Реальность есть вокруг нас, независимо ни от чего. А иллюзии — у нас в голове.

Посланник — он что, чистильщик мозгов? Ну да ладно, это схоластика. Вы меня запутать хотите или сами полностью запутались в элементарных вещах.

Кира для вас трофеи? Вы шутите. Здесь никто, кроме вас, не воюет. К тому же теперь она вами так запугана, что умрет, но вам не сдастся. Учитель не хочет переговоров? Ну и ладно. Фиг с ним. Войте дальше. Я не до конца уверен, но думаю, что договориться о совместных действиях (вместе с Кирой) можно было бы за полчаса. А не затевать театраль-

зованные представления, слежку, прослушивания с большим отрицательным результатом. И это вместо получасовых переговоров (приятных). Если бы Давид сразу мне рассказал о ваших целях (о которых я и теперь только частично догадываюсь), а не три месяца мы переписывались бы за гранью абсурда, возможно, я бы привез ее к вам добровольно и с интересом с ее стороны. Если сейчас у нее забрать ту силу, которая что-то там может быть и закрывает, Кира, скорее всего, умрет и если внутри у нее есть Давид (я уверен, что это не так), то они умрут вместе.

Я разочарован в вашей закрытости. Из-за этого не вижу смысла в нашей дальнейшей переписке. Благодарю за предоставленную информацию. Жаль.

Я сильно расстроен из-за идиотизма ситуации. Вы не хотите союзников, ну что ж, воюйте с друзьями. Тем не менее, удачи. С уважением, Кирилл».

«Я оценил твой порыв. Да и ты прав, наверно. Только зря ты думаешь, что Давида послал Учитель. Учитель был против любых контактов с ней. Он хотел, чтобы она оказалась в клинике, но когда она там оказалась, навещая меня, произошла какая-то роковая цепь случайностей, которые не позволили ее задержать, а дальше, как во сне — она все время уходила из расставленных ловушек. А Давид действительно был в нее безумно влюблен, и он ненавидел то, что в ней, и все время пытался активизировать Силу, чтобы она уже наверняка убила посланника. Он называл его чудовищем, и от нее бы тогда отстали все искатели «счастья», на которое ему было наплевать. Он просто хотел быть с ней, злился и пребывал в отчаянии из-за ее безразличия и из-за того, что она была нужна Учителю, которого он боготворил. Я тоже ее люблю, но как-то отрешенно, знаешь,

как произведение искусства, я точно знаю, что она никогда не будет со мной, но мне все равно, моя любовь абсолютно бескорыстна. А Давид хотел ее всю и ужасно ревновал ко всем, и особенно к тебе. И он действительно хотел ее убить, причем убить ритуально и изощренно, чтобы она не досталась никому, в том числе и Учителю. Он действительно потерял рассудок из-за этой любви, которая перешла за десять лет в болезнь. Ему даже стало наплевать на Учителя. Последнее время он нес полную отсебятину. Так что я думаю, что если бы его убила не она, это сделал бы Учитель. Давид был обречен по-любому. Я даже рад, что это сделала она. Давиду это было, наверно, приятнее. Я прекрасно понимаю, что это был единственный выход. Когда я приезжал к нему, я понял, что это конец — он был абсолютно невменяем. Кроме того, последнее время он сильно злоупотреблял различными стимуляторами, освобождающими сознание. А они хуже наркотиков. Я говорю сумбурно и, наверно, не очень убедительно. Но, знаешь, что я понял, наблюдая за всей этой ситуацией? Судя по всему, все, кто гоняются за посланником, входя с ней в контакт, теряют голову от нее чисто по-человечески, и посланник становится уже не так интересен, как она сама. Вот механизм действия Силы. Все очень просто. Я, конечно, могу ошибаться. А что касается нашей встречи, то я имел в виду, что не принадлежу себе и для меня сложно, почти невозможно войти с тобой в контакт, чтобы этого не заметил Учитель. Вот и все. Извини и удачи тебе. Part».

Хотя мы и отбились, я не сомневался, что можно действовать более эффективно. «Обратная сторона» усиливала свое влияние, а мои методы защиты стояли на месте и могли оказаться несостоятельными в лю-

бой момент. Кира раньше уже говорила мне (но я не слушал), что пустота должна действовать особенно, а не так, как другие. Тогда я не придал значения ее словам, потому что не ощущал себя пустотой. Сегодня вечером, ужиная в кафе, я еще раз попросил Киру вернуться к этому вопросу.

— Пустота, а ты являешься активной пустотой, должна действовать исходя из своих качеств, — Кира отложила вилку с ножом. — С одной стороны, пустота — это вроде как пустое место, с другой — она бесконечна и все время накапливается за счет непустоты. При этом, оставаясь пустотой, начинает приобретать массу — особенную пустотную массу, почти как черная дыра, с коэффициентом корня квадратного из минус единицы... — Кира недоверчиво на меня посмотрела. — Впрочем, не бери в голову, это не важно, как получается... Важно, что из этого следует, а следует то, что пустота убивает поглощением. Она не может наносить удары силой, у нее нет силы, у нее ничего нет, кроме ее самой. Она засасывает. Как болото. И продолжает оставаться все той же пустотой, только уже чуть большей массы. В общем, ей это на пользу. — Она вопросительно и немного с издевкой посмотрела на меня. — Между прочим, я это уже тебе говорила...

— Хорошо, хорошо. — Я задумался. Кажется, до меня начало доходить, что я делал неправильно. — Я буду думать.

— Поздно. Все уже хорошо.

— Хорошо, если хорошо. — Я был уверен в обратном, но не хотел об этом говорить. — Кстати, ты не спрашивала у мамы о старых знакомых, адрес когонибудь нашелся?

— Совсем забыла тебе сказать. Мама отыскала телефон и адрес какого-то Муслима. Он с дедом моим

химичил. Но только он в Америке живет... В Калифорнии. Даже e-mail есть, но неизвестно, действующий ли... — внутреннее ликование отобразилось на моем лице. — Особенно не надейся... — она попыталась меня охладить.

Ночью я сам атаковал зеленую звездочку. И серую рядом с ней. Внешне это выглядело так, как будто бы я просто лег спать. Разделся, плотно задернул шторы, поправил простыню, выключил свет и прыгнул в кровать. Расслабил все тело. Начал, как обычно, со стопы правой ноги, представляя, что по ней не проходят нервные импульсы, потом голень, бедро, вторая нога. Я делал это привычно и быстро. Когда все тело было расслабленно, я начал действовать по своему плану, сначала больше для пробы, а потом увлекся. Не хотите переговоров, их и не будет. Я поглощал. Если что-то не хотело поглощаться, я менял уровень зрения и видел его как комплекс из множества мелких вихрей. Я поглощал один маленький вихрь за другим. Часа через два зеленая звезда погасла. Я перешел к серой. Серая не давала раскручивать свои вихри, сопротивлялась, но понемногу дело двигалось. Все же я не доделал начатое. Меня затошнило. Внимание ослабло. Серая звездочка потемнела, сделалась почти невидимой, я часто терял ее из виду. Я и так плохо вижу во внутреннем пространстве, как будто у меня зрение плюс или минус десять, а тут еще нужно было находить черное на черном.

Утром состояние было тяжелым, но на тренировку я все же поехал. Легко потренировался через тошноту и слабость, завтракать не стал, и сразу отправился в офис, где, вспоминая все правила грамматики, — хотелось блеснуть знаниями — написал письмо Муслиму в Америку. Несколько раз перечитал его и ос-

тался доволен. В письме я указал телефон Киры, на всякий случай, не знаю точно, зачем.

Когда на следующий день получил ответ, меня от радости даже на полчаса тошнить перестало.

«Милый мой мальчик!

Ты ведь русский, а пишешь на языке (которым, между нами, владеешь не очень) этой никчемной страны. Думаешь, я забыл русский? Я с удовольствием пообщаюсь на языке, на котором здесь со мной не говорит ни одна собака. Так что излагай. Я раньше ждал чего-либо в таком духе, но сейчас отошел от дел и давно перестал трахать мозги себе и окружающим.

Предпочитаю трахать девочек, пока трахается.

Кирочку помню очень хорошо. Бедный ребенок. Думаю, все бесполезно... Но готов помочь, чем смогу. Информация? Легко. Если ответишь на пару вопросов. Боюсь, только информация не сильно поможет. Скажи мне, мой милый друг, как Кирочку звали в детстве, не прозвище, а имя, и почему. И вышли мне, пожалуйста, фотографическое изображение, где ты вместе с ней, и ее фоточку где-то между тремя и семью годами. Ну и тогда задавай любые вопросы.

И еще. По телефону позвонил. Услышал Кирочкин голос. Похоже... Нетерпение. Напор. Презрение. Сила. Только вот поговорить не смог. У меня, видишь ли, проблемы с речью. Нет, не думай, я не дряхлый старик, тебе еще фору дам. Просто недавно приземлился неудачно, парашют не раскрылся, в смысле раскрылся поздно, вернее я раскрыл поздно. Играю с жизнью в свои игры... В общем, был парализован, а сейчас мышцы лица не очень слушаются. Ну да хрен с ними. Девушки и такого любят. Или что там они любят? Деньги, положение, подарки? Ну и черт с ними. Пусть. Мне все равно. Только вот говорю с тру-

дом, понимают только близкие. Да и то больше по губам. Мычу, шепчу, губки вытягиваю трубочкой... Вот так, милый мальчик.

Привет Кирочке. Муслим».

Хотя уже было поздно, набрал Кире.

— У меня для тебя хорошая новость.

— А у меня две. Одна хорошая, а вторая ужасная.

С какой начинать?

— С ужасной, — внутри похолодело.

— Мне недавно кто-то звонил. И шипел. Жутко шипел и завывал. И мне даже показалось, что он или оно старалось шипеть мое имя. Я чуть не умерла... Ты чего ржешь, как лошадь, знаешь, как страшно? Кирилл, ты может быть серьезным? Это было что-то жуткое.

— Ладно, ладно извини. Я только что получил письмо от Муслима, это он звонил. Просто он разбился на парашюте и теперь может только так разговаривать.

— Ничего себе разговаривать, — и Кира начала нежно ворчать.

— Хорошо, хорошо. С ужасной новостью разобрались, какая вторая?

— Звонил Данил. Сказал, что у них что-то ночью произошло. Кто-то умер, учитель еле живой уполз в горы, непонятно, то ли умирать, то ли лечиться. Вот так, пусть знают, что нас лучше не трогать. Видишь, все само собой решается.

— Да, пусть знают, — сказал я, понимая теперь, почему меня тошнит. — У тебя есть твоя детская фотка, хоть одна?

— Да, есть. Но на бумаге в альбоме.

— Очень хорошо. Отсканируй срочно и пришли мне. Кстати, а как тебя звали в детстве?

«Доброго дня, Муслим.

Я очень рад, что вы откликнулись.

Да, мой английский хромает. Кира учит меня по мере сил, возможно, через какое-то время будет немного лучше.

В детстве Киру звали Киа, поскольку американцы «Р» не выговаривали.

Фотографии в приложении. Надеюсь, они удовлетворяют вас. Если нет, сегодня же заеду к Кире и сделаю другие. (Я немного спешу из-за критичности нашего положения).

Дед Киры, Иван, что-то сделал с Кирой до ее рождения. После, как вам известно, его больше не видели. Очень нужна информация, «что» и «зачем»?

У нас ситуация развивается стремительно. Группа людей, обладающих оккультными знаниями и большими финансовыми возможностями, делает попытки забрать Киру к себе, не совсем понятно для чего. Было несколько попыток похищения. Кроме этого, они воздействуют на расстоянии, пытаясь то сделать ей хуже, то оторвать то, что, судя по всему, дал ей дед Иван. Кира играла в свои игры с жизнью (каталась на сноуборде по горам) и теперь у нее сломан позвоночный столб. Думали, что она не выживет, но сейчас бежит, как новая. Похоже, сила от деда Ивана держит ее в этой жизни. Как только силу хоть на немного отщепляют от нее, Кира становится полностью больной. Во-вторых, что-то внутри нее проснулось и, похоже, началась борьба между частями внутри Киры.

Таким образом, у нас здесь в Москве свои развлечения, которые не дают нам скучать.

Буду благодарен за любую информацию.

Передал Кире от вас привет. Она очень обрадовалась. Вы близки по духу в своих экстремальных проявлениях. Кирилл».

«А вот я не очень рад. У меня, к сожалению (или к счастью, хрен его разберет), нет той силы, кото-

рая защищает. Так что в моих интересах рассказать вам, ребята, что знаю, вернее, что помню, и у каждого своя дорога. Я пожить бы еще не отказался.

Ладно, не кисни. Возможно, все не так плохо. Вещать буду тезисно, а ты уточняй, что нужно. Иначе будем двигаться долго. Ведь ты спешишь? Кстати, в таком деле нет ничего хуже спешки. А если учесть что времени этого, будь оно вашу маму трижды, нет как такового, то спешка, милый мальчик, вообще абсурдна. Но поскольку у нас-то, у невежд, время все-таки есть (припрятали сукины дети), то придется спешить.

Итак,

1. *Киа* — результат многовекового, но неудавшегося эксперимента различных гуру от парапсихологии. Это с одной стороны.

2. С другой, в ней находится сущность, будь она неладна (большой вопрос, на самом деле, находится ли), которая, выпусти ее наружу, эту бомбу для убогих, разнесет здесь все к чертовой матери (мало не покажется), но сама вероятность, подтвержденная, кстати, некоторыми фактами, является настолько нежелательной, что в свое время были приняты меры для безопасной работы этого ядерного реактора, который, насколько я понимаю, дымит сейчас у тебя под носом, милый друг.

3. *Иван* отдал ей всю силу, копившуюся многими поколениями посвященных, для сдерживания и управления этой сущностью. Когда *Киа* была маленькой, сущность, наверно, бездействовала в ней (если она вообще там есть), поскольку видна была только ее бьющая неуправляемым фонтаном глупая детская сила, которой, судя по всему, нечем было заняться. Стоило ей рассердиться или заплакать, вокруг поднималась буря. Очень смешно, как в ужастике. Отец

ее так вообще мечтал от нее избавиться. Говорил, что в ней дьявол.

4. Кроме того, Иван сбил дату ее рождения, чтобы сложнее было ее найти. Более того, он просил нас после ее рождения удалить ей родинки на теле. Но это бесполезно. Они проявляются снова.

5. Сущность и сила должны находиться в постоянном противодействии и не проявляться по отдельности, как в детстве. Пока внутри у Киры все уравновешено, проблем быть не должно.

6. И сущность, и сила являются сами по себе и вместе взятые невероятным лакомым куском для определенных лиц и обществ, которые, вероятно, уже вычислили их местонахождение, как Иван не шифровался.

7. По этой причине Киа была еще к тому же и метапрограммирована по судьбе, т.е. на человеческом языке это значит, что ей должно чертовски везти, если что-то будет угрожать ее жизни. А именно, она притягивает к себе все, что способствует ее выживанию, будь то люди или обстоятельства. Если сильно рушатся причинно-следственные связи, то за счет выживания Киы, люди вокруг могутдохнуть, как мухи (хороша моя перспективка), если, конечно, они сами не запрограммированы. Как это все работает, и работает ли в Киином случае, не знаю. Скорей всего, работает, если она до сих пор жива.

8. Силу можно лишить сущности — получится сверхчеловек, или типа того, ну точно, конечно, не знаю, что получится. Сила обостряет понимание, способности, видение и проч.

9. Сущность нельзя оставлять без силы. Она из другого мира. Она сначала убьет Киу, чтобы проявиться или полностью завладеет ей. А потом... Никто не знает, что потом. Те, кто хотят полу-

чить Киу, или не знают, какая бомба у нее внутри, или знают больше меня и Ивана (что вряд ли), или сильно заблуждаются. Возможно, они (чисто теоретически) и могут получить то, что ищут, но только если останутся живы.

10. Я далеко не уверен, что дело обстоит именно так. Но так считал Иван. Но он тоже мог ошибаться. Никто точно не знает, что там у нее внутри. Может, там что-то зашибенной красоты и смысла.

А Киа совсем не изменилась. Я очень хорошо ее помню, этакий бесенок, метаящий молнии. Расскажи мне о ней. Если она живет, радуется и печалится, чем-то увлекается, а не крушит и рушит все вокруг, значит внутри у нее равновесие и все нормально. Поведай мне, старому дурню, про это чудо природы.

А если сейчас создается впечатление, что что-то проснулось, это может быть только из-за того, что кто-то или что-то стало сдерживать или забирать силу. Это очень плохо. В такие моменты, по идее, должна включаться программа выживания по судьбе Киы и силы. Сила должна защищаться. А там кто знает.

Пока все.

Не кашляй. Муслим».

«Доброго дня, Муслим.

Опасность ситуации, в которой мы находимся, не смогла помешать мне насладиться стилем и слогом вашего письма. Bravo и спасибо.

Ниже мои вопросы и комментарии к вашему письму.

1. В чем смысл эксперимента с Киой? Когда эксперимент будет закончен? Со смертью Киы, или это тоже будет еще не конец?

2. В Кие есть какая-то сущность. Сравнительно недавно она или сама проснулась, или ее разбудили.

Ее попытки вылезти наружу нас несколько озадачивают. Наши оппоненты, по косвенным данным от них, считают эту сущность посланником с Сириуса.

3. —

4. *Надо было предупредить каким-то образом Кирочку или вложить в ее детскую голову не болтать лишнего. Она сама по достижению половозрелости бросилась делиться знаниями (которые сама не знает, откуда у нее) и наставлять на путь кого попало. По родинкам ее кстати (вернее, некстати — тоже вычислили). Кого с этими родинками ждут? Что за мессию?*

5. *Проблемы появились со стороны.*

6. *Иван шифровался, а Кира наоборот.*

7. *Да, похоже, сила Киы работает. Теперь я начинаю понимать, откуда эти невероятные совпадения, происходящие в последнее время с ней (или с нами). Я, который никогда не верил во всю эту чепуху, приютил Киру, как котенка, за которым гонятся собаки, и теперь у меня руль, а Кирюша расслабленно гуляет у меня по квартире и трется об ноги. Она очень беспечно ведет себя. После каждого нового события (чуть ли не катастрофы), она уже на следующий день заявляет, что можно бросить быть внимательным и зажить дальше разгильдяйской жизнью.*

8. *Каким образом это можно сделать?*

9. *Они, собственно, пытаются отделить одно от другого, такие-сякие. Но что они ищут? Для меня этот вопрос ключевой.*

10. *То, что я видел, это типа розового растения с длинным стеблем и единственным цветком, а на цветке глаз. Это показывает свою головку, когда сила сдвигается с Киры. Отбиваться от врагов это полбеда, может быть, и выживем, хотя с каждым днем все сложнее. Но что делать с этим внутренним*

строением ребенка (она право ребенок во многих смыслах)? Давать цветку (?) раскрыться или наоборот? Задача, однако.

Чуду природы надоело быть чудом. Захотелось стать обычной. Дала мне руль своей жизни. Говорит — рули, что скажешь, то я и буду делать. А сама отдыхает. Я понимаю, что это уловка, до поры до времени, ну да ладно, пусть отдыхает. Учю (а что делать, раз просит, никогда не хотел быть учителем) общаться, вести себя. Познакомил ее с альтернативной музыкой, теперь ходим на концерты (ей ближе всего авангард). Она много и хорошо рисовала сама, теперь начал приобщать Киру к фотографии. Пока толком ничего не получается, но ей интересно. Начала тренироваться с тренером по фитнесу. Временами капризничает очень сильно, с топаньем ногами, со слезами, с выкриками. Мне становится страшно за людей, кто в этом повинен. Учит меня английскому с удивительным терпением. Не хочет больше слышать об оккультизме и иже с ним. Но приходится, так как «друзья» вздохнуть не дают. Кирилл».

«Не подлизывайся, я и так весь ваш. Спасибо за фотографии. Получил удовольствие. Кирочка великолепно выглядит. Выражение лица ничуть не изменилось. Да и вообще она, надо признать, совсем не поменялась. Ребенок ребенком. Хулиганка? Береги ее. Будь с ней помягче. Нелегко в себе носить то, что она носит, да еще при этом оставаться такой хорошенькой. А ты, как будто, еще чем-то недоволен. Шучу, старый хрен. Сквозит в твоей речи что-то... Понять не могу что. Сдержанный ты. Я, наверное, с ума сошел бы от счастья, от осознания этой бесконечности, которая моя (она ведь сейчас твоя?), в моих руках, да еще и рулить дала. Что с тобой, милый мальчик? Чему быть. А пока живи, наслаждайся,

пользуйся моментом, пока он твой. Об ноги, говоришь, трется? Так что может быть желаннее?

Ладно, ваше дело молодое. Влезать не буду.

Теперь по сути. Смотри по пунктам.

1. Суть — сверхчеловек, в котором активизирована работа правого полушария со всеми вытекающими. Эксперимент был закончен еще до рождения Киры, когда поняли, что она станет вместилищем сущности, и еще поняли, что сверхчеловек — это бред, на нашем этапе развития. Но он (эксперимент), судя по всему, самопродолжается...

2. Назвать эту сущность можно как угодно, в том числе и посланником с Сириуса, дери его маму, сущность сущности при этом не поменяет (как завернул, старый хрен). Названия не несут никакого смысла. Что есть Сириус, и что есть посланник? Ищи суть, а не форму.

3. —

4. Ну да, тебя среди нас явно не хватало. Не сомневаюсь, ты бы вложил в ее голову все, что надо. Так оно и должно было случиться. Этому тяжело помешать. Сверхчеловек хочет осчастливить все человечество! А на фигу это счастье ему нужно, если оно за тысячи лет так и осталось стадом баранов. Киа, при всей ошибочности своего создания — человек, так сказать, будущего. С родинками ждут именно его. Посланника, мессию — того, кто укажет путь к освобождению из ада неосознанности, принесет послание посвященным.

5. Это нормально. Если сила работает, она вас выведет.

6. А ты попробуй, поноси в себе бомбу.

7. Хорошо, что работает. Тогда у вас есть шансы. Главное — не мешать. Киина сила обладает самостоятельным сознанием. Ей нужно доверять.

Главное, не дать Кирочке попасть в руки общества или секты. Они аккумулируют силу. Кирина сила огромна, но не бесконечна. И конечно, можно противопоставить ей большую, генерированную группой людей. Вот это будет конец. Или почти конец (всегда есть место чуду).

8. Вопрос интересный, но ответа я, мой милый мальчик, боюсь, не знаю. Я имел в виду, что Кира при этом выживет, да еще и всех нас переживет, а не техническую сторону проблемы. Практически же, сущность, вероятно, можно срыгнуть в энергетическую дыру.

9. Да козлы они. Так такие дела не делаются. А ищут они, так сказать, волшебную палочку, откровение чистого знания, ключ к собственному сознанию, дверь в квантовую многомерную вселенную, что было якобы обещано (черт знает сколько лет тому назад) цивилизацией Сириуса.

10. Цветок, говоришь? Очень интересно. Может, и впрямь там чего путное. В любом случае, люди не готовы это принять. Они извратят все, даже самое прекрасное. Пристроят и приладят это в своих гнусных интересах. Так что пусть он там и дальше остается (у них с силой неплохая компания, поверь мне, вечная борьба, это не самое отстойное развлечение). Когда-нибудь настанет его время, цветочка этого. Можно, однако, попытаться заглянуть в его розовый глаз. Пока не знаю как.

В любом случае, будьте внимательны. Искатели истины так просто не сдадутся. Но!

Кира должна уметь смещать и совмещать реальности. По крайней мере, у нее все для этого есть внутри. Можно попытаться сместить понятие о посланнике. Думаю, сила уже сама работает в этом направлении. Нужно тянуть время и выживать на фи-

зическом уровне. Не заводите новых знакомых, не пускать ее одну в многолюдные места, если, как ты говоришь, она такая беспечная, и вообще старайся по возможности находиться рядом с ней. Кстати, если не секрет, как вы познакомились? Можешь не отвечать на этот вопрос. Только если это произошло в тот момент, когда за ней стали охотиться, или чуть раньше, или чуть позже, и при не совсем обычных обстоятельствах, знаешь, как бывает, кожей чувствуешь, что-то не так, едрену вошь, а все равно, идешь на поводу, вроде не хочешь, но все с тобой вдруг начинает случаться, возможно (но не более того) ты запрограммирован, т.е. ее сила тебя нашла сама сознательно. В этом случае у вас еще больше шансов на успех. Но если это так, что-то должно быть в тебе, что привлекло силу. Расскажи немного о себе. Особенно о своих самоощущениях. Если ты к тому же и госэ, т.е. вместилище, и взаимно привлек силу и можешь ее при определенных обстоятельствах вместить, то я вас поздравляю... Но об этом позже. Это слишком было бы хорошо, чтобы быть правдой.

А пока расскажи о себе (самоощущении) и своем отношении (ощущениях) к Кие, и, возможно, я скажу тебе, что нужно делать.

Спеши. Скоро ложусь в клинику на операцию. Боясь, хрень такую, ужасно. Муслим.

P.S. И развлекайтесь, развлекайтесь, развлекайтесь. Концерты, выставки, творчество, секс до упаду (или до взлему) — это то, что нужно. Разгружайте силу. Чтобы она не парилась над жизненными проблемами, а работала, работала, работала на себя».

Я подумал, что неплохо бы съездить к Муслиму. Вроде и возможность представилась. Необходимо было по работе слетать в Калифорнию. Не столько

необходимо, сколько возможно. Это был только повод, вполне можно было решить все по телефону. Тем более, что поездку приходилось оплачивать самому. Стоило подумать о сроках. Да и с визой тоже как-то надо решать. Стоять в очередях в посольстве, собирать документы не хотелось.

«Доброго дня, Муслим.

Я с малолетства тянулся к паранормальным явлениям. Читал, что-то сам пробовал, но все не очень активно. Шизофреником не был. Лет в двадцать прочел о дзэне и как камень с души... Все уже написано, и все стало понятно. «Мир не познаваем. Все наши образы только для бытового пользования. Понятия а-ля душа, развитие и прочая чепуха — на помойку». Так и жил до последнего времени. Чувствовал, что нужно держать внимание, держал, насколько удавалось, а больше ничего не делал.

Мы с Кирой познакомились в интернете. Отдыхая на Канарских островах, Кира оказала услугу африканцу, который в знак благодарности отвел ее туда, куда вход простым смертным, в особенности белым, воспрещен, к их жрице. В комнате со свечами, обвешанной соответствующей атрибутикой, женщина на никудышнем английском рассказала, что Кире, для того чтобы выжить, надо найти воина, отличить которого нужно по тому, что он скажет при первой встрече: «... Готов помочь, вместить, и разделить, и защитить». Так оно и случилось. Правда произнесено это было по телефону. Причем я совершенно не понимаю, к чему я это сказал. Как будто кто-то меня заставил. Кто-то, кто внутри меня. Встретились, однако, мы не сразу. Какое-то время переписывались и перезванивались. Она то в больнице лежала, то в горах на доске каталась... Весной, с помощью везения и с моей помощью ей удалось вер-

нуться. С той поры мы более-менее вместе (у Киры есть муж или друг, но они живут в разных местах). Она утверждает, что я кладезь пустоты, что у меня ее туча. Я не особо в этом разбираюсь, но постепенно приходится вникать, чтобы выжить. Я много времени уделяю работе, остальное время — Кире. Она вязкая как мед, в ней тонешь постепенно, двумя словами — мистика и чепуха. Ну а любовь-морковь, присутствует, конечно.

Желаем удачной операции. Мужайтесь.

Вопрос с этим розовым цветком нужно как-то решить. Я не уверен и очень не уверен, что раз он цветонок, то он не кровожадный. От него идет дух — не от мира сего, фиг знает, что у него на уме. Для начала хотя бы теоретически решить. Он постепенно просыпается. То ли его держать силой. То ли наоборот — силу отщепить на какое-то время, пускай растение живет снаружи и делает свои дела. То ли действительно его скинуть куда-нибудь (в пустоту, наверно). Тогда Кира станет сверхчеловеком. Но мы не будем просвещать человечество, а поступим мудро: поедем купаться, в горы в экспедицию, будем пить вино и дышать полной грудью и прыгать с обрывов на велосипедах, и читать стихи, и фотографировать небо, и плевать на все. Вопрос, однако.

Она меня меняет, сама этого не замечая. Меня крутит и выворачивает. И это не только просто любовь-морковь.

Спасибо за помощь, Кирилл».

Вечером позвонила Кира. Запыхавшаяся, но вполне веселая. Только что на улице люди в штатском попытались проверить у нее документы. Документов у Киры, конечно же не оказалось, и они пригласили проехать с ними в отделение милиции, до выяснения. Она убежала.

— Как же ты убежала от мужчин? Они что, старые и немощные?

— Нет, Кирюша. Они были обычные, лет тридцать-сорок, наверное. Ты меня с этой стороны еще не знаешь, я очень быстро бегаю.

Я не представлял, что и думать. Может, это случайность? Или ждать новых неожиданностей? То, что за Кирой время от времени ходил какой-то человек, мы уже более-менее привыкли. Я рассматривал такую слежку, как своеобразный вид охраны. Единственное, чего мне очень не хотелось, так это чтобы они составили распорядок жизни Киры. Поэтому она по моей просьбе ходила в спортклуб разными дорогами, пускай даже самыми замысловато-длинными, и к тому же в разное время. Тем более я убежден, что так нужно поступать и тогда, когда никто за тобой и не идет по пятам.

«Да, Кирилл, это не просто любовь-морковь. Все что ты рассказал — более, чем любопытно. И очень обнадеживает. Во-первых, ты однозначно гомосексуал, как Киа говорит, пустота, я называю это вместилищем. Во-вторых, пустота активная, (обстоятельства вашего знакомства, и твой дзен говорят об этом с полной определенностью). Вы с Кирочкой созданы друг для друга. Вот такая, милый мой мальчик, загогулина у вас получилась. Ты с ней обретешь смысл, а она найдет суть. Вместе вы непобедимы, будь я неладен. Ни при каких обстоятельствах не расставайтесь. Терпите друг от друга все — ложь, измену, непонимание. Все это житейское, приходит и уходит. Будьте выше этого. Вы можете ссориться и расставаться на какое-то время, но должны понимать, что друг без друга вам никак нельзя, и возвращаться снова. И никаких обид. Ее обиды будут разрушать тебя, твои — лишать ее силы.

А теперь о том, что делать — программа максимум (на тот случай, если я покину этот чертовски занимательный мир).

«Отщепить растение и дать жить», как ты говоришь, нельзя. Без Киры оно не может существовать, поскольку проявиться может только через нее, и не имеет в себе «физику нашего мира». Так что об этом забудь.

«Скинуть в твою пустоту» можно, но пока чисто теоретически. Во-первых, ты должен научиться управлять своей пустотой. Во-вторых, сущность проявит сильное противодействие. В-третьих, неизвестно как поведет себя мгновенно высвободившаяся сила, которая только тем и умеет пока заниматься, что сдерживать сущность. Это надо делать очень постепенно, чтобы высвобождаемая сила успевала себя осознавать.

Но сейчас перед вами стоят проблемы далекие от чистого искусства. Нужно выжить. И поэтому первое, что вы должны сделать, это — освободиться от преследования, мать их в засос. (Ты, к сожалению, не написал мне, умеет ли она смещать реальности, или мой вопрос не прозвучал вопросом). Поэтому для начала нужно спрятать ее в себе. Ту часть ее, которая выдает в ней ее особенность. Твоя пустота легко справится с этим. (Вообще, ее сила сама договорила бы с твоей пустотой, и все могло бы произойти и без вашего участия, как ни унижительно это признать, но это процесс длительный в нашем измерении, лет тридцать они друг друга искали, теперь лет пятьдесят будут договариваться). Здесь только один подводный камень, будь он неладен. В момент сокрытия в пустоте ее «выпирающей» энергетики не засосать ее жизненные силы, а то она обессилит раньше, чем ты сумеешь осознать это.

Все это можно делать, входя в состояния транса, медитации и т.д. Но, возможно, ты, если действительно любишь, сможешь забрать силу и во время ее сна. Выключи внутренний диалог и со вдохом забери ее силу, на выдохе ничего не делай, почувствуй, как она аккумулируется в тебе. Когда заберешь все, или больше не способен будешь забирать, только после этого начинай на выдохе заполнять Киу своей пустотой. Не спеши, делай все спокойно и толково. С первого раза может не получиться. Но не сдавайся и результат не заставит себя ждать. Только Кирочке не говори. А то будет думать не о том, и мешать своими мыслями процессу — женщина есть женщина, хоть и сверх, будет хотеть сделать как лучше, а в итоге обязательно помешает. Если все получится, она на мгновение должна потерять сознание или почувствовать головокружение или что-то в этом роде. Со стороны это будет выглядеть так, что она стала обычным человеком — без силы и без посланника. Не мешайте преследователям, хрень их, горе посвященным, в этом убедиться — она будет чувствовать влияние и постороннее присутствие в голове — пусть терпит. Ты при этом останешься прежним, пустота твоя тем и хороша, что бездонна — что туда ни попадает, уже никак себя не проявляет. Тебя тоже могут попытаться прощупать — не бойся, они ничего не найдут. Если ты все сделаешь правильно, от вас отстанут — им некогда размениваться, они начнут искать в другом месте и строить новые теории. Носить тебе все это (что засосал) в себе постоянно нельзя — для тебя опасно, для нее смертельно. Нужно время от времени возвращать ей это назад, ненадолго, как получится. Ну, а когда вы будете в безопасности, нужно вернуть ей все это хозяйство и забыть.

И еще. Точно так же можешь попробовать уничтожить сущность (я не брал бы такой грех на душу). Но только тогда, когда вы будете уже в безопасности, когда ей все вернешь и изрядно натренируешься. Процесс более сложный. Нужно представить, что эта сущность состоит из множества малых — цветков со множеством лепестков, и каждый раз отщеплять и засасывать только по одному. Лепестки при этом могут не отрываться, в смысле, сопротивляться. Что ж, каждый раз с новой силой... Лепесток должен просто исчезать в тебе. После каждого такого раза Кирочка, возможно, будет буйнить, или ... Не знаю. Но готовься к самому худшему. И силу нужно сразу чем-то занимать.

Но лично мое мнение — сущность убивать не надо. Пусть Киа живет как жила — с борьбой внутри. Так она уже, по крайней мере, жила, и, как я понял, неплохо, а что будет, если вмешаться, никто не знает. Решайте сами.

Кирочке привет. Пока дома. Спасибо за поддержку. Все равно боюсь, хер старый. Наверно, просто жить хочу. Но конец чувствую. Ну и ... Надеюсь, там тоже неплохо.

Удачи. Муслим».

Я регулярно передавал Кире приветы от Муслима и частично рассказывал о нашей переписке. Но она относилась к Муслиму не так хорошо, как я. Была сильно на него обижена, ворчала, что Муслим ее бросил на произвол судьбы еще в детстве, она чуть не погибла, а теперь, когда мы сами его нашли, видите ли, воспылал желанием помочь. Возразить было не просто. Действительно, странной была эта история.

Один-два раза в неделю у Киры отнималась левая рука. Онемение начиналось ночью с пальцев, переходило на кисть, поднималось к плечу. Нашими стара-

ниями или само, точно сказать невозможно, онемение проходило к вечеру или к утру следующего дня. Хорошо, что пока этот процесс не развивался дальше плеча, ведь недалеко сердце. С чем связано онемение? Возможно, это снова учитель взялся за старое, но по-новому, или это цветок так себя проявляет, хочет выйти, пробует силы. Глядя на Киру в бесконечности, я видел, какие немыслимые кульбиты выделявает розовый цветок внутри саркофага. Чем он там занимается? Чего хочет? В чем его цель? Кто подскажет? Никто, наверное. Надо самому что-то решать. Спасибо Муслиму, немало туману разогнал. Но решать что-то надо самому и тянуть, я чувствую, не стоит. В бесконечности была и еще одна сила, белая масляная звезда, которая появилась уже более месяца назад, и до поры у меня не было никаких соображений, кто это или что это и зачем это она тут висит. Я пытался прочувствовать звезду. Мне казалось, но я не был уверен на сто процентов, что это человек с огромной личной силой. Однако этой информации было недостаточно для моего спокойствия. Я подбирался к проблеме и так и этак, но, увы, безрезультатно.

Обзвонил знакомых спортсменов: может, кто собирается на соревнования в Америку? Оказалось, как раз вовремя — народ улетал на коммерческие турниры. Отдал менеджеру паспорт и бутылку коньяка. Пришлось, правда, еще поболтать о том о сем, повспоминать, поностальгировать, даже чего-то пообещать...

Пожалуй, пришло время спросить у Муслима разрешения приехать в гости. Наверное, стоило сделать это раньше, но я почему-то не решался. Возможно, из-за туманов и морозящих дождей в Москве этой осенью, которые нагоняли состояние неопределенности и нерешительности.

«Большое спасибо за советы. Начинаю (ем) пробовать.

Терпеть — друг от друга — будем, это не сложно. Но проблем с изменами не должно быть из-за моего приветствия свингерства, о чем красавица в курсе, но сама пока на эту стезю не встала. Да, к сексу Кирочка относится без предубеждений (почти).

Да, Киа умеет смещать реальности.

Ситуация с внутренним строением Киы выходит из-под контроля силы. С цветком этим нужно что-то делать. Поэтому был бы рад любой информации об этом чуде. Откуда он там? Буду рад всему, что есть по этому поводу.

Кирочка помнит трех человек, которые опекали ее лет до восьми, один из них вы. Очень хотелось бы взглянуть на вас сейчас. Вы не могли бы прислать свое фото?

Что за операция вам предстоит? Возможно, мы сможем чем-либо помочь. Были бы рады.

Вероятно, у меня будет возможность слетать в Америку, в Калифорнию. Необходимо кое с кем встретиться и обсудить ряд вопросов, уладить дела где-то недалеко от Лос-Анджелеса. Если вы не против, я был бы рад вас навестить.

С уважением, Кирилл».

Несмотря на недомогания Киры и мою занятость, мы не пропускали интересных концертов и выставок. В Москве — большой выбор разнообразных мероприятий. Нужно только узнать что, где, когда — и отправиться туда. Я старался отвлекать и развлекать Киру, как мог. Мы ходили в театры, в кино, на концерты, на всевозможные выставки, в том числе и на выставки фотографий. Там, однако, хотя и было интересно, моя надежда приобщить Киру к серьезной профессиональной фотографии умирала вместе с мо-

ими рассказами о том, как делаются по-настоящему хорошие фотографии и как выглядят аксессуары. Кира не могла понять и принять фотоаппарат, который не помещался в кармане, хотя карманным цифровиком фотографировала очень неплохо — видение мира у нее было оригинальным и сильно отличалось от других.

Сделал попытку приобщить ее к творчеству Гребенщикова. Не буду описывать свое отношение к БГ — оно крайне неоднозначно. Скажу лишь, что я стараюсь следить за его работой и сравнительно часто хожу послушать Аквариум живьем. В один из дождливых вечеров поехали в «Б-2» на концерт. Наблюдая за Кирой, я понял, что это не для нее. Хотя она ничего плохого о концерте и не сказала, было очень заметно, что скучала и делала заинтересованное лицо только ради меня. Ее ухо, судя по всему, не радовали достаточно простые и однообразные гармонии музыки Аквариума. К тому же музыканты нередко фальшивили. Кажется, больше всех удовольствие от концерта получал сам БГ. Но, тем не менее, нам было интересно. И если, как считают многие посвященные, человек питается, прежде всего, впечатлениями, наш рацион был богат и разнообразен.

«Я буду рад, если ты сможешь навестить меня. Тем более, что у меня к тебе есть дело, которое можно и нужно решать только с глазу на глаз. Мой дом в Сан-Диего. Это совсем рядом с Лос-Анджелесом.

Так ты, мой милый мальчик, еще и свингер? Типичный госэ. Я тоже свингер. Был когда-то свингером. Правда, когда я им был, слова такого еще не было. Тебе очень повезло, что Кира это терпит. Вообще, такие, как она (бандитские и сильные натуры) не терпят конкуренции и уничтожают на своем пути каждого, кто им мешает. Видать, сильно любит...

Значит так. Если она работает с реальностями, пусть попробует сбить след. Ничего объяснять не буду. Ей виднее, что она может сделать. Возможно, что и ничего. Но это и необязательно, если ты ее накроешь.

Далее немного теории (из практики). Я надеюсь, ты не думаешь, что если ты проделаешь процедуру перекачки, о которой я писал в прошлый раз, то в нашем физическом пространстве твоя пустота и ее сила поменяются местами? Каждый останется при своих. Для таких понятий не существует пространства и времени. Они находятся над. Просто ее сила перестанет выпирать. Неважно, как и почему. Абстрагируйся. Это не нужно понимать, это нужно принять. То же самое относится и к сущности. Мы говорим, что сущность — внутри Киу только потому, что она (сущность) может проявиться через Киу и ищет выход (или вход) через Киу в силу Кириных особенностей, которые были созданы или развились сами. А сила, которая проявляется через Киу, ей (сущности) мешает. Вот и все. Если ты госэ, то это значит, что пустота (просто термин такой, указывающий на определенное проявление недоступного нашему пониманию мира) в силу твоих особенностей проявляется через тебя. И это вовсе не значит, что внутри у тебя пусто, а значит, что в сознании твоём есть дверь в недоступное, бездонное и бесконечное. А все вытекающее — лишь побочные явления. И если ты видел внутри Киу цветок, так это реакция нашего физического мира на проявление другого (мира) под воздействием силы. С прекращением действия силы, ты увидишь совсем другую картину (или никакой), которая будет являться тоже лишь реакцией, потому что наше сознание отображает лишь реакцию, а не сам объект. Но главное, нам это все

равно ничего не даст, потому что мы не сможем этим воспользоваться в силу своей ограниченности.

Так что твой вопрос «Откуда он там?», ответа не имеет, потому что его там нет, пока его не начать оттуда доставать. Вдумайся в эту фразу, и ты сразу все поймешь. И с силой, в общем, так же. Она никак себя не проявляет, пока Киа спокойна, здорова и счастлива, и никто на нее не нападает. Правда, Киа может ей пользоваться, если сознательно ее привлекает и знает, как это делать (точно так же, как ты можешь использовать свою пустоту), но это уже совсем другая история. И здесь нужно учитывать, что речь уже пойдет не о силе и пустоте, как таковых, а об их реакциях, т.е. проявлениях, способствующих расширению сознания, едрена мама.

Хрен старый, совсем задурил тебе голову. Извини, мой милый мальчик, как могу. Голова моя тупая, уже ни на что не годится. Боюсь, что только запутал тебя в конец. Ни черта, небось, не понять. Но ты попробуй прочувствовать. Ты же госэ. Просто прочувствуй, вмести и раскройся. Правильное решение придет само. Ты его притянешь.

И еще. Совет. Избавитесь от врагов — забудьте все это как страшный сон. Живите, дышите полной грудью. Наслаждайтесь друг другом и миром вокруг, и не забивайте себе голову. У вас будет все, что надо, пока вы вместе.

А что касается операции, вы мне можете помочь только добрым словом и чистой мыслью. Не хочу говорить о болезнях, ну их к дьяволу. Только в моем возрасте любая операция опасна. Продержали три дня в клинике и выпустили. Говорят, не выдержу я операции. Это я с виду, как свежий огурец, а внутри уже почти сгнил.

Фоты высылаю. Любуйтесь. Муслим».

«Доброго дня, Муслим.

Большое спасибо, за то понимание (хотя и недостаточное), которое теперь есть у меня.

Есть два вопроса, которые не имеют даже приблизительных ответов. Возможно, Вы сможете пролить немного света в темную мою душу.

Первый, почему подавляющее большинство людей, которые занимались самопознанием и саморазвитием (в том числе и Вы) на какой-то стадии забывают на все эти благие намерения и предаются радостям жизни на полную катушку.

Второй. Если я правильно Вас понял между строк, Вы также госэ. Я еще несколько месяцев не знал о пустоте. О госэ я узнал только из Ваших писем. Вопрос, собственно, в том, что это за качество? Есть ли какие-либо рекомендации, что делать госэ, и чего делать не стоит, какие это качество дает возможности и какие ограничения?

В первых письмах Ваше настроение было намного более бодрым, чем в последних, после посещения больницы. Мой не столь уж малый опыт показывает, что врачам сильно доверять не стоит. (Можно себя очень замечательно чувствовать и при их запугиваниях и кислых минах).

Желаю чувствовать себя лучше всех врачей, Кирилл».

Глава 11

Пустота — это точка отсчета.
Она бесконечна и
Она неуничтожима.
Она лишена смысла,
И она единственное,
Что имеет смысл.
Пустота свободна, текуча и непредсказуема.
Пустота не поддается.
Она давит,
Если сопротивляться...
Впусти в себя пустоту, и больше никогда
не узнаешь
Тяжесть и обременительность здорового
смысла.
Пустота — это путь.
И она всего лишь путь.

Кирилл с головой ушел в переписку с Муслимом, так что Кира начала ревновать Кирилла к этому, взявшемуся неизвестно откуда старику, вернее, очень даже известно откуда, она сама, собственно, все и сделала. Как ни силилась, она не могла в достаточной мере его вспомнить, ну, как деда Георгия, например. Впрочем, с Муслимом она встречалась совсем маленькой... Хотя имя это помнила хорошо. Закрывая глаза, видела и его самого вполне отчетливо — высокого, немного сутулого, она любила за ним прятаться, когда убегала от отца. Она даже ездила с ним куда-то на машине, с ним и еще с двумя дяденьками. Все они были с ней нежны и ласковы, Кира даже хотела, чтобы

кто-то из них оказался ее отцом, поскольку отец ласков не был никогда, казалось, он вообще ее боялся, ну, если не боялся, то остерегался точно. Что это за отец такой? Помнила еще, очень слабо, как Муслим ей читал, держа ее на коленях, и как они ездили верхом... Муслим всегда выбирал себе самого своенравного скакуна и, в общем, неплохо с ним управлялся. А когда Кира с родителями улетали из Америки, он просил оставить Киру с ним. Точно. Но мама не согласилась... Вот и все.

В то, что он может им с Кириллом как-то помочь, Кира не очень верила. Собственно, она даже и не была уверена, что они нуждаются в какой-либо помощи. Ну да, ей бывает плохо. И что? Ей часто и раньше было плохо. Случалось. Но прошло. И теперь пройдет. Главное — не заморачиваться. Она и раньше была сильна, по крайней мере настолько чтобы жить, причем вполне сносно, а временами — вообще замечательно. К тому же теперь у нее еще был и Кирилл. Правда он пока себя не осознавал в полной мере, но это и не очень важно. Направлять его есть кому — Кира все больше убеждалась в своей непотопляемости и универсальности. Главное, не мешать. Ее внутренняя часть — не важно, что там: Сила или не Сила, или еще что-нибудь, — сама найдет не только правильное решение, но и привлечет дополнительные ресурсы. Кира старалась не думать, как все это работает. Главное, не допускать волюнтаризма, не вмешиваться в ход вещей, сдвигая реальности, а ждать, когда они сдвинутся сами согласно внутренне посылаемому импульсу. Правда импульс часто посылался неосознанно... Чтобы этого избежать, нужно просто себя контролировать. Всегда. Не спать. Никогда...

— Не спи, Кира, не спи наяву, — кричал дед Георгий. — Ты не имеешь права спать. Ты всегда должна контролировать свою силу.

— Как это?

— А вот так. Прежде всего старайся не выражать отрицательных эмоций. Твои гнев, страх, боль, нетерпение, обида — крушат все на своем пути. Так что старайся не направлять их на людей, особенно на близких тебе людей. Иначе ты останешься одна. Когда ты начинаешь испытывать направленные негативные настроения, реальности сами приобретают движение — так чтобы ты успокоилась. И никогда не известно в точности, чем это обернется.

— Но я не могу все время об этом думать. Мне много о чем надо думать...

— И о чем же?

— Об уроках, например... Кира опустила глаза.

Дед Георгий состроил ехидную мину:

— О мальчиках ты думаешь, а не об уроках... Вот и думай о них. Только хорошо думай. Как только гнев, ревность, обида, отчаяние начинают просачиваться в твою несчастную голову, сразу же начинай думать об уроках. А то останешься без мальчиков. — Дед засмеялся.

— Я не хочу.

— Чего ты не хочешь?

— Не хочу так. Хочу, как все.

— Страдать?

— А разве все страдают?

— Конечно.

— Нет, страдать я тоже не хочу...

— Хочу, не хочу. Тебя спросить забыли, чего ты хочешь... Давай будем исходить из того, что есть.

— А что есть?

— Если бы я знал... — Он обнял Киру, как обнимают солдата, идущего на войну. — Твой дед Иван намудрил с тобой, а инструкций не оставил. Так что в общем, ты в праве сама решать. — Он погладил ее по го-

лове. — Но потом, когда станешь сознательной... А пока слушайся меня. И не кисни. Все не так плохо.

— А что хорошо?

— Хорошего — более чем достаточно. Ты красивая, умная девочка. Очень способная, кстати. Ты многое знаешь и многое умеешь. Впереди у тебя интересная, полная открытий и приключений жизнь.

— Ну и о чем же тогда волноваться? Можно жить, как живется. — Кира с надеждой подняла голову и посмотрела деду в глаза, но не нашла в них, к своему сожалению, особого оптимизма.

— Волноваться и не нужно. Нужно держать внимание и сохранять контроль в любых ситуациях. И помнить, что «красивая и умная» вовсе не значит счастливая — счастливой придется себя делать по-любому, а то, что ты знаешь и умеешь, вряд ли поможет тебе, а может даже и навредить. Тем, что ты можешь, лучше не пользоваться никогда — это оружие, которое должно находиться в чехле. А приключения... Они надоедают... И хочется покоя. А вот покоя у тебя точно не будет. Впрочем, надеюсь, я ошибаюсь...

— А вот мы еще посмотрим, — Кира резко высвободилась из объятий деда Георгия. — Не на ту попали. Мне все равно. Пусть будет так, как будет.

В субботу наконец-то выглянуло солнышко. Я с самого утра поехал в зал, где с толком и с удовольствием потренировался, потом — к Кире. У нее тоже было хорошее, бодрое настроение, она улыбалась, предвкушая два приятных дня.

— Кирочка, хочешь, я приобшщу тебя к одному своему тайному ритуалу? Я провожу его один раз в несколько месяцев. Он приносит положительные эмоции и отнимает не более получаса.

— Хочу. Я все хочу. Давай, это будет наш общий ритуал. — Кира даже не спросила, о чем речь. — Поехали.

И мы помчались в сторону Пушкинского музея, куда я время от времени заезжал посмотреть картины Ван Гога. Они были выставлены не в главном здании, а рядом, в небольшой пристройке, слева от главного входа. Обычно я покупал билет, пробегал через несколько залов, задерживался на несколько минут перед тремя картинами Ван Гога и выбегал, заряженный энергетикой душевно больного голландца и хорошим настроением.

В этот раз я споткнулся уже на кассе.

— Будьте добры, два билета на Ван Гога.

— Ван Гог выставлен в главном здании, молодой человек. У нас он никогда не выставлялся. У нас только русская живопись.

— Не буду с вами спорить, уважаемая. Продайте нам два билета, а Ван Гога я найду сам за одну минуту.

— Молодые люди, я работаю здесь двенадцать лет, — сзади подошла еще одна женщина, похоже, контроллер. — Поверьте мне, вы ошибаетесь.

— Вокруг профанация, Кирочка. — Я, почему-то веселясь, потянул Киру вверх по лестнице.

Мы пробежали знакомые залы и очутились перед стеной, на которой всегда висели полотна гениального голландского пьяницы. Я в растерянности разглядывал картины с гарцующими гусарами в массивных рамах. А Кира, с определенным недоверием и легким удивлением, — меня. Наверное, я представлял намного более забавное зрелище, чем самодовольные гусары.

Когда мы покидали музей, бабушки язвили практически в один голос.

— Ну что, посмотрели своего Ван Гога, молодые люди? Вам же говорили... — Дослушивать мы по понятным причинам не стали.

Уже в машине, выезжая на набережную, я сказал:

— Может я и сумасшедший, но в своем сумасшествии я много раз рассматривал полотна так уважаемого мною Ван Гога именно в этом здании.

— Судя по тому, как уверенно ты тащил меня к гусарам, в этом нет никаких сомнений, — веселилась Кира. Случившееся не только не испортило ей настроение, а даже послужило дополнительным радостным моментом.

— Наверное, в той реальности, где не было Давида, не было и картин Ван Гога в малом здании музея. Интересно, что еще здесь поменялось со смертью Давида? И все эти люди вокруг, — я показал на людей, прогуливающих по Каменному мосту. — Они из той реальности, где Ван Гога не было, или из той, что и мы? И мучают ли они теперь бабушек вопросами, куда делся Ван Гог?

— Проверять не будем, ладно? Поехали веселиться в какое-нибудь другое место, — сказала она и очень сексуально провела ладонью по моей коленке. Возражений у меня не было никаких.

«Я рад, что хоть чем-то смог вам помочь. Если ты вполне осознал то, о чем я тебе, мой милый мальчик, поведал в прошлый раз, ты частично, если поднапрягся бы, сам вполне мог бы ответить на свои вопросы. Посему, дружочек, буду краток, и начну со второго (вопроса, в смысле).

Госэ — вместителище, пустота, воронка, почва, дыра, бесконечность, — способная искривлять пространство вокруг и притягивать то, что нужно (и что не нужно, правда, тоже, но что не нужно, пускается сразу в расход, так что можно об этом за-

быть). Госэ — это следствие проявления (в силу твоих особенностей) другого мира в нашем. Сейчас, насколько я понимаю, ты сам по себе, а пустота твоя — сама по себе. Она делает то, что ей надо, используя тебя, т.е. свое проявление в нашем мире. Ей нужна, судя по истории вашего знакомства, была Киа (так же, как Кииной силе нужна была твоя пустота), и они с помощью вас нашли друг друга. Твоя пустота получает то, что ей нужно. Всегда. Это вовсе не значит того, что тебе не нужно то, что нужно пустоте (просто ты можешь не осознавать этого, а она знает точно) — ты неразделим со своей пустотой, ты есть она, а она есть ты. Только она — та часть тебя, которая пока тебе недоступна, поскольку ты и она осознаете себя по-разному и в разных мирах. Для тебя она прибор, которым ты не умеешь пользоваться, и спросить тебе не у кого. Единственный выход — метод проб и ошибок. И нет никакой гарантии, что он приведет к успеху, но другого пути нет (если он вообще нужен, я бы, хрен такой, все оставил, как есть, но это с высоты своей старости). Но если ты установишь контакт со своей пустотой, то сможешь пользоваться ей, как она пользуется тобой. Вообще, для этого тебе нужен учитель. Я мог бы тебе помогать, пока жив (может, даже, когда буду мертв, пойдет шустрее — мать ее в попку), только советами, если ты будешь со мной предельно откровенен в своих поисках и попытках. Но общее направление таково.

Во-первых, ты ей (пустоте) должен беспредельно доверять.

Во-вторых, не сопротивляться, не форсировать решения. Прислушиваться к себе и чаще отпускать себя, т.е. опустошать. Постарайся освободиться

от всего чужого, что зацепилось за тебя в течение жизни.

Вообще, госсэ, у которого установлена связь со своей пустотой, просто думает о том, чего хочет, представляя себя воронкой, и притягивает все это. Некоторым проще работать с картинками или с мыслеформами. И не торопиться получать результаты. И нужно понимать, если что-то не получается, то это значит только то, что желание противоречит твоему выживанию и, в конечном счете, его исполнение приведет к неблагоприятным для тебя последствиям, в противном случае — пустота просто тебя неправильно понимает. И нужно снова и снова устанавливать с ней общий язык.

А что касается первого вопроса, он вполне оправдан. Представь, что тебе нужно пробежать 100 км, не останавливаясь, с какой-то очень небольшой, но определенной скоростью. С первого раза не получится. Но ведь тебе это нужно! Допустим, это должно как-то изменить твою жизнь, осчастливить тебя, или тебе просто интересно. И ты начинаешь тренироваться. Другие мальчики и девочки веселятся, пускаются во все тяжкие, и проч., а ты тренируешься. И вот наступает время, когда мечта осуществляется, и ты пробежал, с большим трудом, почти умирая, но пробежал. Но пока ты бежал, ты диковинным образом изменился. Изменился так, что для счастья тебе, едрена вошь, нужно теперь пробежать уже не 100 км, а 200. И ты опять тренируешься. А вокруг, мать их, любовь, счастье, несчастье, жизнь, в общем. Но ты настойчиво тренируешься и пробегаешь 200, но изменяешься при этом еще сильнее, и чувствуешь себя грязью болотной, если не пробежишь 400, и так далее до бесконечности. Ну, и на каком-то этапе ты просто ломаешься, уста-

ешь, начинаешь бояться сам себя, возможно, просто сходишь с ума... И для счастья тебе теперь требуется отдых. А какой у мужика отдых? По бабам. А с высоты своего продвинутого положения просто по бабам уже неинтересно... Ну и возникают тогда альтернативные решения. У кого как.

Как обстоят дела с твоим приездом? Возможно, необходимо выслать приглашение или что там еще?

Привет Кирочке.

Береги этот алмазик. Муслим».

— Хочешь, пойдем ловить летающие тарелки? — спросил Кирилл Киру в один из выходных, когда они премило лежали на диване и целовались.

— Это как? — Кира отпрянула, вытирая губы.

— Я знаю место, где полно летающих тарелок... Только нужно уметь их разглядеть. Я умею.

Кира высоко оценила порыв Кирилла развлечь ее и разнообразить их и без того крайне беспокойное и непредсказуемое общение.

— Хочу! Веди, — радостно воскликнула она и, соскочив с дивана, запрыгала и замахала руками. — Может я там превращусь в летающую Киру.

— Превратишься, если какая-нибудь тарелка нас подберет и возьмет с собой.

— Куда возьмет?

— Не знаю...

— Я согласна, чтобы меня взяли куда угодно. Хуже уже не будет.

— Глупая ты. Хуже будет. Тебя могут порвать на опыты или начать ставить на тебе эксперименты.

— Меня и так рвут... Пошли на твое место.

— Оно не мое. Оно тарелкино. Мы поедем туда на машине. Ночью.

- Сегодня ночью?
- Можно сегодня. Когда хочешь?
- Хочу сегодня.
- Не вопрос. Будем фотографировать?
- Будем, — твердо ответила Кира. — А что?
- Тарелки. Или что захочется.
- Я буду фотографировать тебя. Как ты ловишь тарелки.
- Ночью холодно...
- Мы возьмем спальный мешок, чтобы было на чем сидеть и высматривать тарелки. Или лежать? Лежа удобнее на небо смотреть. У тебя есть мешок?
- Мешок есть. Но не знаю, спальный или нет.
- Возьмем, какой есть. И надо кофе сварить. У тебя есть термос?
- Есть. Это в дорогу? На случай, если нас подберет кто-нибудь?
- Нет. Это на случай, чтоб не замерзнуть. Если нас заберут, то уж и накормят и напоят, надо думать.
- Не надо. Думать. Они могут и тебя съесть.
- Ну ведь ты не дашь меня съесть.
- Постараюсь не дать. Но и меня могут съесть, а потом тебя — на десерт.
- Да? Ну значит, на них рассчитывать не будем. Буду кофе варить.

Из дома выехали часов в одиннадцать вечера. Взяли мешок, одеяло, термос с кофе, пару фотоаппаратов и штатив. Кира хотела захватить несколько бутербродов, но Кирилл сказал, что это лишнее, поскольку ловля не займет много времени. Если тарелки появятся, на фотографирование и прочее уйдет не более трех часов, а если тарелок не будет, то ждать их больше нескольких часов не имеет смысла, а в случае их захвата бутерброды тем более не понадобятся.

С последним утверждением Кира не была до конца согласна, но спорить не стала и бутерброды не взяла, впрочем, их и не было, в том смысле, что делать их было не из чего.

Место, о котором говорил Кирилл, оказалось горой в лесопарке, причем нашел он эту гору не с первого раза — дали несколько кругов. От машины шли по буеракам так, что пока Кира дошла, ее энтузиазм ловить тарелки значительно поутих. Но отступить было некуда, и когда Кирилл сообщил, что они на месте, она не мешкая достала из рюкзака мешок с одеялом и плюхнулась на него. Кирилл лег на спину рядом, и они с Кирой уставились на звезды. Звездное небо было неумолимо и настойчиво. Пусть не сразу, но, наконец, оно заморозило и загипнотизировало так, что было совершенно невозможно оторвать глаза. Так и лежали — восторженные, счастливые, почти в трансе, впялившись до боли в глазах в черную мерцающую бездну. Звезды танцевали, переговаривались, звали, обманывали, плакали, падали, пели, превращаясь то в летающие тарелки, то в бездушных существ, то в чистые, бестелесные, блуждающие неприкаянные души...

Становилось холодно. Кирилл растолкал Киру, вернув ее в низкую реальность, они сделали несколько фотографий, попили кофе, поболтали о высоком, или о приземленном — откуда смотреть. Начал накрапывать дождь.

— Пора домой, а то совсем замерзнешь. Потом лечи тебя... — сказал Кирилл, вставая.

— Кто кого, — огрызнулась Кира.

— В любом случае пора, — Кирилл не стал открывать прения. — Тарелок уже не будет.

— Кто бы сомневался, — все-таки не удержалась Кира.

Утром она снова записывала свой сон.

«Сон.

Я искала тебя в аэропорту и заблудилась,

я потеряла деньги и сотовый телефон,

или их у меня украли,

я не помню,

я не держала внимание,

я вела внутренний диалог и думала о тебе,

я мечтала улететь с тобой на самолете и не вернуться,

а меня забрали в милицию,

потому что у меня была красная куртка и красные ботинки —

меня обвинили в убийстве, распространении наркотиков,

в оскорблении чинов при исполнении и в непристойном поведении,

порочащем красный цвет;

меня раздели догола и долго били,

но я так хотела тебя увидеть, что не умерла и все вытерпела,

а они сказали, что я сумасшедшая и отпустили меня,

и даже вернули мне красную куртку и красные ботинки,

но я не смогла одеться, потому что мне сломали руки и ноги;

я лежала в луже крови на кафельном полу,

а мимо ходили люди с чемоданами, сумками и те, что без багажа,

и показывали на меня пальцами,

потом подошел ты —

ты подумал, что меня изнасиловали и начал меня ругать,

за то, что я флиртую со всеми встречными,

ты кричал на меня, но не бил, потому что меня уже избили,
а мне было очень приятно, что ты меня не бьешь и что я так долго не умираю;
я была счастлива, что вижу тебя,
но я заплакала, потому что было очень больно;
ты взял меня на руки и понес в самолет,
а самолет оказался вовсе не самолетом, а летающей тарелкой,
я была счастлива, что полечу с тобой на летающей тарелке,
и я умерла от счастья».

— Тебя дед просил зайти, — как бы между прочим сказал Сандро.

— Мы же только вчера у него были... Ну ладно. Я с удовольствием. Заодно картину ему отдам. Уже давно нарисовала. Забываю занести...

— Это что?

— А ты не видишь?

— Здесь каждый видит, что хочет... А что видела ты, когда рисовала.

— Летающие тарелки и глаза деда Георгия.

— Понятно... Тарелки — глаза, глаза-тарелки. Здорово.

— Ты мне чего-нибудь нарисовала бы.

— Да не вопрос, нарисую. Я и не думала, что ты хочешь. Но, Сандрик, ты ведь знаешь, как я рисую...

— Как?

— Ну... Вот так, — она показала на картину. — Я изображаю мир не так, как его вижу, а так как его мыслю.

— Я знаю. Мне нравится, как ты мыслишь. Ты давно уже соблазнила мой разум своими заблуждениями.

Кира удовлетворенно хмыкнула.

— Пойду попробую соблазнить деда Георгия. Что-то он ко мне цепляется последнее время.

— Это не он цепляется, это тебя несет не туда.

— А нести «туда» не может. Несет всегда не туда. Вдумайся, Сандрик. Но ты прав. Меня несет, и я не сопротивляюсь. Может, куда и вынесет.

— Тебя не вынесет. Ты должна управлять процессом.

— Зануда ты, Сандро. — И она ушла.

Дед Георгий явно был не в духе.

— А, Кира, проходи, — сказал он и скрылся в темноте коридора. Она разделась и прошла за ним.

— Что это там у тебя?

— Картина. Я для вас нарисовала, — Кира отдала ему свою беспредметную живопись.

— Спасибо, Кирочка. Но я бы на твоём месте не очень увлекался...

Кира построила скучающую физиономию.

— Тебе, Кирка, нельзя ни на секунду расслабляться. Следи за глазами. Все время.

— Как это?

— А так. Правый твой глаз смотрит вперед в Вечность. Левый — назад, во Время. И если ты позволишь себе смотреть на природу и на вещи Времени, тебе невозможно будет когда-либо достигнуть Единства. Не разрешай своему уму совращать тебя, наполнять иллюзиями, и смотреть назад на себя. Не позволяй своему левому глазу обманывать тебя, постоянно подкидывая тебе то одно, то другое, возбуждая в тебе жажду ложную. Пускай твой правый глаз управляет левым. Подчини глаз Времени глазу Вечности.

— А если у меня не получится? Я попаду в ад?

— Опять ты, Кирка, паясничаешь. Ад и рай у тебя внутри. Что в тебе проявляется, в том ты и находишься. Ты и так в аду. Так что не волнуйся, хуже не будет. Думаешь, я ничего не понимаю? Все понимаю. И представляю, что ты чувствуешь, когда смотришь в себя, через себя, посредством себя на мир, и начинаешь ощущать бесконечность во всем; всякая мысль, любая идея, каждое желание приводят тебя к ощущению бесконечности. И пустоты. Это непременно происходит с человеком, переходящим к пониманию других реальностей, а тем более реальностей высшего порядка. Чувствуешь бездну и пропасть везде, куда ни обратишь свой взгляд. Тебя душит невероятный страх, окутывает бездна и тоска. Я сам нечто похожее испытывал под действием синтетических стимуляторов, и надо признать, чуть не умер. А ты в этом живешь... Постоянно. Но пойми. Ты так сделана. Так случилось, так получились. И ты не можешь позволить себе делать вид, что ничего не происходит. Ты должна принять свою необычность...

— Свою болезнь...

— Да называй, как хочешь. Это все равно ничего не изменит. Ты не сможешь вечно сидеть на двух стульях...

— Смогу. Вы же говорите, что я сильная и все могу. А на двух стульях не усажу?

— Да пойми, неудобно на двух... И ни к чему...

— А кто сказал, что должно быть удобно? Вы же сами и призываете работать над собой и денно и нощно, вот я и буду... Чтобы усидеть.

— Ну, тогда все твои силы уйдут не на то.

— Ну и пусть. Я этих сил не просила, а коли они есть, буду тратить их по своему усмотрению.

— Ты, Кира, стала невыносимой... Твой переходный возраст меня убьет. Ты же всегда меня слушалась и училась всему с охотой. Что же с тобой происходит?

— Устала. Я слушалась, училась... Но ничего не меняется...

— А каких изменений ты ждешь?

— Я хочу, чтоб меня перестало рвать на части, перестало бурлить внутри, я не хочу, чтобы мои мысли становились реальностью. Я не могу все время их контролировать. Не могу! — Кира посмотрела на деда полными отчаяния глазами. — Дедушка Георгий, ну можно я пока поживу, как все, я не готова принять новый мир... Мне еще интересен старый. Вокруг так много всего интересного, красивого, завораживающего. Я рисовать люблю, стихи писать. Люблю играть в теннис, кататься на сноуборде. Музыка люблю. Мне нравится встречаться с друзьями...

— Ладно, ладно, Кирка, — он как можно нежнее обнял ее и прижал к себе. — Не переживай ты так. Живи, играйся, люби. Только когда придет время терять старый мир, вспомни все, чему я тебя учил. Я, собственно, что хочу тебя сказать, — он освободил Киру и посадил ее в кресло. — Обстоятельства складываются таким образом, что я должен буду уехать.

— Ну и хорошо — Кира сбросила с себя остатки предыдущего разговора и уже пыталась веселиться. — Отдохнете от меня и от Сандрика, — она оглянулась и перешла на шепот, — и от своей вредной Зинаиды. Представляю, как она вам уже надоела. Кстати, а может вам стоит подумать о новой кухарке? О молодой. И хорошенькой. И немой. Непременно немой! — Кира засмеялась таким раскатистым и невинным смехом, каким смеются только маленькие дети.

— Нет, Кирочка. Меня вполне устраивает Зинаида. Я не представляю свою жизнь без ее упреков и указаний. Так что Зинаиду я забираю с собой.

— Как? — Кира округлила глаза и открыла рот.

— Мы уезжаем вместе.

— И куда же вместе с этим чудовищем можно ехать?

— Ты, Кирочка, видимо, меня не совсем поняла. Я вообще уезжаю. Насовсем. Буду жить в другом месте. Точно еще не знаю где. Скорее всего, в Англии. Это выяснится в ближайшее время.

Кира превратилась в печальный знак вопроса, который молчал, потому что не мог найти нужных слов. Все слова разбежались, обнажив немое удивление.

— Но ты не волнуйся. Это случится не скоро. Пока документы будут оформляться, пока то да се. Но я хочу, чтобы ты знала. И была готова к тому, что я буду далеко, а еще ко всему, что из этого вытекает.

— А Сандро? Он с вами уедет?

— Да. Он к нам приедет, когда закончит школу.

Кира заплакала. Так же раскатисто и звонко, как только что смеялась. Как плачут только маленькие дети.

Глава 12

Пусть оно войдет в меня,
И я буду им,
Я буду всем,
Потому, что все —
Это я;
И я дарю себя тебе,
Все — тебе.

Перед поездкой в Америку Кирилл улетел в Самару, навестить родителей. Кира осталась одна. Всего на несколько дней. Но эти несколько дней дались ей тяжело. Было впечатление, что с нее сбросили теплое одеяло. Ей стало зябко, а потом и совсем плохо. Она понимала, что на нее влияют, а Кириллу, вероятно, не до нее. У него мамины блины, пирожки, вареники... А может, и не мамины... Об этом она старалась не думать. Очевидно было, что без «покрывала» Кирилла она долго не продержится. Сначала делала вид, что ничего не происходит, надеясь, что уляжется само. Само не улеглось. Но с каждым мгновением состояние ухудшалось. Она терпела. Терпела несколько дней, пока холодный страх не заполнил ее до отказа. А страх переживать она не умела... Сами виноваты... Пространство дернулось, злобно блеснуло, сдвинулось по невидимым линиям Кириного напряжения и страха и растерянно замерло. Сразу стало легче. И тут же в голове возник ненавистный горбатый вопрос. За счет чего? Вопрос. Она позвонила Кириллу.

— У тебя все нормально?

- Да, я хорошо. А как ты?
- Более-менее. Мне намного лучше.
- Великолепно. Чем занимаешься?
- Да так, ничем. А ты?
- А я вот деруны ем. Очень вкусно. Сто лет не ел...
- А вареники?
- Вареники были на завтрак. Завидуешь?
- А то...
- Я тебе привезу в баночке.
- Деруны или вареники?
- И то и другое. И еще борщ в термосе. Хочешь борща?
- Хочу.
- Заметано.

Вот и хорошо. Рука опять потянулась к телефону.

— Привет, сынулька. Как дела?

У сынульки все тоже было хорошо. И у Олега. Кира до поры облегченно вздохнула. Может, и обойдется.

Она чувствовала расставание с Кириллом каждой клеточкой. Было впечатление, что она лишилась какой-то части себя. На эти несколько дней она впала в бесконечную тоску. Любовь показывала ей свою изнанку. Кира изнанку не хотела. Она думала, любовь — это праздник. А праздника пока никак не получалось. Праздник не настал даже тогда, когда Кирилл вернулся. Они встретились в день его приезда в «Сбарро», потом заехали в магазин, купили продуктов, и уже дома, когда Кира стала убирать все купленное в холодильник, она обнаружила там свеженький набор колбас, копченого мяса, хлеба, разных сладостей и всего того, чего Кирилл не ел, по крайней мере, при ней. Она вопросительно взглянула на Кирилла. Он хотел было что-то придумать, но по реакции Киры понял, видимо, что бесполезно.

— Это Сабина. У нее есть ключи от квартиры. Она знала, что я прилетаю, и решила купить мне поесть... — Кирилл вроде отчитывался.

— Но ведь ты это не ешь.

— Я все ем.

— Ты не ешь мясо...

— Это ты его не ешь... А я...

— Понятно, — у Киры выступили слезы. — Почему ты не сказал мне, что хочешь мяса?

— Я не хочу. Просто раньше я ел мясо, и съем в любой момент, если захочу. В чем проблема?

— В твоих девках.

— Ну, это уже ближе к истине. Не сердись, пожалуйста. Я соскучился по тебе, а не по девкам, — он прижал ее крепко-крепко, и она улетела.

Но этот блаженный и удивительный полет не помешал Кире увидеть сон.

Утром Кирилл прочел на экране компьютера:

«Сон.

Она мыла пол на кухне моей курткой, когда я вошла:

— Это моя куртка.

— Здесь нет ничего твоего.

— Здесь все мое.

— И он?

— И он.

— Он ничей, он сам по себе.

— И я ничья, я сама по себе, и поэтому он мой, и куртка моя.

Она смеялась, и делала это хорошо,

я посмотрела на нее плохо,

она перестала смеяться, выкинула мою куртку в окно, открыла холодильник, достала мясо, и начала его есть.

— Я купила ему мясо — сказала она.

- Он не любит мясо.
- Он любит мясо, просто ты ему не даешь есть...
- Даю.
- ...И делать то, что он любит.
- Даю.
- Ты не даешь ему жить.
- Даю.
- Он похудел из-за тебя.

Я плакала, и делала это хорошо,
она посмотрела на меня плохо,
я перестала плакать и выбросила мясо в окно,
она взяла мою фотографию в красной рамке,
и выбросила ее в окно,
я плюнула на пол,
она взяла веник и стала выгонять им меня из
квартиры,
я взяла ее и выбросила в окно,
и стало тихо...

Но пришел ты и начал кричать, бить меня вени-
ком и смотреть плохо,
потому что тебе было жаль ее,
потому что ты любил ее,
ты всех любил,
а я никого не любила, кроме тебя, и мне не было
жаль ее,
и я заплакала, потому что никого не любила, а ты
выбросил меня в окно.

— Привет — она повернула голову — это все по-
тому, что ты не даешь ему...

Сказала она и умерла.

— Даю — сказала я и умерла...

Ты сидел у открытого окна и плакал
потому что очень хотел мяса».

Позвонила моя мама, говорит, давно ты, сыночек, у нас не был, приезжай. Я купил билет на самолет и на следующий день, в четверг, улетел в гости в Самару до понедельника.

Как только я улетел, Кире стало плохо. Рука отнялась до самого плеча, боль в солнечном сплетении не давала возможности разогнуться. Я чувствовал, что это влияние со стороны учителя и его людей, но в бесконечности их видно не было, только откуда-то с той стороны летел поток черных ошметков, которые норовили прилипнуть к саркофагу. Я ставил барьеры вокруг Киры, они должны были отразить влияние от нее и перевести на меня. Учился открывать свою воронку и поглощать то черное, что летало вокруг. На какое-то время Кире становилось немного лучше, но ненадолго. Вязкие комки просачивались через мою защиту, обходили со всех сторон и тянулись к своей цели. Я строил новые заслоны, которые помогали на несколько часов. Такая ситуация продолжалась до вечера субботы. В субботу вечером влияние прекратилось. Как будто само. Чернь пропала, и сделалось ясно, как солнечным весенним днем.

Мы встретились во вторник вечером. Ужинали в «Сбарро». Там вкусно готовят семгу. Сидели у окна, смотрели на прохожих под зонтиками, я рассказывал, как провел время у родителей. Не хотелось обсуждать случившееся в мое отсутствие с Кирой, но надо было что-то с этим делать. И когда очередь дошла до десерта, я подождал немного, чтобы внутри у Киры сделалось сладко и спросил, что она обо всем этом думает.

— Не хочу я умирать. Пока. Раньше мне было все равно, а теперь не хочу. Теперь у меня есть ты. Извини, конечно, я обещала тебе ничего не делать без твоего ведома, но тебя не было. А я умирала... В общем,

мне пришлось немного похимичить... Я сместила их восприятие, совсем чуть чуть... Я сделала так, чтобы учитель и его люди забыли о нас и увлеклись чем-то другим. — Она косо глянула на меня. — Они все живы и здоровы — не волнуйся, возможно, даже намного здоровей, чем были — не так просто заниматься тем, чем они занимались. А сейчас они, наверное, где-нибудь на свежем воздухе, шашлычки, водочка... — я с сомнением кашлянул. — Ну, может, и не водочка... Может, учитель уже вообще не учитель а почтальон или продавец шаров. Да не дуйся ты. Я не знаю... Шучу я. Но в ближайшее время им будет не до нас. А возможно — и вообще. — Она облегченно вздохнула, решив что объяснила достаточно. — И не ругайся на меня. Правда, я молодец?

— Однозначно, молодец. И я люблю тебя. — Хотя до конца я был уверен только во втором. — Как ты думаешь, может, Ван Гог снова появился в музее?

— Нет, вряд ли. Хотя, если хочешь, поедем посмотрим завтра на гусаров...

— Нет, на гусаров не хочу. — Я посмотрел внутрь на черную бесконечность. Учитель очень тускло мерцал, и я не чувствовал его влияния. Но над нами, еще немного приблизившись, уже привычно висела белая звезда. Ее внимание было направлено на саркофаг.

— Хорошо бы, чтобы все было так, как ты говоришь, Кирочка.

«Доброго дня, Муслим.»

Да, мне интересно и я очень был бы рад, если бы вы поруководили моими поисками. Я, в свою очередь, готов давать любую информацию.

Несколько дней назад Кира во время очередного нападения страшно разозлилась и, не посоветовавшись со мной (я был в отъезде,) насмещала реальностей. Она хотела, чтобы Учитель (это главная сила

наших противников) забыл о Кире, и вообще не был Учителем. С той поры нас особо не беспокоят.

У меня на практике не так уж много свободного времени, увы. Но я готов приступить прямо сейчас, время найдем, раздвигая дела.

С уважением, Кирилл».

«Забрали в клинику.

Что сделано, то сделано. Может, и к лучшему. Кирина сила знает, что делает. Но ты сильно расходитьсь ей не давай, нельзя терять много силы — может пропасть внутреннее равновесие. У тебя получилось ее спрятать? Если нет, продолжай (это для тебя как упражнение по устанавливанию контакта с пустотой), или опиши трудности, или объясни, почему считаешь, что этого делать не надо.

Помогать, конечно, буду. Но помощник из меня нынче хреновый.

Для начала нужно научиться чувствовать и начинать разговаривать со своей пустотой.

1. Останавливаешь мысленный поток. (Не можешь — тренируешься.)

2. Приготовься задать вопрос внутрь себя, своей пустоте. После этого будь очень внимателен и чуток к тем изменениям, которые будут происходить внутри. Следи за ощущениями в теле, мысленными образами и внутренними звуками. Не пытайся как-то влиять на ответ. Пустота сама найдет способ для ответа. Ты должен быть достаточно чувствительным, чтобы его уловить.

3. Первый вопрос: готова ли пустота (подсознание, дыра, бездна) сейчас общаться со мной на сознательном уровне. Ответ может быть любым — боль, в какой-то части тела, жжение в области желудка и проч.

4. Далее спрашиваешь: если, например, жжение означает «да», пусть оно повторится или станет сильнее; если «нет» — исчезнет или ослабится. После любых получаемых ответов говори: спасибо. Если ответ нет или не знаю, не огорчайся. Главное, ты получил ответ. Отрицательный ответ может значить, что у пустоты плохое настроение или она чем-то занята или очень устала и т.д., или что ты обращаешься к ней неуважительно, или не веришь в возможность такого общения. Попробуй позже. До тех пор, пока не получится.

5. Если ответ: «да», то можешь задавать вопросы, которые требуют ответа «да» или «нет». (Пока так.)

6. Вместо ощущений, ответом также могут быть зрительные образы или мысленные картинки. Причем «да» — один образ, «нет» — другой. Можешь делать картинки ярче — для ответа «да», темнее — для «нет». Точно также можно работать с внутренним звуком (голосом).

7. И уясни, что пустота готова общаться с тобой, только если ты действительно этого хочешь. Она заботится о тебе, но делает это по-своему. Доверься ей, и она сделает все самым лучшим образом, пусть отсохнет мой язык, впрочем, сам уже знаешь...

8. Можешь попробовать предложить ей сам варианты ответов. Например — поднятие правой руки — «да», левой — «нет», обеих — «не знаю». И задавай пока простые и однозначные вопросы, не изощрайся, мой милый мальчик, успеешь еще... В общем, экспериментировать и рассказывай мне о своих достижениях и сложностях, а я буду тебя направлять. И не бойся сойти с ума. Мы давно уже все сумасшедшие...

Главное — не спеши. Пока все. Остальное — после того как справишься со всем этим.

P.S. Вообще, Киа не приспособлена к жизни среди людей. Предполагалась, что она будет общаться только с посвященными. А получилось совсем по-другому. Я догадываюсь, во что это вылилось. Чувство собственного достоинства, исключительности, превосходства, ну и бешеная ревность, как следствие. Она очень ревнива? Терпи. И постепенно, очень ненавязчиво учи ее жить. Боюсь, она совсем не умеет. Попытался тут намеренно пощупать ее — то, что увидел, удручает — полная дисгармония на эмоциональном уровне, вплоть до внутренней истерики. Но угрозы внешней заметить не успел, а вот внутри у нее — буря. Хотел ей немного помочь — не получилось — тут же получил по носу. Сам, старый осел, виноват. Она молодец, судя по всему, постоянно наготове.

Накануне открылось внутреннее кровотечение, вот я и подумал, что терять уже нечего, — помогу девочке. Не получилось.

Муслим.

Или то, что от него осталось.

И не думай, что девчонки мне в моем состоянии не нужны.

Пока есть то, что от меня осталось, я с девчонками».

Письма Муслима не только были важны информационно, но и работали для меня аккумулятором хорошего настроения.

Я начал пробовать делать то, что советовал Муслим. Спрятать силу Киры особых проблем не вызвало, а вот общаться с пустотой не получалось. Мне казалось, что меня она слышит, но отвечает на частоте, которая лежит за пределами моего восприятия.

Еще меня очень интересовала белая масляная звезда, которая все так же висела около нас в бесконечности. Я рассказывал о том, что вижу Кире, но она не видела на этом плане и только пожимала плечами.

Продукты в магазине всегда выбирала Кира. Я же возил за ней корзину, иногда, правда, подкидывая в нее что-нибудь, чего хотелось мне и чего Кира не ела, и мешал разговорами. В этот раз, пока кассирша пробивала наши покупки, я разглядывал яркие фантики жевательных резинок и конфеток у кассы. Мой взгляд привлекли шоколадные яйца с игрушками. Рука сама потянулась и взяла одно. Кира, заметив это, рассмеялась.

— Ребенок.

— Ты не понимаешь... Это знак. Киндер-сюрприз, как послание для разума, ответ на мучающий меня вопрос о масляной звезде. Разгадка внутри, мы пока ее не видели, но она у нас уже есть, и скоро мы узнаем, кто есть кто, ибо стрелка внутри яйца укажет на него... может быть, — добавил я не очень уверенно. — Шоколадные яйца как новый инструмент познания мира. — Кассирша, услышав такую речь, подняла на меня полные сожаления глаза, перевела их на Киру, затем взяла яйцо с конца очереди продуктов, щелкнула кассой и отдала его Кире прямо в руки.

Дома мы приготовили праздничный ужин, открыли бутылку красного вина, зажгли свечи. Повода никакого особенного не было, просто нам вместе было хорошо, разве это не праздник? Я открыл шоколадное яйцо, внутри была маленькая резиновая змея.

— Ну и что это значит, Кирюша?

Я задумался. Минуты на три. Слушал себя внутри, рассматривал со всех сторон змейку, сопоставлял факты.

— Похоже, это ничего не означает. Или означает, но только одно, что я сошел с ума. Полный идиот, какое, блин, может быть послание внутри шоколадного яйца?

Я отложил игрушку и решил не расстраиваться, а лучше покушать.

— Кстати, на плече у Максима есть татуировка очень похожей змейки...

— А кто у нас Максим?

— Ну помнишь, я тебе рассказывала про инвалида, с которым познакомилась в спортклубе?

— Помню... И уважаю... Склоняю голову. — Зазвонил Кирин мобильный. Она подняла на меня глаза, как бы спрашивая разрешения поговорить. — Говори, сколько нужно. А я пока кофе сварю. — Я встал, снова зачем-то взял резиновую змейку и ушел на кухню.

Никогда не слушаю Кириных разговоров. Даже когда не удается выйти — в машине, например, — я стараюсь думать о чем-то своем или полностью отключиться от всех внешних звуков. Она, правда, обычно не злоупотребляет моей лояльностью и долго не болтает. На этот раз, тем не менее, пока она разговаривала, я успел выпить две чашки кофе, сыграть партию в шахматы с невидимым противником в сети и проверить почту.

— Ты чего здесь прячешься? — она появилась в дверях.

— Жду, когда ты наговоришься.

— Ты не ждешь, а в Интернете болтаешься.

— Я болтаюсь, потому что жду.

— Знаешь, кто звонил?

— Нет, не знаю.

— Игорь.

— По-твоему, я в курсе всех твоих мужчин?

— Он не мой мужчина. Он мой хороший знакомый, и он сейчас в горах.

— И что? Мне от него привет?

— Кирюша, не сердись. У тебя нет повода. — Она обняла меня и залезла мне на коленки. — Он рассказывает интересные вещи. Данил с какими-то людьми — и судя по описаниям, с учителем — собрали экспедицию и уехали на Тибет. Звали с собой Игоря. Он понять не может, в чем дело. Раньше Данил с ним не очень-то общался — по необходимости только, когда мы все вместе катались. А теперь чуть ли не лучший друг. Говорит, может, я чего проспал или не так понял. В общем, набрали они разношерстного народу и поехали кого-то или что-то искать в Гималаях. Прикинь. — Она победоносно посмотрела на меня. — С водочкой я немного ошиблась... Но Гималаи, я думаю, не хуже водочки будут. Здорово я замутила? Как далеко я их забросила!

— Думаешь, это ты?

— Конечно, я.

«Доброго дня, Муслим.

Кирину силу я спрятал. Обнял ее, попросил постоять и ничего не делать. Вместил ее силу на вдохах, а взамен отдал свою пустоту на выдохах. Полностью не получилось, что-то осталось, но большая часть у меня. Выпирает из груди. А на Киу наброшено покрывало из пространства (свою пустоту я чувствую как бездонное или очень большое пространство). Сегодня Киа сама сказала, что чувствует на себе меховую шубу...

Спасибо за указания. Единственно, с чем у меня нет проблем, это с выключением внутреннего диалога. Об остальном напишу, когда будут первые результаты.

P.S. Учитель с компанией как будто уехал на Тибет, в экспедицию, точно не знаю. Это только со слов какого-то Кириноного знакомого, который сам

чуть было в эту экспедицию не угодил. Вот так. Не знаю, что и думать.

Держитесь, Кирилл».

«Ты молодец. Для первого раза совсем неплохо. Только сначала долго ее не держи (возвращай ей ее хозяйство почаще, хотя бы на несколько часов), и наблюдай, что с ней происходит. Для нее это огромное изменение. Может быть все, что угодно. Да и за собой понаблюдай. Это очень интересный опыт, если быть внимательным и чувствительным. Завидую я тебе.

И будь с ней поласковее. Она сирота вселенной. Муслим».

Муслим не писал несколько недель.

Я все время прятал Кирину силу в себе, отдавая ее только на несколько часов, когда мы были вместе. Это было приятно. Сила была теплая и как бы ласковая.

Кира ощущала себя легко, свободно, у нее ничего не болело — в общем, настроение у нее, как всегда, когда ее ничто не беспокоит, держалось на положительной отметке. Ну, и у меня вслед за ней. Тренировалась с новым тренером. Совершенно бесплатно. Чувствовался чей-то подвох, но я относился к этому с юмором, пытаюсь извлечь пользу — Кира будет и под присмотром, и научится делать правильно упражнения, что тоже немаловажно. Меня только волновали ее неожиданные обмороки. Она ни с того ни с сего вдруг теряла сознание. Правда, у нее и раньше такое бывало, но намного реже. Я не сомневался, что это рук, или не рук, — розового цветка. Похоже, он очень активно пробивал пути и в наш мир. Я находился в нерешительности. Что делать с цветком и чего не делать? Ничего не делать тоже было бы решением, но мое бездействие легко могло привести Киру к гибели. Или поглотить цветок? А если удастся поглотить,

не умрет ли Кира вместе с ним, поскольку цветок является ее частью?

Наконец, утром в офисе проверяя почту, я обнаружил письмо от Муслима.

«Я очень слаб, и поэтому — к делу. Наркоз и последующее забытие использовал с пользой, да, думаю, и возвратился только потому, что вам нужен. Стол небесный уже накрыт, девочки ждут, а я тут с вами еще, старый хрен, задержался.

Сила, которую ты называл врагами, отступила. Не буду хвалить тебя и ее, и вдаваться в рассуждения, как это произошло. Это так.

Но рядом с вами уже другая. Причем сравнительно давно. Более грозная и беспринципная. Точно не скажу, но, скорее всего, это маг-одиночка. Одиночка не в том смысле, что он один, а в том смысле, что у него нет ни философии, ни концепции, ни последователей. Есть сила, план и амбиции. Ваше счастье, что он не уверен, что его цель Кира. Он в замешательстве. Кира не излучает. Ты молодец. Старайся сейчас держать ее практически постоянно. Пусть ей будет плохо. Это лучше, чем никак. Открывай ее только по необходимости, когда видишь, что ей совсем плохо, и очень ненадолго. Находишь, по возможности, рядом. Постарайся проанализировать все ее окружение, особенно новых знакомых, может, обнаружишь кого-нибудь...

И самое неприятное. То, что находится в Кире, хочет непременно выйти и сознательно привлекает заинтересованных лиц. Так что то ли еще будет! Боюсь, что скоро Сила уже перестанет справляться, если Кира не будет ей помогать: заниматься духовными практиками и медитацией, копить энергию. То, что сейчас происходит в бедной девочке, зрелище не для слабонервных, и я могу понять, как ей бывает

плохо, с ее точки зрения — беспричинно. В ней дверь, в которую рвутся с обеих сторон. И если она еще закрыта, так это только благодаря тебе и остаткам ее силы. Сейчас тот момент, когда она должна начать что-то делать, причем она прекрасно знает — что. Иначе все кончится плачевно. Все зло в ней самой. При благоприятных условиях и с твоей помощью она вполне способна раскрыться и срыгнуть сущность в твою воронку, где она исчезнет навсегда, к чертовой матери. Кстати, по поводу сущности. В ней нет ничего таинственного и полезного. Я это увидел очень четко. Она, по сути, ничем не отличается от охотников за Кирой, которые стремятся, сами не знают, куда. А она оттуда стремится сюда. Все очень банально, мать их в попу.

Уточняй, спрашивай. Формулирую с трудом. Муслим. Кирочке привет. Люби и береги это сокровище».

Стараясь не думать об этой таинственной новой силе, которая, по словам Муслима, уже рядом с нами, я размышлял о том, что же все-таки делать с розовым цветком. Пока он не поменял цвет или чего похуже... Несколько раз перечитал написанное, сомнения оставались. Наверное, около получаса я сидел в кресле с закрытыми глазами, раздумывая, какое принять решение. Но думал я, судя по всему, зря, поскольку решение возникло само собой, оно просто высветилось в моей голове — цветок необходимо удалить. Пусть так. Хотя мне было немного даже жаль...

Весь день я занимался текущими делами, давал указания, вникал, бегал, требовал, звонил и вызванивал, даже ругался, но это внешняя сторона, оболочка. Внутренне я молчал и набирал силу для борьбы.

Вечером, уже дома, закрыл окна, чтобы звуки ночной улицы не проникали в комнату, постелил чистое белье и лег в постель.

В черной бесконечности висела — ставшая уже привычной — белая масляная звезда. Я бы удивился и даже растерялся бы, наверное, если бы ее там не было. Тусклым серым пятнышком, немного сместившись еще дальше от нас, едва заметно проглядывал учитель, и совсем близко от меня качался на невидимых волнах саркофаг Киры, в котором крутился цветок, как будто бы переворачиваясь с боку на бок, не в состоянии найти удобное положение и уютомниться — ему явно было не по себе. Какое-то время я просто наблюдал, потом немного сместил восприятие и увидел цветок состоящим из множества маленьких вихрей. Я открыл бесконечность пространства внутри себя и начал засасывать маленькие вихри один за другим. Цветок сопротивлялся, но я был сильнее, и мне его сопротивление не мешало. Беспокойство вызывало другое: хотя цветок свободно двигался внутри саркофага, при поглощении вихрей я постепенно разрушал и сам саркофаг. Я действовал, как мне казалось с ювелирной точностью, но все равно повредил саркофаг. Когда я проглотил около трети цветка, он перестал двигаться и сопротивляться, а на саркофаге образовалась трещина.

Когда я открыл глаза, светящиеся часы показывали четыре ночи.

Меня уже привычно затошнило, что, тем не менее, не помешало мне заснуть.

Утром я первым делом посмотрел, как дела в бесконечности. Треснувший розовый саркофаг немного приблизился ко мне и потерял часть своего цвета. То, что раньше было цветком, грудой лежало на дне и не двигалось.

Меня охватило такое волнение, которого я не испытывал даже в финале Олимпийских игр. Я набрал номер Киры.

— Ты как, милая?

— Сплю я. А что? Ты чего в такую рань? Случилось чего или приступ любви? — она зевнула. — Хорошо бы приступ.

— Да, я звоню сказать, что очень тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, Кирюша... Можно я буду дальше спать?

— Спи, конечно...

Это хорошо, что все живы. Скорее всего, правда, не все, но уж как получилось. Главное, что Кира в порядке... И по темному морозному декабрьскому утру я поехал в офис, по дороге обдумывая письмо Муслиму.

«Доброго дня, Муслим.

Решился все-таки убрать розовый цветок.

Вчера немного (примерно 1/3) цветка втянул в пустоту, но то ли он как-то сросся с Кириной Силой, или я был неловок, или что-то там произошло еще. Но теперь на саркофаге видна трещина. Хотя Киа чувствует себя сейчас хорошо, но стоит ли продолжать без перерыва убирать эту сущность до конца? Или немного подождать? Я очень беспокоюсь о здоровье Киры в связи со своими действиями.

У меня билет в Лос-Анджелес на следующую неделю. Мне необходим один день для решения рабочих дел. И потом три дня свободных, я намереваюсь провести их с вами.

Из новых Кириных друзей выделяются двое: тренер по фитнесу Артем, сам предложивший Кире свои услуги, и человек, который с Кирой часто пересекается в спортклубе — Максим. Для спортклуба личность уникальная — без одной руки по локоть и без одной ноги по колено... Но Кира говорит, если абстрагироваться, он вполне импозантен и интересен. Регулярно качается и ходит в бассейн. Правда я сла-

бо представляю себе это зрелище. Оба появились сравнительно недавно, сначала тренер, спустя месяц — Максим. Ничего особо подозрительного не заметил. Каждого, кто делает движение в сторону Киы, воспринимаю с недоверием.

Выздоровливайте, Кирилл».

«Но-но, полегче, мой милый мальчик. Все, к сожалению, не так просто. Помнишь, я тебе писал, что если мы говорим, что в Кие живет сущность, то это вовсе не означает, что она там находится. Она через нее проявляется и ищет выхода. И энергетически практически бесконечна. То есть ты ее извлекаешь, а она потом восстанавливается за счет энергии своего мира, если ты действуешь напрямую. Ты говорил, что видишь ее в виде цветка, а я советовал отделять по лепестку. Видеть ее можно как угодно, но обязательно видеть, и не просто видеть, а быть при этом уверенным, что это именно оболочка сущности, а не ее энергия, которую она будет черпать до бесконечности, а ты просто перекачивать. Именно поэтому я в последнем письме сказал, что Киа должна открыться и слить ее в тебя. Чтобы избавиться от самой оболочки (ядра), нужно открыть дверь и выпустить эту сущность. Только не в наш мир, а в твою воронку, сдерживая при этом Силу. Это самое сложное. С Силой в данном случае нельзя договориться. У нее установка делать все, чтобы не выпустить эту сущность. Киа должна научиться контролировать Силу, так чтобы хоть на несколько мгновений обезоружить ее. Возможно, ты и сам сможешь это сделать, уцепившись за оболочку и победив ее силу. Если ты это сделаешь, я у твоих ног. Убирать можно частями, но это должны быть части оболочки, а не энергетическое наполнение. И спешить в таком де-

ле не стоит. Следи за состоянием Киы. Только оно — критерий.

Максим — это он. Я еще долго не мог понять, почему у него такое странное плотное тело. Так и не понял. Старый дурак. А все оказывается так просто. Инвалид. А я стал уже думать, что он перекачен стимуляторами, и поэтому плотное тело так странно выглядит. Даже если Кира не будет излучать, он просто так не уйдет. Он человек опытный и чувствует, что в Кире есть то, что ему надо, но не видит, поскольку она скрыта. Скорее всего, он придумает что-то, чтобы узнать точно. Возможно, у него уже есть план, и он по нему работает. Все это очень плачевно. Будьте очень осторожны. Я подумая, что можно сделать. В любом случае, он не должен знать, что рядом с ней госэ.

Мой телефон 001 256 16 13 02; звони мне, как только прилетишь. Если я не отвечаю, звони по телефону 001 256 34 98 77 — это моя подружка Джоа. Она подскажет, как доехать до клиники. Но учти, она не говорит по-русски. Муслим.

Привет Кирочке.

Если я долго не отвечаю, то это вовсе не значит, что я уже умер...

А если пишу, то это не значит, что я вполне жив...»

После писем Муслима мне иногда казалось, что я готов поменять все магические способности на умение так писать. Ну да ладно, мечты все это. Вот буду вести дневник всю жизнь, авось лет через тридцать смогу писать намного яснее и при этом витиеватей.

Похоже, Муслим не полностью поверил в то, что я ему написал. Поэтому и не ответил ничего о треснувшем саркофаге и розовом цветке. При мысли о том, что инвалид появился рядом с Кирой не просто так

и, если верить старику, представляет опасность, меня начинало мутить. Единственно приемлемым шагом в этой ситуации было эту мысль отогнать. На время. Две задачи, которые требовали решения одновременно, выводили мой компьютер, т.е. голову из строя. Сначала надо закончить с цветком.

В бесконечности все было по-прежнему. И я без особых усилий за полчаса вобрал все, что осталось в саркофаге. Саркофаг при этом стал почти полностью прозрачным и понемногу приближался ко мне.

Я не верил, что мне удалось полностью убрать цветок. Хотя и тошнота, и пустой саркофаг говорили об этом абсолютно недвусмысленно, я хотел подтверждения со стороны.

«Муслим, посмотрите, пожалуйста, похоже, цветка внутри Киры больше нет. И она из розовой превратилась в прозрачную.»

Инвалид ищет цветок или Киину силу?

Я долго пытался прочувствовать ситуацию, и думаю, что тренер как-то связан с Максимом, скорее всего, последний его нанял. Он тренирует Киру бесплатно, звонит ей, когда хочет, интересуется здоровьем, всегда знает, когда она придет в клуб. Инвалид появляется в клубе примерно в то же время, что и Кира, наблюдает за ней, проводит с ней время в кофейне и в барах клуба, подкалывает: что, мол, в тебе такого, что тебе в клубе такие привилегии.

Я пока не знаю, что делать. На всякий случай, до выяснения запрещу Кире бывать в обычное время.

Что делать со всей этой розовой чепухой, которая теперь во мне?

Спасибо.

Выздоровливайте. Кирилл».

Позвонила Кира, выпавшая и довольная, готовая идти в зал тренироваться. Правда, говорит, пока

чай попила, две чашки разбила, координация разладилась, право и лево начала путать. Я попросил не ходить сегодня на тренировку. Покрутить дома педали велотренажера, а после погулять в парке.

«Кирилл, посмотреть, к сожалению, не могу. Я сейчас не в том состоянии.»

Ты должен увериться, что забрал именно оболочку, а не энергию, которая имеет цвет. И главное, что ты не нарушил саму Кирину структуру. Что-то ты, мой милый мальчик, силен не по годам. А с той, как ты говоришь, розовой чепухой, ничего делать не надо. Будь то энергия, оболочка существа, часть бедной Киры, или все вместе взятое, всему этому конец, безвозвратный, будь я неладен. Все, что попадает в воронку, исчезает навсегда. Возможно, правда, какое-то время ты будешь чувствовать легкое недомогание. А чего ты хотел? Пища должна перевариться. А ты, вероятно, объелся. Единственно, из-за чего могут возникнуть проблемы, так это из-за того, что ты ненароком мог втянуть в себя часть Кириной структуры. Она не даст себя убить, и будет рваться назад. Не хочу тебя пугать, но это вариант чудовищный. Эта борьба может повредить твою воронку и Киину структуру. Если это произошло, ты скоро поймешь. Это проявится в том, что Кира начнет на тебя беспричинно нападать и искать повод для драки, и в тоже время будет стремиться к тебе постоянно. Поскольку к желанию любящей девушки находится рядом с любимым присовокупится желание обрести единство. Я не думаю, что ты настолько силен, что мог существенно повредить Киру, но если это так, нужно срочно восстанавливать ее и себя, поскольку, тебе тоже будет, мягко говоря, не по себе. Придется находиться рядом до тех пор, пока она не заберет свое. Ты сделать ничего уже не

сможешь. Воронка не может излучать. Кирина структура восстановит себя сама. Но ты не должен сопротивляться. На плотном уровне это будет выглядеть маленькими скандалами, переходящими в моменты безудержной страсти и любви. По возможности иди на поводу, если это все-таки случится, и сразу сообщи мне.

Вообще, на протяжении многих, очень многих лет эзотерики, посвященные и проч. ждали проявления существа, которое якобы способно указать путь, просветлить и т.д. Так что, естественно, стремятся заполучить это существо. Но, как я увидел, существо это ничего стоящего в этом смысле собой не представляет. Хотя никто же этого не знает. Далее, Кирина сила — это всего лишь сила, которая, кстати, в свете последних событий находится сейчас на последнем издыхании, но это дело поправимое. Самое ценное в Кире — это ее структура, т.е. сама возможность проявлять другие миры, накапливать силу, использовать ее, и проч. Бедная девочка, в известном смысле сама существо, которое, если знать, как его использовать, может и указать, и просветлить, и увести. Это очевидно, хотя мало кто это понимает. Кроме того, эта оболочка без соответствующего наполнения никак себя не проявляет, т.е. если существо излучало, сила становится видна тому, кто умеет видеть, однако структура при этом остается практически неопределимой. И если Кира скрыта, то очень тяжело разглядеть в ней то, что она из себя представляет. Силу можно замаскировать всегда — опасным для определения является, или являлось, существо, которое о себе кричало и рвалось наружу, и разве что совсем ленивый мог его не заметить. Теперь вашего мага вполне может устроить и безжизненная Киа, если он, конечно, бу-

дет уверен в ней. А уверенности такой, насколько я понимаю, у него нет. Ты извини, что я так резко, но я хочу, чтобы вы не расслаблялись. Но если вы начнете делать резкие движения в отношении него, он поймет, что что-то не то. Даже не знаю, как лучше. Ты, мой милый мальчик, — в ситуации, тебе и решать. Но сам не проявляйся ни в коем случае. Если он поймет, что рядом с ней гомосексуал, он поймет все. Муслим».

«Доброго дня, Муслим.

Кира понемногу занимается собой.

Вчера я посоветовал не ходить в спортзал, чтобы выждать время и посмотреть, как она себя чувствует, а заодно подумать, как вести себя с инвалидом. Оказалось, Кира чувствует себя очень хорошо: испытывает ощущение внутренней свободы и хорошее настроение. Но, во-первых, разладилась координация, она с трудом попадает в дверные проемы, и вообще проявляет рассогласование мышц. Во-вторых, во время своих упражнений, типа медитации, она ничего не может найти внутри себя, и это ее пугает. Она спрашивает: может быть, я забрал вообще все, что в ней было?

Обо мне. Да, мне было нехорошо. Очень мутно и дышать тяжело, но сегодня уже получше.

Инвалид — Максим. Я вижу его как звезду, яркое пятнышко. Но сутки назад он засиял намного ярче, что вызвал мою озабоченность. Кто его знает, что он задумал. Сегодня Кира пойдет в зал тренироваться, будет внимательной. Посмотрим.

Искренне ваш, Кирилл».

«Ты действительно забрал все. Не знаю, как тебе удалось. Похоже, твоя воронка очень мощная. Пока Кира не восстановит свою структуру, если вообще восстановит, ты будешь необходим ей, как воздух. Возможно, это и звучит многообещающе, но на прак-

тике при твоей, как ты говоришь, занятости, это не есть хорошо. Боюсь, ей будет нужен постоянный физический контакт, причем не обязательно положительный. Крепись.

Ваш охотник не только должен убедиться, что в Кие никого нет, он должен быть уверен, что там никого и ничего не было. Он очень опытен и хитер. Его устроит и пустая Киа, если он узнает о ее структуре.

Держитесь.

Я с вами, даже когда меня нет.

Удачи. Муслим».

«Доброго дня, Муслим.

Половину субботы и воскресенье мы провели вместе с Киой-Кирой. Она чувствует себя немного не в своей тарелке, но в целом неплохо. Радуетса жизни. Что в свою очередь радует меня.

Есть проблемы с ее свободным временем. Друг Киы, человек обеспеченный, дал ей возможность не работать (что само по себе замечательно). Кира каталась на доске по горам, плавала на островах, занималась ребенком. Сейчас ребенок вырос, много свободного времени, а делать ничего особенно не хочется. Из-за этого тоска у нее внутри. Я ее занимаю, как могу, но, увы, у меня наоборот все время расписано. Надо придумать что-то еще.

Инвалид Максим теперь не показывается Кире без недостающих частей, а только пьет с ней кофе после тренировок, одетый по последней моде (вот, оказывается, как маги высшей категории одеваются), а Кира на это падкая — любит импозантных и стильных... И протезы у него неотличимы от реальных конечностей. Насколько я понимаю, он безупречный, галантный кавалер. Киа вспомнила, у него на плече татуировка: рука держит дракона за шею.

Максим заводит разговоры о других измерениях, но Киа такие темы не поддерживает. Хотя то, что она себя выдаст, я не сомневаюсь, ей льстит внимание этого необычного человека.

Я, пытаюсь договориться с пустотой внутри, выпустил ее наружу. Такое впечатление, что она теперь заполняет часть Москвы. А скорее всего, это не впечатление. Также я заполнил Киру, когда прятал ее в себе. Теперь я вижу, как она ходит с большим куском пустоты, который неравномерно выступает вокруг нее на несколько метров. Это не более, чем способ интерпретации. И пустота не совсем пустота, а некая субстанция, которую я пока не готов описать.

Теперь вопросы.

1. Кира — еще сила или уже нет?

2. Кира мне как-то сказала, и это не выходит у меня из головы, что мир принципиально не двуедин, а триедин. Миром правит триада, это на уровне сил. У людей или существ, уж не знаю, как правильнее, тоже есть три основных свойства: Сила, Воля, Пустота. Возможно, нам стоит поискать свою третью часть, Волю? По каким признакам можно найти ее?

3. И что будет, когда воссоединится триада?

4. Как нам дальше быть с Максимом?

5. Передается ли сила по наследству? У Киы ребенок — вундеркинд (по моему мнению).

Я вылетаю послезавтра, увидимся.

Спасибо.

Выздоровливайте. Кирилл».

«Чувствую себя — хреновей не бывает. Так что буду краток, уж не обессудь. Киры, как самостоятельной структуры теперь не существует. Возможно, пока не существует, но сдаётся мне, что это уже навсегда, или очень надолго. Я не знаю, что у вас

там происходит, но твоя пустота начала структурироваться в Киру, и у вас сейчас одно тело на двоих, причем, не ее Сила накапливается за счет твоей пустоты, как это должно было бы быть, а твоя пустота расширяется за счет ее Силы. Ты не потерял индивидуальность. В тебе что было, то и осталось, но кроме этого, твоя воронка расширяется сейчас за счет Кириной структуры. А вот Киа, боюсь, все потеряла, и сейчас будет начинать осознавать себя заново. Не знаю вообще, что с этим едят. Никогда, даже краем уха, не слыхивал о таком. Возможно, все не так плохо. Но ты для нее теперь часть ее самой, вернее сказать, она часть тебя. Поскольку психически и эмоционально она сейчас очень неустойчива, я писал тебе, помнится, о ее внутренней истерике, проявления могут быть самые разные. Имей терпение и старайся не поранить ее. Ей сейчас очень непросто.

Осталась ли Кира Силой, в свете вышеизложенного ничего сказать не могу. В принципе, конечно, должна была остаться. Силу нельзя забрать, ее можно только обессилить, но структура все должна восстановиться. Должна была. Сейчас — не знаю. Вообще, видится мне, что ты уже не совсем пустота, а Киа не совсем Сила, или совсем не сила. Так что третьего можно не искать. Вы в себе сначала разберитесь. Или не разбирайтесь. А просто живите, живите, живите — наслаждайтесь, танцуйте, пока танцуется. А третьего народите. Теперь можно. Кстати, по поводу наследственности. Сила, также как и пустота, по наследству не передается. Но! За счет Силы, Воли, Пустоты человек обретает определенные качества и способности. Вот они по наследству передаются и приумножаются. Не знаю, что на уме у вашего мага, но будь я на его месте, бо-

ролся бы за Киу до конца. Она представляет для мага что-то типа универсального прибора — усилителя, трансформатора, энциклопедии, волшебной палочки, если хочешь. В том случае, конечно, если он знает, как все это работает. Боюсь, ваш маг знает. Но поскольку Киа сейчас связана с тобой, как плод пу-повиной с матерью, — чтобы заполучить Киу, нужно и тебя прихватить. Или убить. Извини. Так что он никак не должен узнать, что ты есть. Если не узнает, твоя девушка будет в безопасности. И ты. И он уйдет. Но, думаю, он о чем-то таком догадывается, если так долго не уходит. Будьте очень внимательны. Если вы не проколется, он не сможет ни за что уцепиться. Муслим.

Привет Кие. Не посвящай ее в то, что я написал. В ту часть, которую ей лучше не знать. Опасаюсь, что она может неоднозначно воспринять то, что ты натворил, и что теперь с вами стало.

Удачи вам, похоже, вам ее нужно немало.

И приезжай быстрее, не знаю, сколько еще протяну.

Да, и по поводу дракона. Забыл. Бывает. Вообще, змея в магии, дракон, как развитая змея, является символом перемещения, переползания в смежные миры, реальности. Кроме того, змея умна, хитра и бесчувственна, часто символизирует расширенное сознание. А рука это контроль».

В понедельник вечером я заехал к Кире и мы поужинали в кафе рядом с ее домом. Проблемы начались уже по телефону.

— А какой смысл встречаться, Кирилл? Ты улетаешь в Америку, ну и лети. Общайся со своим Муслимом. А ты не боишься, что когда вернешься, меня уже не будет? Расслабиться захотелось, развеяться, сменить обстановку? Не вопрос, так и скажи.

Отвечать на такие упреки я не стал, бросил машину около офиса и помчался на метро к Кире.

За ужином в кафе скандал продолжился. Кира была вне себя, временами глаза становились почти безумными, а от ее вибраций у меня перехватывало дыхание, казалось, еще немного и у меня внутри что-то лопнет, треснет, надломится и я сползу под стол мертвый с гримасой последней нестерпимой боли. Я открылся, создал поток в свою воронку и поглощал негативные вибрации. К концу вечера Кира немного успокоилась. Не полностью, но хотя бы до состояния, когда она смогла осознать, что с ней что-то происходит. Я же знал, что всему причиной, но теперь путь был только вперед.

Глава 13

— Правила создаются по ходу игры, — возразила Снежная Королева. — А дыню положите себе на бестолковку... Я наигралась. Вы зашибенный партнер. Было мажорно до смерти...

Е. Клюев. «Между двух стульев».

— Мне бы что-нибудь почитать. В самолете... — сказал Кирилл вместо слов расставания.

— Отдохни. Выспись. Полечи свой хронический недосып. — Кира как будто злилась, а у Кирилла просто не было сил высчитывать, почему Кира опять надула свои очаровательные губки. По поводу недосыпа она была абсолютно права.

— Не сердись. Я обязательно посплю. Но лететь очень долго.

Кира молча протянула ему несколько детективов Акунина.

— Спасибо, конечно, — он неуверенно взял книжки.

— Что-то не так?

— Дай мне что-нибудь про октавы... Или что-нибудь из твоих записей. Чтобы понять...

— Понять что?

— Что происходит.

— Думаешь, у меня есть?

— Думаю, да.

Кира распечатала из ноутбука пачку страниц.

— Держи. Ручная кладь до пяти килограмм. Только понять в принципе ничего нельзя. Разве что

ухватить, вот это. Но и это вместить удастся лишь избранным.

— Ну, значит это как раз для меня. — Кирилл крепко прижал Киру к себе. — Я скоро вернусь, мы будем жить счастливо и умрем в один день.

— Мы не умрем...

Отъезд Кирилла ввел Киру в некоторое замешательство. Она как будто вынырнула из таинственных и сказочных морских глубин на поверхность; здесь дул сильный пронизывающий ветер, поднимая верхний слой воды и колкими каплями бросая в лицо, заливая глаза холодной солью. И в то же время беспощадное солнце продолжало палить, сжигая на теле кожу. А главное — все это было настоящим. Пришло леденящее осознание того, что если это и игра, то играть придется до конца и всерьез. Известное и затертое до дыр и банальности выражение, что жизнь — игра, Кирой воспринималось не аллегорически, не абстрактно, а буквально. Она играла. Самозабвенно, но всегда зная, что игру можно остановить, а в крайнем случае, начать заново. В последнее время играть было чертовски интересно. А то, что иногда было больно, мучительно, плохо, страшно, гибли и сходили с ума люди, — списывалось в счет игры. Игра именно и интересна тем, что непредсказуема, полна неожиданностей, побед, сменяющих поражения. Без поражений нет побед. Еще одна банальность. Но вот сейчас, когда она осталась одна, без Кирилла, до нее дошло, что играет ведь только она. Остальные не настроены, или настроены совсем по-другому. Кира до последней минуты не верила, что Кирилл улетит к Муслиму. Даже смерть Давида не произвела на нее такого впечатления, как решение Кирилла во что бы то ни стало повидать Муслима. Смерть вообще никогда не воспринималась Кирой всерьез, по-

скольку в ее восприятии она представлялась не концом, а началом, началом новой игры... И только когда она возвращалась из Шереметьево, поняла, что происходит что-то серьезное, то, что если не разрушает ее игру, то придает ей совсем иной смысл и цвет. Кирилл, который все же «упал в любовь», как говорят англичане, упал следом за ней, причем с большей высоты, — все бросил и, можно сказать, в разгар «медового месяца», который по ряду вполне определенных причин обещал растянуться на годы, улетел неизвестно куда, неизвестно к кому, а главное — неизвестно зачем. Ко всем манипуляциям, которые производил с ней Кирилл, она относилась снисходительно, подыгрывая ему, в глубине души абсолютно не сомневаясь, что они, то есть эти манипуляции, не являются необходимыми и особенно ничего не меняют, а представляют собой один из вариантов этой самой игры, как, впрочем, и все последние события. Теперь же Кира задумалась по-настоящему, чего уже давно не делала, заглянула в себя и растерялась. Она действительно изменилась, или даже нет, не изменилась, а стала совсем другой. В том смысле, что она из большой рыжей собачки превратилась, например, не в маленькую, беленькую с пушистым хвостиком, — а в тигра или в попугая... Хорошо бы в тигра... А если в попугая? Внутренняя перемена не была для нее откровением, она наблюдала за ним уже несколько дней и даже упрекала Кирилла, что он отъел от нее кусок. Сейчас, однако, она впервые взглянула на это не в рамках игры, а в свете вечности, и испытала удивление и испуг, — испуг, доходящий до ужаса. Болезнь, от которой она так мечтала избавиться, отступила, высветив лишь одну реальность из расцвеченной бесконечности, придав тем самым Кириной игре совсем другой смысл, вернее, лишив ее глобального

смысла. Кира чуть не врезалась в остановившуюся впереди машину.

Добравший домой, она, выпив полбутылки дорогого коньяка, заснула без сновидений. Наутро, ощутив прилив новых сил, отправилась в спортклуб, стараясь отгонять мысли о Кирилле. К вечеру, правда, все силы кончились. Внутри было тихо — никто не рвался наружу, не показывался — но что-то явно было не так. Кира чувствовала, что излучает, причем не так, как раньше — изучает вибрации нового непонятого качества и переменной частоты. Голова кружилась, все тело ломало. Коньяк не помог.

Звонил Кирилл. Кира не стала ему ничего рассказывать, только попросила не задерживаться. Но Кирилл, по-видимому, и в самом деле уже чему-то научился и хорошо видел, несмотря на расстояния и скрытность Киры.

— Я знаю, что с тобой происходит. Потерпи немного. Я помогу. Ничего не делай. А главное — ни о чем не думай. Твои мысли ужасно вибрируют...

— Опять! — У Киры даже нашлись силы подскочить от возмущения. — Опять контролировать мысли? Нет уж. Дудки. Я не вижу реальностей. Ничего не вижу. Так что думать могу — о чем угодно.

— Если ты не видишь реальностей, это вовсе не значит, что их нет. От твоих вибраций сначала умрут все вокруг люди, потом я, а потом и ты сама. В общем, Земля превратится в пустыню, а потом тоже умрет...

— У тебя здоровое чувство юмора.

— Это потому, что я здоров. Пока. Так что не буй, а слушайся.

Телефон надрывался. Кира потянулась, зевнула, села в кровати. Все прошло. Само или Кирилл постарался? Не важно. Она посмотрела на часы. Почти полдень.

- Кирочка, добрый день, это Артем, твой тренер.
Кира сладко зевнула:
- Доброе утро.
 - Я тебя, никак, разбудил?
 - Именно как, — она опять зевнула.
 - Ну извини, — протянул он растерянно.
 - Ничего, ничего, все нормально.
 - У тебя все в порядке?
 - Да, а что?
 - Ты вчера не пришла на тренировку и не позвонила. Думаю, может, чего случилось...
 - Ой, извини. Закрутилась. У меня все хорошо.
 - Сегодня придешь?
- Кира пошевелила пальцами на ногах, потом напрягла пресс:
- Приду обязательно.

Через полчаса Кира бодро вышагивала по улице, направляясь в спортклуб. Мнения Кирилла о том, что Максим за ней охотится, а Артем работает на Максима, не существовало, когда Кира была бодра, весела и у нее ничего не болело, как, собственно, сейчас и было. Лишь в моменты бессилия и страха Кира допускала, что Кирилл не так уж и далек от истины. Сейчас момент был явно не тот. После двухдневного недомогания чувствовала она себя прекрасно, а когда ей было хорошо, проблемы сами собой исчезали или уходили на задний план, так, что совсем не беспокоили. До следующего приступа отчаяния и боли. Отсутствие боли для Киры означало отсутствие проблем.

Первым, кого она встретила, оказался Максим. Он вышел из машины и о чем-то договаривался со своим шофером.

- Привет, — Кира махнула ему рукой.

— Увидимся, — заулыбался в ответ Максим. — Я следом. Вот только дела решу...

Было в Максиме что-то притягательное. К нему тянуло. С ним хотелось общаться. Правда заглянуть в него не удавалось. Все попытки увидеть, что у него внутри, натыкались на холодную бетонную стену. В принципе, это ни о чем не говорило. Кира и раньше встречала людей, причем совершенно нейтрально к ней настроенных, заглянуть в которых не представлялось возможности. Причины были разные — от перенесенных ими болезней до смещения частоты вибраций — в общем, это вовсе не означало, что стена выстроена специально. С Артемом дело обстояло проще. Кира успешно, без труда в него погружалась и не видела в нем ничего подозрительно, хотя это тоже само по себе ни о чем не говорило, поскольку если им руководил Максим, он мог замести все следы.

— Что-то ты, Кирочка, сегодня как-то слишком уж долго тренировалась. Я ждать тебя устал, — растянулся в улыбке Максим, когда Кира подсела к нему за столик.

— Да, я два дня пропустила — дела навалились, а силы копились. Ужас, сколько накопилось. Надо было их использовать.

— Да? — вроде как с недоверием переспросил Максим. — Ну я рад, что ты в порядке. А то уж было начал волноваться.

— Если я пропускаю тренировки, это вовсе не значит, что я умерла, а если прихожу, — она хитро прищурилась, — это также не означает, что я жива. — Кира вдруг вспомнила каламбур из одного из писем Муслима, который ей зачитал Кирилл. Кирилл никогда не показывал ей писем Муслима целиком, а лишь изредка зачитывал особенно понравившиеся ему места.

— Я это уже давно понял. Просто как-то тяжело это осознать. Но я близок. — Прозвучало, как угроза.

Кира напряглась.

— Расслабься... — Он поставил перед ней стакан грейпфрутового сока. — Впрочем, после такой тренировки чтобы расслабиться, требуется что-нибудь более существенное, чем грейпфрутовый сок. — Он засмеялся. — Банановый, например. — Он подождал, пока его слова осядут в Кире, и продолжал. — А если серьезно, — он наклонился к ее уху, — я приглашаю тебя в ресторан. Пойдешь со мной в ресторан?

Кира сделала вид, что думает.

— Я брошу к твоим ногам свои протезы...

— А как же мы пойдем, без протезов? Я вас не донесу.

— Я поползу...

— А вот этого не надо... Я согласна, — сказала Кира и потрогала его руку, как будто проверяя наличие протеза.

«Кирилл все равно улетел, — стала оправдываться перед собой Кира. — Должна же я как-то развлекаться. Мысли плохие отгонять, вытеснять... Чтобы не вибрировать плохо. Чтобы всем было хорошо. — Получалось неубедительно. — Я вполне могу сходить в ресторан с приятным мне человеком. Без продолжения, разумеется. А хотя бы и с продолжением, — додумала она машинально. И тут же послала далеко в пространство: «Прости меня, Кирюша, дуру такую. Я люблю тебя. Очень. Но в ресторан пойду. Ужасно есть хочется». Мысль о том, что это может быть опасно, даже не пришла ей в голову. Впрочем ничего страшного не произошло. Они премило поболтали, поели всяких вкусностей и даже потанцевали. Максим, при всей своей, мягко сказать, необычности, танцевал весьма неплохо. Он не только ни разу не наступил Кире на ногу, но и вел ее очень уверенно. Правда несколько раз Кира ощущала слабые уколы в голову, как будто острая игла осторож-

но, стараясь не причинить боль, проникала в сознание, но вино сделало свое дело — Кира не остановилась и не зафиксировала это ощущение, и оно лишь слабо коснувшись сознания почти забылось.

Я улетал с тяжелой душой. Мне было нелегко оставлять Киру в таком состоянии и в большой опасности. Несмотря на то, что мы заранее договорились не упоминать о моей поездке в письмах по электронной почте и в разговорах по телефону, все же я не был уверен, что это осталось тайной для всех, кому об этом знать не следовало.

Самолет был наполовину пуст, так что мне не составило труда найти уединенное место, где можно было вытянуть ноги и не обращать внимания на попутчиков. На места рядом с собой положил вещи, чтобы кто-нибудь не присел ненароком. Прошла стюардесса, оглядела меня строгим, но приветливым взглядом на предмет моей «пристегнутости» и удалилась. Москва внизу прощалась. Я внимательно рассматривал ее очертания, стараясь ни о чем не думать. Через полчаса она скрылась под облаками. Еще какое-то время помедитировав на облаках, я отвернулся от окна. Вполне спокойный. Попросил принести мне воды без газа и достал из рюкзака бумаги, которые мне дала Кира.

«Закон октав», — прочитал я, — «фундаментальный закон вселенной... Нет, не закон сохранения... И не законы квантовой механики... И не закон падающего бутерброда... Все они являются лишь следствиями, или частными случаями... А незыблемый и самый основной закон — это закон семи, или закон октав — до, ре, ми... Как много в этих звуках... Гармонии. Хаоса. Жизни. И всего, всего, всего. Чего угодно.

Вселенная вибрирует, и нет ничего, что бы не вибрировало... Вибрации происходят во всех видах, аспектах и плотностях материи, составляющей вселенную, от самых тонких до самых грубых ее проявлений. Они исходят из различных источников и устремляются в разные стороны, пересекаясь, сливаясь, усиливаясь, ослабевая, препятствуя друг другу... А мы — люди-человеки — вибрируем постоянно, подчиняясь закону семи (или восьми, если считать верхнее «до» — как кому нравится), причем вибрируем не однообразно, а с чередующимися ускорениями и замедлениями. А если быть точнее, сила первоначального импульса действует, не изменяя своей природы, и вибрации развиваются правильно (единообразно) лишь в течение некоторого времени, зависящего от природы самих вибраций, среды и проч., далее происходит особого рода перемена и вибрации перестают повиноваться импульсу — они замедляются и даже могут менять свою природу или направление. После этого вибрации возрастают или затихают до известного момента, когда в их развитии вновь происходит задержка. Например, вы с превеликим энтузиазмом взялись за изучение какого-нибудь заморского языка, книгами обложились, словарями, денег кучу потратили, и какое-то время, которое зависит от личностных характеристик и всевозможных причин, вы с достаточным рвением зубрите и ходите на занятия, но потом энтузиазм проходит (всегда и у всех, что, конечно, не означает, что цели никто не достигает — кое-кто достигает, но об этом позже) и дальнейшее обучение протекает уже немного (или совсем) по-другому, в зависимости от мотивации, воли или банальной случайности. В этой связи, однако, знаменательно, что периоды единообразных колебаний не равны, а периоды замедления вибраций не симметричны: один из них

короче, другой длиннее. Законы, управляющие распространением вибраций, были известны древней науке и включены в особую формулу, или диаграмму, где период удвоения колебаний был разделен на восемь неравных ступеней в соответствии с темпом возрастания вибраций. Восьмая ступень повторяет первую, но с удвоенным числом вибраций, а сам период удвоения определяется как октава.

В облачении этой формулы идеи октавы передавались из рук в руки, от учителя к ученику, от одной эзотерической школы к другой. В очень отдаленные времена кому-то из посвященных пришла в голову мысль применить эту формулу к музыке. Так была получена музыкальная гамма семи тонов, являющаяся универсальной формулой космического закона. Не больше не меньше. Вот так!»

— Привет, — услышал я и поднял голову.

Передо мной стояло неопределенного возраста создание женского пола, улыбаясь белыми огромными зубами. Сесть оно не могло, так как я заблаговременно разбросал свои вещи так, что пристроится возможности не было никакой.

— Привет, — повторило оно и сверкнуло зубами.

— Добрый день, — сказал я и поднял брови.

— Я вот смотрю, вы один, — она угрожающе выставила вперед свою белоснежную челюсть. — И я одна. Скучаю. Давайте скучать вместе.

Я сглотнул.

— Ну, вместе скучать смысла нет... Объединяются, чтобы не скучать.

— Конечно, конечно. Вы абсолютно правы. Это я так выразилась. Красиво звучит. «Скучать вместе».

Можно было нагрубить и ответить резко, но я почему-то никогда не пользуюсь этой возможностью. Воспитание? Или трусость?

— Извините, — я показал ей на бумаги. — Работа, будь она неладна. Я бы с удовольствием с вами поскучал, но, увы, не могу.

— А-а-а... — протянула она. — Вы по работе летите? А вы кто? Ученый или бизнесмен? Так на ученого похожи... А вы в какой области?

— Мы поговорим с вами позже, когда я закончу с бумагами. Если закончу. — Я опустил голову и начал читать.

Она еще немного помялась рядом со мной и, уходя, отчеканила:

— Я буду ждать. Я сижу на месте 7А. — Она еще подождала, не последует ли ответа и ушла.

«А теперь немного, совсем чуть-чуть математики. Итак, если принять «до» за единицу, тогда «ре» будет составлять $9/8$, «ми» — $5/4$, «фа» — $4/3$, «соль» — $3/2$, «ля» — $5/3$, «си» — $15/8$ и «до» — 2. Разница в интервалах будет наименьшей между «ми» и «фа», а также «си» и «до». Как раз в этих местах и происходит замедление октавы, а как следствие — отклонение от первоначального направления. Итак, «до-ре-ми» — развитие при неизменном действии импульса, между «ми» и «фа» — линия развития меняет направление, и через «фа-соль-ля-си» идет уже под углом к первоначальному намерению. «Си» — «до» — новое отклонение, увеличение соответствующего угла. Следующая октава дает более заметное отклонение, а идущая за ней — еще более явственное, так что линия октав, в конце концов, может сделать полный поворот и идти в направлении, противоположном первоначальному.

Этот закон показывает, почему в нашей жизни никогда не бывает прямых линий и отчего, взявшись за что-то одно, мы почему-то делаем совершенно иное, зачастую противоположное первому, продолжая ду-

мать, что занимаемся тем же, чем и в начале. Многое, что происходит с нами и вокруг нас можно объяснить с помощью развития октав, понимая, разумеется, значение интервалов, которые то и дело меняют развитие силы, направляют ее по ломанной, поворачивают, превращают дело в полную себе противоположность...

Такой ход событий, то есть перемену направления можно наблюдать во всем. После периода энергичной деятельности или сильной эмоции наступает реакция — работа становится нудной и утомительной, в чувства вкрадываются элементы усталости и безразличия, мысль движется по кругу, повторяя то, что уже известно, причем линия продолжает развиваться, хотя уже и не в том направлении. (А как много поворотов сил должно было случиться от Евангелия, проповедовавшего любовь, до инквизиции; или от аскетов первых веков, изучавших эзотерическое христианство, до схоластов, вычислявших, сколько ангелов может поместиться на острие иглы.) Ничто не стоит на одном месте, не остается тем, что было — все движется, куда-то перемещается, меняется и с неизбежностью или развивается, или идет вниз, ослабевает и вырождается. Иными словами, все движется или по восходящей, или по нисходящей линии октав. Ничто не в состоянии развиваться без постоянных усилий. Мы часто не видим и не понимаем этого, может быть потому, что не допускаем неизбежности спада, когда нет подъема, а возможно потому, что принимаем спад за подъем. Ведь везде и во всем происходит раскачивание маятника. А внутри у нас существует, пожалуй, сотня маятников, которые движутся туда-сюда. Эти подъемы и падения, эти волнообразные флюктуации настроений, мыслей, чувств, энергии, реше-

мости — все это периоды развития сил между интервалами октав.

Как бы ни парадоксально это выглядело, но правильное (т.е. без изменения направления) развитие октавы часто зависит от кажущейся случайности. Иногда выходит так, что другие октавы, идущие близко к октаве-х, пересекают ее или сталкиваются с ней, тем или иным образом заполняя ее интервалы, в результате позволяя колебаниям октавы-х развиваться свободно и безостановочно. Если в нужный момент, а именно в интервал замедления приходит добавочный толчок, совпадающий по силе и характеру с исходными вибрациями, то октава-х будет беспрепятственно развиваться в первоначальном направлении, ничего не теряя и не изменяя своей природы.

Здесь, однако, нужно отметить, что наблюдается существенное различие между восходящими и нисходящими октавами. В восходящей октаве первый «интервал» возникает между «ми» и «фа», и если здесь добавится необходимая энергия, октава будет беспрепятственно развиваться до «си», где для перехода в «до», для правильного развития ей потребуется гораздо более сильный добавочный толчок, чем ранее, между «ми» и «фа». Причиной является более высокая частота колебаний, и чтобы преодолеть остановку развития, здесь требуется большая интенсивность толчка.

В нисходящей октаве такой интервал возникает в самом ее начале, сразу после первого «до», и материал для его заполнения часто находится или в самом «до», или в боковых вибрациях, вызванных этой нотой. По этой причине нисходящая октава развивается легче восходящей. Деятельность, связанная с творческими процессами, представляет собой нисходящую октаву. Примерами восходящих октав могут служить эволюционные и космические октавы.

Вообще, получается, что результат любого предприятия, начинания зависит как раз от добавочного толчка, который позволяет линии сил достичь намеченной цели. В примере с изучением иностранного языка, таким толчком может явиться известие, что вам представляется возможность (о которой вы всю жизнь мечтали) увидеть, пожить или поработать по выгодному контракту в чужой стране, и возможность эта будет зависеть от степени владения вами иностранным языком. Или вы встретите барышню небесной красоты, которая снизойдет до вас, только если вы сможете сочинять сонеты и оды на языке этой страны, в совершенстве освоив все тонкости грамматики и лексики. Можно, правда, найти достаточно силы и воли на сверхусилие в самом себе — и независимо достичь поставленной цели. Однако сознательный внутренний результативный импульс — чрезвычайно редкое явление.

С другой стороны, вас могут и без всякого знания, во внешних причинах направить на работу в заморскую страну, где вы в любом случае выучите ее язык, потому что будете вынуждены общаться на нем каждый день в течение многих лет...

Это классический пример случайного импульса. Те линии развития сил, которые оказываются выпрямленными благодаря случаю и которые человек иногда может увидеть, предположить или ожидать, вызывают у него иллюзию прямолинейности. Иначе говоря, он думает, что прямые линии — это правило, а ломаные — исключение, что в свою очередь вызывает у него иллюзию возможности достичь определенной цели. В действительности события случайно приводят к результату, только лишь напоминаящему первоначальную цель, разве что по внешним признакам, да по начальной формулировке. Человек (тот, с кем про-

изошел случай) уверяет себя и других, что достиг цели, которую ставил, и что любой другой также способен это сделать; и прочие ему верят. На самом деле, все это иллюзия. Можно выиграть и в рулетку. Достижение цели представляется точно таким же случаем. За исключением того, что, играя, мы знаем, выиграли или проиграли в каждом отдельном случае, то есть на каждой ставке, а в деятельности — в которой участвуют много людей и между началом и завершением проходят целые годы — легко можно обмануться и принять достигнутый результат за желаемый, и поверить в то, что выиграли, тогда как в целом проиграли, поскольку стремились вначале совершенно к другому.

При изучении закона октав нужно учитывать, что октавы бывают основные и подчиненные. Основные подобны стволу дерева, подчиненные — ветвям. Семь основных нот и два интервала, носители новых направлений, дают вместе девять звеньев цепи. Основные связаны с подчиненными вполне определенным образом. Из подчиненных октав первого порядка возникают октавы второго, третьего порядков и выше. Строение октав похоже на строение дерева. От главного ствола отходят во все стороны ветви, переходящие во все более мелкие и тонкие веточки.

И что все это нам дает? А вот что. Охватывающие нас порой моменты слабости, лености, безразличия — это не что-то из ряда вон выходящее и случайное, а закономерное развитие любого процесса. Это не исключение, а правило. И происходит это с нами не потому, что мы такие особенные и исключительные, плохие или хорошие, несчастные или счастливые, а потому, что это СЛУЧАЕТСЯ. Со всеми. Просто если нам дорог результат, которого хотим добиться, и нравится дорога, по которой идем, и не хотим сворачивать на тропы, и утопать в придорожной траве, —

нам требуется прикладывать не просто усилия, а сверхусилия, чтобы достичь, не упасть и не раствориться в порой даже радующей — сладостной, и успокаивающей музыке повернувшихся и развернувшихся многоликих и многоголосых октав».

Отложил ворох бумаг и посмотрел в окно. Принесли ужин. После еды я закрыл глаза и думал о нас с Кирой, об октавах, о... Разбудили меня во Франкфурте. Все пассажиры уже вышли в аэропорт и я, взяв в руки куртку и рюкзак, пошел по длинным разноуровневым переходам. Побродил по магазинах беспошлинной торговли, попил кофе в баре и поглазел на людей, так же, как и я прилетевших сюда на несколько часов. Был приятно удивлен, увидев зубастое создание с каким-то толстяком с портфелем. Она показывала ему свой оскал, а он, судя по всему, не возражал, даже был доволен, что-то мурлыча себе под нос.

Через два часа я снова оказался в самолете и все одиннадцать часов лету до Лос-Анджелеса мирно проспал.

Яркое солнце, плюс пятнадцать и человек с табличкой, на которой написана моя фамилия. После двухчасовой дороги по полям или, наверное, по-американски — по прериям, усеянным ветровыми установками, я разместился в гостинице, а затем пообедал с партнерами по бизнесу. За день я посмотрел все, что необходимо было посмотреть, пощупал руками все, что необходимо было пощупать, и получил все заверения, которые необходимо было получить.

На следующее утро меня отвезли в Сан-Диего. Я остановился в отеле недалеко от клиники, где лежал Муслим. Как проехать и где лучше разместиться мне объяснила Джоан, голоса Муслима я пока не слышал. Мы договорились, что я приду в клинику к четырем часам. Поскольку у меня еще было время, я, по-

слонявшись по номеру и оглядев все его достопримечательности, достал оставшуюся часть бумаг, которые мне дала Кира.

«Как рождаются миры.

— Нет ничего, кроме вибраций.

Все вибрирует. Жизнь. Смерть.

Одиночество. Отчаяние. Беда.

Удовольствие. Любовь. Радость.

— И все это пища... Вибрации любого рода являются пищей.

Всегда находится тот, кто это ест.

— Нет, все это происходит,

Потому, что всегда кто-то

Голоден.

Горхиарх чувствовал голод. Теперь уже знал точно, он просто хотел есть. Вначале это легкое неудобство он охарактеризовал как усталость. Учитель в последнее время был чрезвычайно требователен и строг. А Горхиарх хотел быть хорошим, дотошно выполнял все требования и предписания. Он обещал маме. Мама дала ему еще один шанс. Она снисходительна. Сказала, что у него извращенный ум, и он слишком много читает. Неправда. Читает мало, понимает еще меньше. Но очень старается.

Как же хочется есть. Богатый стол Императорского дворца уже не мог удовлетворить его. Горхиарх огляделся. Ели медленно. С удовольствием. Он переводил взгляд с одного блюда на другое, словно стараясь открытым, влажным ртом поймать на лету что-то необыкновенно вкусное, то, чего он так жаждет. Все нето. Голод не проходил, а рос в нем. Горхиарх ощущал его не только своей плотью, но и сознанием. Он ел с неохотой. Что толку в еде, если нельзя наестся?

Угрюмая оцепенелость голодной души, заряженной способностью к мышлению. Он встал из-за стола.

— Спасибо. Я пойду к себе. Мне что-то нездоровится.

Быстрый взгляд бледных, бесчувственных глаз. Все глаза были устремлены на него. Шепот. Шепот перешел в хитрое кудахтающее хихиканье.

Возмущение. Злоба. Страх. Какой же слабой оказалась узда, державшая его столько лет в повиновении и дисциплине. В один миг решительный, бесповоротный шаг грозил лишить его свободы раз и навсегда. Соблазны мира, пути греха. И он падет. Неслышно, бесшумно, в одно мгновение. Навсегда. Какое странное и страшное слово.

Навсегда. «Пасть навсегда» — тяжелая фраза медленно оседала в его сознании, проваливаясь, точно камень в трясину. Горхиарх следил, как она оседает, и чувствовал ее тяжесть на сердце.

— Конечно, иди, сыночек.

И вот уже все смотрят на императрицу. Сытые и насыщающиеся мозги вокруг. Решают, почему мать не наказала сына. Замышляют выгодные сделки. Все не их: одежда, речь, жесты. Их глаза опровергают их слова.

Горхиарх думал. Он чувствовал, как что-то важное упорно ускользает от него. Если в течение КРУГА он не найдет себе пищу, он умрет. Слабые проблески страха обратились в ужас. Он представил, как предсмертный холод выползает из сознания, туман заволакивает глаза; мозговые центры, еще недавно озаренные светом мысли, угасают один за другим, как фонари.

Слова и цифры на странице его тетради запрыгали и, в конце концов, развернулись пышным хвостом, как у павлина, в глазках и звездах. Уравнения задрожали,

глазки и звезды показателей стали взаимоуничтожаться, хвост начинал медленно складываться. Надписи появлялись и исчезали, словно открывающиеся и закрывающиеся глазки, вспыхивающие и угасающие, как звезды. Огромный круговорот звездной жизни уносил его усталое сознание прочь за пределы, в никуда, а потом с силой возвращал обратно к центру, и это движение сопровождала музыка голода. Звезды начали крошиться, и облако тонкой звездной пыли понеслось в пространство. И вот уже следующее уравнение медленно распускает хвост. Это растет его голод, разворачиваясь, рассыпая тревожные огни пылающих звезд. Он захлопнул тетрадь. Голод становился все сильнее и сильнее.

Как будто волна жизненной силы хлынула из него, и он боялся, что тело и душа будут убиты этим извержением. Страх вдруг обратился в холодное, равнодушное познание самого себя. Он вспомнил, как прогуливаясь со слугами по ОКРАИНЕ, он заговорил с торговцем странностями. От того исходил удивительный и чудесный запах. Мама потом долго негодовала и ругала слуг, что не досмотрели и позволили Горхиарху войти в контакт с недостойным. Интересно, чем это так пахло? Сейчас он чувствовал этот запах сознанием и внутренне улыбался. Он разыщет этого торговца во что бы то ни стало. Он должен сделать это, или он умрет...

КРУГ подходил к концу. Все попытки отыскать торговца странностями ни к чему не привели. За это время Горхиарх почти привык к постоянному чувству голода, и оно уже не доставляло ему столько неудобства, как раньше. Холодное, трезвое равнодушие царило в его душе. Лекари со всей Империи съезжались, чтобы облегчить его страдания, вернее сказать, страдания его Всеобъемлющей матери.

Сам он уже не слишком страдал и смирился со своей болезнью. И лишь по вечерам скитался он по ОКРАИНЕ в поисках неуловимого торговца. Лихорадочный жар охватывал его и гнал бродить в сумерках по узким улицам.

На далекой планете, находящейся во власти сорока восьми законов, на самых задворках Вселенной одиннадцатилетний мальчик вновь и вновь боролся с цифрами, пытаясь доказать великую теорему Ферма. Он не знал, справится он или нет. Впрочем, он даже об этом не думал. Его привлекал сам процесс. Тихая радость раздвигала его губы. Трепетная, мерцающая, как слабый свет радость кружилась вокруг него волшебным роем крохотных звезд. Радость разливалась в цифрах и символах. Они беззвучно сталкивались, распадались, набегая один на другой, струились, раскачивая немые колокольчики невидимых волн. Как мог он знать, что какой-то торговец странностями из неведомого, невообразимого мира делает маленькие конфеты из этой тихой, еле заметной радости.

Горхиарх часто приходил в ЗАПОВЕДНИК МУДРЫХ КАМНЕЙ и проводил там долгие часы, пересаживаясь с одного камня на другой. Императрице не нравилось это увлечение младшего сына, но, принимая во внимание его странную затяжную болезнь, она старалась не замечать его отлучек, и не заостряла на этом внимание двора. Горхиарх садился на камень, сливался с ним и слушал его голос. Камней были тысячи, даже тысячи тысяч, и они все время перемещались, так что он никогда не помнил, сидел ли он уже на этом камне или нет.

— Преисподняя расширилась и без меры раскрыла пасть свою.

Горхиарх пересел на другой:

— Время есть, время было, но времени больше не будет.

Он почувствовал запах, тот самый. Быстро спрыгнув с камня, Горхиарх побежал на этот запах, гонимый нестерпимым голодом.

Торговец странностями сидел на одном из камней и сосал конфету.

— Ух, ты! Какой голодный! На вот, возьми конфетку. Он протянул Горхиарху леденец.

Горхиарх быстро положил конфету в рот. Тягучий, густой аромат.

Тихая радость разлилась по телу. Он чувствовал, словно какая-то сила снимает с него так долго мучавший его голод — с такой же легкостью, как снимают с плода мягкую спелую кожу. В потоке света, внезапно хлынувшем из него, он увидел лучезарную клубящуюся массу звездной пыли, на которую искрящимися струями проливался его голод. Всем своим естеством он ощущал, что в этом ослепительном водовороте зарождается что-то новое, невообразимое и трепетное. В оцепенении чувств он ждал, когда чарующий туман рассеется, и откроется то, что за ним скрыто.

Новый с иголочки мир.

— Еще. Еще конфет. Он быстро протянул торговцу руку, не в силах оторвать глаз от буйства света и форм.

— Да на, возьми все, если так нравятся. Это чудесные конфеты.

Совсем недалеко от счастливого Горхиарха два не приметных камня вели вялый диалог:

— Великая вселенская жрачка.

— Все друг друга едят.

— Да, и многое случается в этом странном и непостижимом мире только лишь потому, что требуется жрачка определенного качества.

— Полегче, профессор, не жрачка, а вибрации.

— Ну, вибрации. Какая разница, как назвать жрачку».

Дальше следовала приписка: «Примечание автора». Я мысленно улыбнулся. У Киры этого не отнимешь. Впрочем, почему нет. Она ведь автор. Хотя если бы писал я, то было бы просто примечание. Ну да ладно.

«Органическая жизнь, в том числе и человек, с одной стороны — орган восприятия Земли, с другой — орган излучения (вибраций).

Все, что происходит на Земле, создает вибрации. И многие вещи случаются только потому, что требуются вибрации определенного вида.

Солнце, например, поглощает наиболее плотные вибрации (плотность вибрации обратно пропорциональна плотности материи), т.е. самые качественные и тонкие с точки зрения материи. Самыми грубыми вибрациями питается Луна. Как правило, это отрицательные эмоции и энергия, выделяющаяся в момент смерти. Именно Луна ответственна за войны и безумие толпы. Абсолютно все в природе является пищей. Вибрации самого Солнца и звезд — пища для Абсолюта.

Существует так называемая таблица водородов, в которой подробнейшим образом указывается, какой водород питается каким водородом. Эти водороды, естественно, не имеют никакого отношения к химии. Человек, например, являясь водородом 24, питается водородом 96, и сам является пищей для водорода 6.

Природа функционирует именно так, и ее все устраивает, вернее, ее устраивает только это. Так что освобождение человека нужно только самому человеку, если нужно, конечно. Поскольку человек (обычный, т.е. механистический, находящийся под влияни-

ем Луны) едва ли сознает свое место в природе. И поэтому, чтобы захотеть освободиться (хотя бы от влияния Луны), надо осознать, что ты не свободен.

Дорога к освобождению лежит через познание самого себя и осознания себя истинного, т.е. шестимерного и вечного. Спасение — внутри, впрочем, как и все действительно реальное. Вселенная, соответствующая нашему трехмерному сознанию, трехмерна и не существует в вечности, впрочем, как и наш трехмерный разрез, мечущийся и загипнотизированный Луной. Низменные стремления нужны только Луне. Солнце, напротив питается самым лучшим, добрым, альтруистическим, творческим.

Через Солнце лежит путь к Абсолюту (водород 1), через Луну к антиабсолюту (водород 6144, водород неполный, в котором отсутствует Святой дух триады).

Человек получает пищу трех видов:

- 1) то, что мы едим;
- 2) то, чем дышим;
- 3) наши впечатления.

Самая важная для нас пища — впечатления. Без них мы не можем прожить ни секунды.

Разумность материи определяется тем существом, которому она может служить пищей. Поэтому, если наши вибрации являются пищей для Солнца, мы более разумны, чем те, чьи вибрации перерабатываются Луной.

Значительно изменить качество своих вибраций человек может утончая свои впечатления и усиливая их интенсивность, т. е. укрепляя свои тонкие тела (если есть что укреплять, конечно)...»

Меня провели по белым коридорам в палату на первом этаже. По дороге мне встретилась Джоан, высокая брюнетка в лучших голливудских традициях, попросила чего-то не делать с Муслимом. Чего имен-

но не делать, я не понял. Мой английский не дал мне такой возможности. Но я, как настоящий американец ответил «o'key». Муслим лежал на высокой кровати посреди комнаты, я не уверен, что он мог ходить или даже сидеть, тело, скрытое одеялом было не совсем привычных очертаний, это на первый беглый взгляд, а рассматривать мне было неудобно. Левую руку он протянул мне для рукопожатия, правая находилась под простыней. Лицо было не сильно повреждено, а усы — так совсем без изъянов. Я поздоровался, но Джоан попросила подождать и одела на Муслима слуховой аппарат. Говорил Муслим плохо, очень неразборчиво, при этом голос раздавался из ящика, типа старого радиоприемника, стоящего рядом на тумбочке, видимо микрофон был прикреплен к его шее. Я ожидал чего-то похожего, поэтому увиденным шокирован не был. Взгляд у Муслима был цепкий, а голос, несмотря на неразборчивость, повелительным. Неловкость первой встречи длилась недолго.

— Ну, как тебе моя Джоан? Засвингуем втроем? — он попытался улыбнуться.

А я попытался представить, как это будет выглядеть, и решил замять эту тему.

— Спасибо, Муслим, но я после перелета не в форме.

Он опять сделал усилие, чтобы улыбнуться.

— Да не будь ты таким серьезным. Скажи: обязательно, только позже. Рад ужасно тебя видеть. До последней минуты не верил. Это просто фантастика, что ты тут передо мной стоишь...

— Я сижу...

— Тем более... Ладно, давай рассказывай, как долетел, как там Кира, и вообще КАК?

— Долетел хорошо, дела все сделал, весь ваш. А вот Кира...

— Ну...

— Вы были правы, Киа после того, как я забрал цветок, стала очень неуравновешенной. Необходимо что-то делать, это бомба. И кажется, то, что я вынул из нее, было чекой.

— Ладно, ладно... Ты бомб настоящих не видел... Конверсируем мы твою бомбу, не сомневайся.

— Что-то вы раньше не были столь оптимистичны.

— Так раньше и тебя здесь не было... А вообще-то никто и не говорил, что будет легко. Твоя пустота заняла ее структуру. Судя по всему, Сила недовольна, что лишилась сущности. Не знаю, почему. Возможно, потому, что не может ничем себя занять, но это только предположение. Она сейчас очень агрессивна и эта агрессия направлена на тебя, а поскольку ваши с Киой тонкие тела сейчас объединены, она разрушает и тебя, и себя. То есть чем больше она на тебя обижается, тем сильнее разрушает себя. — На Муслиме были толстые очки, через которые он смотрел на меня, как мне казалось, очень пристально. При этом он говорил очень медленно, почти не двигая губами, превращая диалог в монолог. Его голос, который звучал из динамика, был низок — больше походил на рычание или хрип. Он заставлял меня напрягаться, чтобы разобрать слова, и поэтому все остальное отошло на второй или третий планы.

— Это я не только понимаю, но и уже прочувствовал не раз. Но что делать, куда мне двигаться? — взгляд Муслима меня не смущал, пусть рассматривает.

— Ты должен донести до нее, что все изменилось, и никогда больше не будет так, как раньше. Сила так явно проявлялась только потому, что сдерживала сущность. Теперь все будет по-другому. Все, что было в Кие, там и осталось, только преобразилось, допол-

нилось, поменяло форму, насколько, конечно, здесь уместно говорить о форме. Ты притянул ее структуру, и это положение оказалось устойчивым. Твоя воронка уничтожила сущность, но Киина структура неуничтожима. Однако поскольку Сила хотела удержать и спасти сущность, она притянулась к твоей воронке, но не сгорела в ней, а как бы ее дополнила. И твоя пустота тут же заполнила эту структуру Силы, а теперь расширяется за счет нее. Типа, большой метеорит не упал на звезду и не сгорел в ней, а стал ее планетой. И вместе навеки! Одинокая звезда обрела планету, и расширила пределы своей системы, а обреченный метеорит спас свою жизнь, обрел дом и тепло. Примерно так, с известной степенью аналогии, конечно, съешь меня собака.

— Все это очень интересно, Муслим. Но если бы я даже и понимал то, о чем вы говорите, что конкретно мне делать с собой и с Кирой? Может, упражнения какие-то попробовать или еще чего?

— Рецепт готовый хочешь? Не дуйся, тебе не идет. Подумаю я, что можно сделать. Вернее, я уже знаю что. А вот не скажу... — Дальше последовал, очевидно, смех.

— Да, не дрейфь. Скажу я тебе. Но только завтра. Случай у вас уникальный. А пока придвинься ко мне поближе, дай свою правую ладонь. — Муслим несильно сжал мою руку и закрыл глаза. Я понимал, что он хочет что-то считать с меня, и расслабился, открылся для него. Пусть смотрит и щупает. Скрывать мне нечего. Так мы просидели несколько минут.

На следующий день после обеда я снова был у Муслима. В палате ничего не изменилось, Муслим лежал точно так же, как и вчера, и было такое впечатление, как будто я и не уходил.

— Плохо дело, милый мальчик, я уже не тот, чтобы вам помогать, ну ты сам видишь, а ты еще полностью в себя не веришь. А в магии это одно из главных необходимых условий. Сегодня ночью не только ты не спал, — он сделал многозначительную паузу, — мне тоже не спалось, и я смотрел на вас. Так вот, Киа вибрирует очень плохо, излучает столько темных вибраций, что тебе и поглотить столько невозможно. Хотя ты молодец — хорошо открыт для нее, твоя способность поглощать большая, но все же недостаточна. Киа вновь обрастает нехорошей энергией. Причем, если первое черное облако было атакующим и выражающим гнев, то сейчас я вижу беспредельный страх, печаль и отчаяние. Она так долго не протянет. Да и ты тоже, как связанный с ней крепче не бывает.

— Да ладно, Муслим, у нас выбора нет, будем поглощать и регулировать. Хотя я и сам чувствую: ситуация вышла из под контроля, я вязну в облаке Кию. Честно говоря, я подспудно надеялся, что что-то решится, пока я здесь.

Муслим засмеялся. Теперь я уже точно знал, что это смех. Потом он попросил Джоан оставить нас.

— Сядь-ка поближе, милый мальчик. Ты приехал сюда не меня повидать, хотя без этого ничего бы и не получилось, а привела тебя сюда твоя пустота. Постарайся не расстраиваться, но главная твоя заслуга, что ты не сопротивлялся. Ты ведь и сам не знаешь, зачем ко мне, старику, прилетел, ведь так или нет?

— Нет, не знаю, Муслим. Но я же практически конченный дзен-буддист, оно само делается, а я не сопротивляюсь и ни о чем не жалею.

— Возьми на тумбочке сверток и разверни его.

Я повиновался. У меня в руках оказался предмет, видом с сильно погнутый, замысловато раскрашенный знаками шар с одной сквозной дыркой. Кажется,

он был изготовлен из глины. Я крутил в руках диковинку, Муслим, тем временем, рассматривал меня.

— Я вчера смотрел на тебя и увидел, что ты не можешь нанести ей вред. То, что у тебя в руках, — это код. — Муслим вздохнул, видно нелегко ему далось решение отдать мне этот код.

— Он дает возможность или, вернее, должен давать возможность общаться с Силой. Но что получится на самом деле, если его применить, никто не знает. Все это только теоретически, а практически тебе придется испытать самому. Или не придется, может быть, реши сам. — Муслим закрыл глаза и замолчал.

Я крутил в руках шар молча, готовый лишь слушать тогда, когда Муслим сам начнет говорить.

— Ты должен сделать следующее. — Он открыл глаза. — Объяснять нет сил. Поверь мне, милый мальчик, на слово. Посади или положи свою девушку так, чтобы ей было удобно и некуда было падать. Дай ей в руки шар таким образом, чтобы красный треугольник оказался сверху, а пальцы вошли в выемки на шаре. Пускай смотрит на шар неотрывно и в это время медленно выдыхает через дырку в шаре. Придумай что-нибудь, чтобы заставить ее это сделать. Она войдет в состояние транса. Забери шар с символами и спрячь, чтобы потом он случайно не попался ей на глаза, и можешь задавать ей любые вопросы и давать любые установки, ответы будет давать Сила. Надеюсь, ситуация прояснится. В конце помоги ей встать и нарисуй, можно мысленно, вокруг нее круг, возьми за руку и резко выдерни ее из этого круга в свои объятия. Только делать это нужно очень уверенно, без тени сомнения. — Муслим замолчал и закрыл глаза, видно было, что ему нелегко так много говорить. Помолчав несколько минут и, видимо, передохнув, он продолжил.

— После этого Киа будет без сознания и чтобы вернуть ее из этого состояния, помассируй ей большим пальцем середину левой ладони. Она должна прийти в себя. Имей в виду, она не будет помнить того, что было с ней в измененном состоянии сознания. Если все это сработает, проделывай эту процедуру, пока не устраните причину негативных вибраций. Я давно в тебе копаюсь, уж не гневись, милый мальчик, и доверяю тебе настолько, что решился вручить тебе код. Не злоупотребляй. Измененное состояние сознания должно длиться не более 20-30 минут. Я сам не знаю, что получится, и насколько это поможет разрешить ситуацию и разобраться в вашем новом статусе. Очень может быть, что я ошибаюсь. Но попробовать нужно. Это шанс. Иначе то, что происходит у нее внутри, разрушит вас обоих. И вообще, вам обоим необходимо понять, что вас как отдельных энергетических сущностей больше не существует. Я не знаю, что будет дальше, но сейчас это так... И еще. Я не знаю, кого ты выпустишь наружу, используя этот код. Иван делал это кодом Силы. Но что он в конечном счете сделал? То есть что у него получилось? Вот ты и посмотришь. Если не побоишься, конечно, — и последовала уже привычная гримаса, обозначающая смех.

Глава 14

Из Калифорнии Кирилл вернулся озабоченным, напряженным и загадочным. В глаза не смотрел, о поездке много не рассказывал. Ну и не надо. У Киры внутри было пусто. Казалось, ей уже все равно, любит ее Кирилл или нет. Более того, она уже и не была уверена, любит ли она его сама. Она опять хотела умереть. Или ничего не хотела. Моменты пустоты и депрессии сменялись моментами агрессии и гнева. Внутри росло и набирало силу что-то нехорошее и злое, и она не могла этому противостоять и с этим бороться. Кирилл говорил что-то об этом, даже пытался как-то это объяснить, но Кира особенно не прислушивалась. Он говорил, что поглощает ее негативные вибрации, и что даже нашел какой-то еще способ помочь Кире, но какой именно, не уточнял. Да, иногда ей становилась легко и спокойно, но приписывать эти перемены в настроении и самочувствии действиям Кирилла она не спешила.

В Москве меня снова ждали снег, ветер, я бы сказал снеговетер и хмурые люди. Очень это контрастировало с тем, что я только что видел на другом континенте. Интересно, что неприветливость во взглядах людей замечаешь только первые несколько дней после прилета из-за границы, потом привыкаешь и считаешь, что так и должно быть. Стало грустно. Я подумал о Кире, и стало весело. Но хоть я и прилетел к выходным, с Кирой

встретиться не смог. Она с сыном и Олегом была в подмосковном санатории. Опять грустно. Тем более, что настроение у нее было, мягко говоря, не очень. Казалось, что из трубки телефона вот-вот польется темная, клейкая, растворяющая живую материю жидкость. Она говорила со мной резко. Я делал, все что мог, и, когда мне удавалось вобрать в себя часть темного облака вокруг нее, она извинялась и говорила, что не знает, что на нее находит. Умиротворение, однако, длилось недолго, потом буря начиналась заново.

Во вторник я бросил работу, забрал Киру и мы поехали ко мне. Она была такая злая, что временами у нее перехватывало дыхание, и она тихонько рычала. Я уже много времени размышлял, какое бы имя дать Кире, а то, Кира — Кирилл, хотелось разнообразия, а еще хотелось назвать ее так, как никто ее не называет. Я пробовал то одно имя, то другое, и вот сейчас, находясь с ней в машине всего каких-то двадцать минут и слыша все это время негромкое, но полное опасности рычание с пассажирского сидения, причем, скосив глаза, можно было увидеть и выставленную вперед челюсть, я понял — передо мной Волк. При том его самая дикая разновидность — ВЛК, чтобы ничего не смягчать — совсем без гласных. У меня даже машина дергаться начала, видно зажигание забарахлило. Боясь, что взрыв неминуем, если мы остановимся, я попытался отвлечь Киру.

— Знаешь, Кирюша, я долго думал, и вот что я надумал. Никакая ты не Кирюша, и не Кира, не Киа и даже не Кирок. Все это в прошлом. Теперь ты Волк. Посмотри в зеркало.

Кира притихла и заинтересованно меня слушала, и даже потянулась к зеркалу. Я продолжал:

— Ну, ты согласна? Посмотри. Глаза, клыки, уши, грива — все волчье. А как ты рычишь... Любой волк

позавидует. Правда, ты рыжий волк. Нет, рыжих волков не бывает. Бывают красные. — Я осознал, что рискую. — Между прочим, красный волк занесен в Красную книгу. В нашем московском зоопарке есть красная волчица, так к ней специально из Голландии доставили красного волка, чтобы у них родились волчата...

— Мне нравится, — Кира вдруг перебила меня. — Зови меня Волком. — Она продолжала любоваться на себя в автомобильное зеркало, не слишком к этому приспособленное, как будто увидела и открыла в себе что-то новое. — И еще. Хочу в зоопарк.

«Доброго дня, Муслим.»

Сегодня прямо среди своего рабочего дня плюнул на все и забрал Киу к себе обедать. Это раньше была Киа, теперь это — сто тонн тринитротолуола. Пока доехали до места, чуть не погиб от ее слов, хорошо, что руки в ход не пошли. У нее даже дыхание стало прерывистым, такая ярость была. Когда поела, хоть немного остыла. Я дал ей ваш мяч посмотреть, сначала не сработало, но со второго раза — ноги поджала, почти в лотос села, немного закачалась и стала спокойным тоном разговаривать.

Сейчас изложу только часть — уже два часа ночи, а завтра — недостающее.

Я напишу как диалог, так мне легче.

Общее впечатление — Сила тоже немного знает и понимает. Но самое главное — Кире стало очевидно лучше.

С. — Зачем он отнял у меня ребенка? У меня была цель и предназначение, о которых мне рассказала истина. Я должна была хранить единство. Теперь их нет. Что мне делать?

К. — Это был не ребенок. Это было существо, которое туда попало случайно. Теперь у тебя новое предназначение, спроси у истины, какое.

С. — Сейчас спросить у истины нельзя. Она говорит только вначале... И в конце.

К. — Почему Кира вибрирует таким образом, что создает облако, которое убивает все вокруг?

С. — Она боится.

К. — Чего она боится?

С. — Я не знаю, мы обе боимся.

К. — Ты можешь сделать так, чтобы Кира не вибрировала таким образом?

С. — Нет.

Обнимаю, Кирилл».

«Ты молодец, мой милый мальчик. Я, если честно, вообще не очень-то рассчитывал, что у тебя что-нибудь получится с первого раза. Это неважно, что пока мало информации. Главное, ты установил контакт. Говори с ней больше. Продолжительность сеансов не увеличивай, но в день можно проводить их несколько раз. Не старайся сразу получить все ответы. Поболтай с ней. Установи общий язык. Возможно, она не совсем тебя понимает. Подсознание не допускает двусмысленности. Опасен может быть сам переход, когда она смотрит на шар. Головокружение или даже легкая потеря сознания. Но когда ты увидишь, что переход осуществлен, попроси ее поменять позу, или пройти в другую комнату. В принципе, она может есть и пить. Главное — просто разговаривай с ней. В этом состоянии она честно будет отвечать на все вопросы. Сила лгать не умеет. Во время общения не разделяй Киу и Силу. Ей тяжело отличить одно от другого, они по сути и по восприимчивости едины. Спроси, что ее тревожит, чего она хочет, при этом рассказывай и о себе, чтобы не получался допрос. Спроси, не хочет ли она что-нибудь у тебя узнать. Дерзай. Все идет хорошо. Муслим».

«Доброго дня, Муслим.

Продолжение беседы:

С. — Зачем он отнял ребенка?

К. — Кто он?

С. — Госэ. Он знает, что делает, но мне не говорит. А я теперь не знаю, что делать. А тебя как зовут?

К. — Я не знаю. Наверное, у меня нет имени.

С. — Тебя зовут госэ. Ты его оболочка. Он делает, а ты только оболочка.

Ты никогда раньше не разговаривал со мной. Теперь ты всегда будешь разговаривать со мной?

К. — Да.

С. — А как ты узнал, как разговаривать со мной?

К. — Сорока на хвосте принесла.

С. — Что такое сорока?

К. — Сорока это птица.

С. — Что такое птица?

Поскольку я не знал, могу ли я рассказывать о том, откуда я узнал, как с ней разговаривать, пришлось промолчать, а потом выдернуть ее из этого состояния.

Как мне отвечать на такие вопросы?

А вопрос о птице вообще привел меня в ступор. Начинать объяснять, что это такая поговорка, я не решился, боясь запутать ситуацию. Вдруг она сума сойдет от моих объяснений. Мы-то уже давно в сумасшедшем доме, а она, может быть, еще нет. Говорить, что птица — живое существо с крыльями? Придется объяснять, что такое живое существо, что с ходу, да и не сходу не объяснишь даже себе. А что такое крылья? В данном случае рассказ вовлекал бы в себя все новые и новые объекты, которые также необходимо было как-то объяснять. Как много вещей мы назвали и пользуемся только их именами, по сути, совершенно не понимая, о чем речь.

Спасибо вам, Кирилл».

Было хорошо заметно, как тяжело Силе общаться и вообще находится в нашем мире. Каждое слово давалось ей с трудом, временами она не справлялась с речью и переходила на невнятное бормотание. Смотрела прямо перед собой и мне кажется, так и не смогла сфокусировать взгляд. Даже когда мы заговорили о моем имени, она не повернула голову, наверное, она этого не умела.

Кире, после прихода Силы в наш мир, стало немного лучше, но все равно, нам было очень сложно. Кира злилась на меня, на себя, на всех вокруг. Сама из-за этого переживала, но совладать с собой могла далеко не всегда. Я, видя, какие тайфуны и торнадо у нее внутри, старался, как мог сглаживать возникавшие ситуации, беречь и лелеять Киру.

«Здравствуй, Кирилл. Разговор у тебя получается вялый. Не зацикливайся на своих вопросах, а главное — на желании получить какие-то определенные ответы. Болтай с ней. На вопросы типа последнего правду отвечать не надо, хотя бы потому, что она ее просто не поймет. Ей можно сказать, например, не мог, не хотел, не было возможности. Она не будет докапываться, как женщина обычно это делает. Ей не интересны причины. Ей интересны факты. Думаю, ты со временем сможешь через нее связаться с собой. Но не торопись. И не забывай делать упражнения.

И говори с ней как можно ласковее. Насколько я тебя вижу, ты не очень умеешь говорить о любви. С ней можно. Вернее, на ней можно учиться. А потом, может, и Кире что-нибудь обломится, когда научишься. Хе-хе. Шутка. Но в каждой шутке есть доля... Ее нужно убедить, что все, что ты делаешь, в том числе и с этим ребенком, ты делаешь из-за любви к ней. Может, она со временем угомонится. Хотя пока виб-

рирует с завидным постоянством. Как вы там еще не задохнулись в этом чертовом облаке, ума не приложу. Муслим».

Кира заехала ко мне в офис. Мы позанимались английским и поспешили на концерт в культурный центр «Дом», теперь именующийся клубом. Концерт был очень даже неплохим. Слушали «Ватагу». Название группы не соответствует содержанию. На самом деле это музыка, основанная на фольклоре, стиль New Age. Группа из Петрозаводска. Мы их увидели в первый раз, когда они выступали на разогреве «Хуун — Хуур — Ту», и я специально отслеживал их выступления. И вот вроде бы радостное событие, посещение концерта — вылилось в скандал. Кире не понравился зал, публика, даже ее собственная одежда вдруг потеряла привлекательность. Я уж не говорю о себе. Все делал не так, не вовремя, короче, лучше меня вообще бы не было. Впрочем концерт, который начался почти на час позже, чем было обещано, ей понравился и немного остудил ее пыл. Снег и непогода завершили этот процесс. Но они же и породили новый. Пока добежали до машины, Кира превратилась в орущую сосульку. И вскоре возмущение погодой превратилось в возмущение мной. Я старался рулить молча, не нагнетая, хотя это было сложно. Кира потеряла контроль... То, что она говорила, было очень больно, но главное, она вся так была пропитана негативными эмоциями, которыми целилась в меня, так, что мое тело вяло и, вероятно, оставалось уже совсем недолго до его полного уничтожения. Я держался памятником, старался не отвечать, не изменять мимику лица и свое внутреннее состояние. Поглощал, сколько мог того, что излучала Кира. Мы еще заехали в магазин за продуктами. Там тайфун породил торнадо, сметающий все на своем пути. Да, это был настоящий, каче-

ственный скандал. Жалко зрителей было немного в этот поздний вечер. Меня ломило в локтях, как перед сердечным приступом. Но все же кое-как мы добрались домой. Как только мы сняли куртки, я усадил Киру на диван и дал в руки шар.

— Это что еще за народное творчество?

— Кирочка, а ты подуй в дырочку, и все поймешь сама, ты же у меня умная. И смотри внимательно на шарик.

— Не буду. — Она отбросила шар. Такого поворота я не ожидал. И очень зря. Надо было. Я в растерянности замер, не зная, что делать. Кира ушла на кухню и начала чем-то там греметь. Я откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Внутри болело. Что же я сижу? Нужно, по крайней мере, убрать шар. Я открыл глаза. Кира стояла в дверях и вертела шар в руках. Потом осторожно стала дуть. Любопытство взяло верх. Я вскочил, чтобы ее поддержать. И очень вовремя. Она обмякла и закрыла глаза. А открыла их Сила. Я посадил ее на диван, сам сел рядом. На этот раз ее было не узнать. Говорила намного увереннее и вполне разборчиво. Голос изменился, из спокойного, машинного он превратился в тонкий детский голосок. Она смогла повернуть голову в мою сторону и даже улыбнуться.

— Спасибо что ты меня позвал, будешь со мной разговаривать?

— Привет. — Я тоже улыбался. — Конечно, буду, и еще покажу тебе что-то интересное.

— Ты красивый. Привет, привееееет. — Она постаралась сделать движение в мою сторону, но тело не сдвинулось с места, получился легкий кивок головой с желанием в глазах.

— Да нет. Я не очень красивый. И вообще, я уже старый. — Почему-то сказал я. И сам, испугавшись

того, что сказал, ведь старым себя не считал никогда, даже в неприятные минуты, добавил:

— Мне 37 лет. — Можно подумать она понимает, что такое 37 лет. А, может, и понимает?

— Ты вееееечный. Вечный не может быть старым. — Сила обводила глазами комнату.

— Здесь очень интересно, столько всяких элементов. А мы где? У вас такой маленький мир?

— Нет, просто мы находимся в квартире, а мир у нас большой. — Я посмотрел на часы, засекая двадцать минут, которые были выделены для общения.

— Что это у тебя? — заметив мое движение, она показала глазами на часы.

— Это часы. Они показывают время.

— Они показывают 37 лет?

— Нет, они показывают не тридцать семь лет, они показывают... Ничего они, впрочем, толком не показывают, так, циклы и служат для синхронизации действий людей между собой, а ко времени они имеют... Косвенное отношение. — Ну и сказал... Сам не понял, что...

Сила сидела, не шевелясь, а только крутила головой, рассматривая все вокруг. Остановила взгляд на светящейся люстре.

— Это квартира?

— Нет, это люстра.

— Люстра — не квартира?

— Хм, нет... Люстра находится в квартире.

— А квартира что? А это что? — опустив голову, посмотрела на правую руку, потом на левую, потом снова на правую, как-то неестественно подняла ее и замерла с гримасой мучительной внутренней работы. Результатом работы оказалось то, что она смогла указательным пальцем указать на мебельную стен-

ку. — О-о-о, — она вытянула губы, произнося восклицание на длительном выдохе.

— Так показывают? — она даже засветилась от радости, что это у нее получилось.

— Это мебель. Мебель тоже находится в квартире. А как ты узнала, как нужно показывать?

— Правда я молодец, я, знаешь, какая умная и быстрая. Я у Нее прочитала, у Нее это сверху лежит. — Она поднесла руку к голове и постучала пальцем по виску. Потом опять показала рукой на мебель.

— Это мебель, не квартира. Мебель — не квартира, — она отрицательно покачала головой и победоносно посмотрела на меня.

— И это не квартира, это люстра, — указав с явным удовольствием снова на люстру.

— А что квартира?

— Ну... квартира — это стены. — Я обвел руками вокруг. Было очень странно все это ей объяснять и показывать. Я чувствовал себя экскурсоводом в детском саду. Хорошо, что она пока не вспоминала о цветке-ребенке, а я тоже немного отвлекся от напряжения, которое только что испытывал с Кирой.

— Стены — это квартира, — подытожила Сила. — Это твои стены. Ты можешь делать с ними что хочешь. Правильно?

Ну и задачка.

— Не совсем правильно. «Стены-квартира» вроде мои, а вот делать с ними, что хочу, я не могу. Вернее могу, но не все. — Я и сам чувствовал, что несу чушь, но слишком непростые были вопросы. Мы действительно часто называем своим то, что на самом деле не совсем наше — в широком понимании этого слова.

— Ну, ты все равно молодец, хорошо, что ты сделал этот мир. Ты же его сделал, чтобы меня развеселить, чтобы мне было не скучно? И скрывал от ме-

ня. — Сила повернулась ко мне, и поскольку я был совсем близко, заглянула мне в левый глаз, внимательно вглядываясь в зрачок, помахала рукой. — Эй-эй, я здесь, привееееееет.

— Кому это ты машешь?

Она хотела ответить и уже даже открыла рот, но ничего не сказала, а на ее лице отразилась беспомощность и растерянность, притом это выражение было настолько непосредственным, что я улыбнулся.

— Ой, а я не помню. Я забыла, откуда ты меня вызвал. Оно так далеко-далеко у меня в памяти, что я не могу его достать. Как будто... — Передо мной сидела Кира, но уже с лицом не ВЛКа, а ребенка, который потерялся и не может вспомнить название улицы и фамилию родителей. После долгих секунд молчания Сила задумчиво произнесла: — Чтобы вспомнить, мне нужно вернуться... Но тогда, я, наверное, забуду то, что я была здесь. — Она хмыкнула, но уже не столь растерянно. — Ничего, это не страшно, я смогу вспомнить, я не знаю, откуда я знаю, но я знаю точно, что я умею это делать, вспоминать то, что было в разных состояниях... Только сейчас почему-то не могу...

Двадцать минут пролетели как секунда. Я вернул Киру.

— Что это мы тут сидим? Я есть хочу. Чего развалился? — она пнула меня. — Пойдем на кухню. — И совсем уже ласково прибавила: — Извини меня. Я себя плохо вела... Не знаю, что на меня нашло. — Она хитро на меня посмотрела. — Я компенсирую...

— Я не сержусь. Я люблю тебя даже когда на тебя находит...

Хорошего настроения у Киры хватило до утра. Утром, проснувшись, она снова постаралась взять вчерашнюю ноту, но я не говоря ни слова, посадил ее на диван и дал шар.

— Это что еще за народное творчество? — повторила Кира вчерашнюю фразу, отчего у меня по коже прошел озноб. Было ясно, что она ничего не помнит. Замечательно, но жутко с непривычки.

На этот раз я промолчал, дожидаясь, когда заработает природное любопытство. И оно опять не подвело. Как только Кира, загипнотизированная шаром, за мерла, я сказал:

— Дунь в дырочку.

— Привееееет. Будем разговаривать?

— Привет. Конечно, будем, и будет делать еще много интересного.

— На чем это мы остановились? Ты чего молчишь? А что это на тебе? Этого не было... — Она как будто чего-то испугалась и попыталась отстраниться от меня.

— На мне другая одежда. Но я тот же самый. — Я протянул ей руку. Она осторожно до меня дотронулась и сразу отдернула свою ладонь.

— Здесь прошло время. Около двенадцати часов.

— Это сколько?

— Это немного, но я успел раздеться, поспать, одеться и позавтракать. — Вся она превратилась в большой напряженный вопросительный знак, слившийся понять. Объяснять все это было бесполезно — разберется по ходу. Чтобы пресечь поток бесконечных вопросов, я сказал:

— Пойдем, я покажу тебе кухню. Хочешь?

— Хочу, а кухня это что?

— Кухня... Это такая маленькая комната... Она находится внутри квартиры... И в ней едят, вот, — я с трудом сформулировал определение кухни.

— А здесь тоже часть квартиры. Называется комната.

— Ясно. Кухня подмножество квартиры и комната подмножество квартиры. Но на кухне можно есть,

а в комнате НЕЛЬЗЯ. — Сила отрицательно покачала головой.

— Хм, ну не совсем так, но близко. В комнате тоже можно есть, но чаще едят на кухне. Я именно там завтракал.

— Комната становится кухней, если там едят и завтракают, а кухня комнатой, если там НЕ едят и не завтракают? — Сила снова покачала головой.

Я подумал, что ответить, и ничего толкового не придумав, сказал:

— Да. Ты кушать хочешь? Знаешь, что это такое?

— Сейчас посмотрю, — внутреннее напряжение отразилось на ее лице. — Да. Кушать приятно. Она любит кушать. Есть. Ты говоришь кушать. Она называет это «есть». Я тоже хочу попробовать.

— Ну тогда пойдем, — я протянул руку, помогая Силе встать.

— Что мне делать? — она беспомощно смотрела на меня.

— Давай сюда свои ручки и вставай на ноги.

— На какие ноги? У меня много ног... — Сила не двигалась и осматривала свои поджатые ноги.

— Ну и сколько у тебя ног? Считай.

— У меня шесть ног.

Я хмыкнул от неожиданности.

Она растерянно продолжала:

— Раз, — она показала на бедро правой ноги, — два — на голень, — три — тыкнула пальцем в стопу. — Четыре, пять, шесть, — продолжила считать аналогичным образом, указывая на левую ногу.

— М-да. Ну ты молодец, круто завернула. Шесть ног, хотя доля истины в этом есть. Ну да ладно, посмотри на меня. Видишь, как я стою, попробуй так же встать. То, что слева, — я провел по ноге от таза до

стопы, — одна нога. То, что справа — вторая нога. Итого у нас две ноги. Понятно?

— Как же так, они такие разные, шесть ног, а ты называешь их только двумя.

Последовали гримасы, видимо сопровождавшиеся внутренними усилиями.

— Я не могу встать, они меня не слушаются.

Я взял Силу под мышки, и аккуратно поставил на ноги.

— Стой.

Она стояла.

— Молодец.

В конце концов она пошла, опираясь на меня, но с каждым шагом она как будто выпрямлялась и становилась увереннее, а потом стала только держаться за мою руку, но только для психологической поддержки, так держится ребенок за руку папы в незнакомом месте. Надо сказать, что училась она с поразительной быстротой. По кухне она прошла очень уверенно, хотя и предельно аккуратно.

— Смотри, этот белый шкаф называется холодильник. В нем холодно.

— Холодно, это как?

Я задумался, потом собрался даже ответить что-то умное, но потом вместо этого открыл холодильник, и немного ее туда подтолкнул, потом взял ее руку и просунул подальше.

— Чувствуешь? Это холод.

Она отдернула руку.

— А это что?

— Это продукты. Их едят.

— О-о-о, я могу все это съесть? — растопырив руки, она нацелилась на все сразу.

— Стоп. Не хватай все. На вот тебе мандарин.

Сила схватила его и целиком запихнула в рот. Я даже не успел среагировать. Немая сцена. Я в изумле-

нии смотрю на Силу. Она стоит с надутыми щеками, а из ее полуоткрытого рта выглядывает целый мандарин. Уставилась на меня выпученными глазами, дыша через нос, похоже не зная, что делать дальше. Может быть, она думает, что уже мандарин съела? С трудом пересилив себя, чтобы не рассмеяться, я командую:

— Выплювай его обратно.

Сила, хотя и послушно выдыхает мандарин, но смотрит на него с вожделием.

— Его нужно сначала почистить, потом разделить на дольки. Видишь, у него есть корка?

— Ее можно есть?

— Нет.

— Она невкусная?

— Не то чтобы совсем не вкусная, но так, средне.

— Можно, я буду ее есть?

— Ну на, попробуй. — Даю ей небольшой кусочек мандариновой корки, понимая, что это первое, что она попробует в нашем мире. Сила закатывает глаза, жуя корку.

— Как вкусно! Как у вас хорошо.

— А теперь почувствуй разницу. — Протягиваю ей дольку.

Предчувствуя, как ей понравится мандарин, я заранее улыбался. Она аккуратно взяла дольку, внимательно осмотрела ее и медленно отправила в рот. После первого движения челюстью на ее лице проступил испуг и надкушенная долька мандарина, истекая соком, полетела на пол.

— Там, там, там ... — Сила показывала то на дольку на полу, то на свой красивый рот. — Там течет.

— Ну да, — я подобрал дольку и кинул ее в мусорную корзину. — Там внутри сок, это самое вкусное, что есть в мандарине. Он и должен вытекать. — Успокойся, милая.

— А как он туда попал?

— Как он туда попал, я тебе потом расскажу. — Похоже, я нашел метод не отвечать на ставившие в тупик вопросы. — На вот новую дольку, только не выплевывай сразу, подожди немного, увидишь, это вкусно.

Сила на мгновение застыла, как будто что-то высчитывала или вспоминала. Рассеянный взгляд был устремлен куда-то вдаль.

— Да, я посмотрела у Нее в голове, Она любит мандарины, это не опасно. Давай... — Она закрыла глаза и медленно задвигала губами. Очень медленно. За то время, пока она гоняла во рту одну дольку и добывала из нее сок, можно было бы съесть весь оставшийся мандарин. Я терпеливо ждал.

— Течет, — наконец констатировала она. — Вкусно... — И протянула руку: — Еще...

По прошествии вечности, в течение которой она ела мандарин, вернее не ела, а извлекала из него сок путем медленного сжатия, мы рассматривали и изучали продукты в холодильнике. Я с облегчением заметил, что там не было ничего мясного, не хотелось бы мне объяснять, что это.

Дошли до пакетов с соком. Апельсиновый я налил в стакан.

— На вот, попробуй. Только пей маленькими глотками, он из холодильника, холодный.

Сделав несколько глотков, она осторожно поставила стакан на стол и, засунув руки в рот, начала там что-то ощупывать.

— Что случилось? Что-то не так?

— Я не понимаю, у меня там как-то жмет или не жмет, ну, я не знаю, но что-то не так, по-другому как-то стало.

— Это сок холодный, ты чувствуешь холод.

Она сделала еще несколько глотков.

— Теперь я знаю, как это, когда холодно, это как сок.

Я следовал совету Муслима и не расспрашивал Силу ни о чем серьезном, чувствовал, что для этого время еще придет, сейчас же лучше дать этому неизвестному существу освоиться в нашем мире, и может быть, даже вспомнить, откуда оно. Хотя что из этого получится, было совершенно неизвестно. Я все время пребывал в состоянии боевой готовности, надеясь быстро сориентироваться, если что-то пойдет не так.

Сила училась с невероятной скоростью, и не было сомнений, что она использовала знания Киры, но не непосредственно, а как бы адаптируя их к себе. Стоя на кухне, она была нерешительна среди новой для себя обстановки, но одновременно я ощущал своим телом, что она не отступит в освоении этого нового для нее мира. Сила разглядывала содержимое холодильника, медленно переводя взгляд с одного на другое, руки были сжаты в кулаки, но указательные пальцы рук она держала выпрямленными, и время от времени тыкала ими в заинтересовавший ее продукт. Похоже, что указательный палец она использовала, как щуп. Притом я заметил, что левой рукой она управлялась не хуже, чем правой.

— Это что? — палец дотронулся до пакета с кефиром.

— Это продукт, жидкий продукт, его пьют как сок.

— Он течет, — сама себе кивнула головой. — Это сок?

— Нет, это не сок.

— А что?

— Сейчас тебе это сложно, я тебе потом объясню. Называется это кефир.

Палец снова дотронулся до пакета и застыл на нем. Сила закрыла глаза.

— Му-у, — сказала она, и, похоже, сама удивилась. Кажется, она считывала информацию напрямую. Интересно, сможет ли она интерпретировать то, что считала, подумал я?

— Непонятно... — видимо, интерпретация ей не удалась. — Она любит кефир... Мне можно?

— Конечно, можно, но только в следующий раз. — Я не был уверен, что живот Киры безболезненно выдержит смешивание соков и кефира.

Захлопнув холодильник, я за руку повел Силу в комнату. Идя за мной и, видимо, куда-то засмотревшись, она рукой задела карандаш на столе. Она взяла его, повертела в руках, о чем-то задумалась, закатив глаза, а потом положила назад.

— Ладно, пойдем, нам пора, — сказал я.

Она с силой уперлась, как упираются маленькие дети, когда не хотят идти туда, куда их ведут, выдернув свою руку из моей.

— Я сдвинула это, — голос прозвучал с глубоким отчаянием. — Ты позвал меня, ты хороший, а я не заметила и сдвинула это. Я не знаю, как оно лежало раньше, теперь в вашем мире все будет по-другому, я не могу поставить его так, как оно лежало. Помогите мне.

— Это не важно. Пускай карандаш лежит, как лежит, пойдем.

— Не-ет, — она опять заныла в точности, как делают это дети. — Я все испортила, прости меня, почини это. — И уже рыдала в полный голос.

С огромным трудом мне удалось ее успокоить. Хотя, кажется, она до конца так и не поверила, что в нашем мире не столь уж и важно, как лежит карандаш. Или, может быть, это действительно очень и очень

важно, но я об этом не знаю? Чтобы отвлечь Силу, я спросил, что ей показать в следующий раз. Она замерла в сладком раздумье, а потом уверенно стала загибать пальцы:

— Я хочу попробовать то, что больше всего любит Она. Мне еще мандарин, который течет, клубнику — я не знаю что это, но я хочу это попробовать — Она очень любит клубнику, и еще — «хенеси» и «плавать». Хорошо?

Интересный список для существ из других миров.

Приходы Силы успокаивали Киру на некоторое время, а также, кажется, давали ей большую глубину восприятия. Возможно, это была память тела. Может быть, та часть сознания, которой оперировала Сила, не полностью перестраивалась после ее присутствия, и Кира совсем чуть-чуть, почти незаметно, но смотрела на вещи шире, под другим углом. При этом как-то по-детски удивляясь и восхищаясь окружающим.

Я звал Силу часто, но понемногу. Мне не нравилось, что я делаю это втайне от Киры, и размышлял, как рассказать ей о моих манипуляциях с ней. Но сделать это прямолинейно у меня не хватало духа, и я прикидывал так и этак, как бы сообщить Кире о том, что происходит, и не вызвать бурю отрицательных эмоций. Хотелось бы так все подстроить, чтобы она как будто узнала об этом сама, причем при таких обстоятельствах, что ей было бы настолько интересно, что этот интерес отвлек бы ее от возможного негодования.

Сила очень отличалась от Киры, и с ней практически не возникало проблем, которые все время приходилось решать с Кирой. Правда по мере освоения окружающего мира и она начинала иногда капризничать. Возможно, она не знала, что капризничает,

и в отличие от Киры ее было легко отвлечь чем-то новым.

— Ты приготовил для меня клубнику и хенеси?

— Нет, милая, у нас прошло очень мало времени, и я еще не успел купить то, что нужно. — Она надула губы, глаза влажно заблестели. Я же быстро продолжал: — Зато я тебе приготовил краски и бумагу, ты можешь попробовать рисовать, Она любит рисовать и очень хорошо рисует. — Губы сдулись, глаза блестящие уже не влагой, а škодливым интересом.

— Хорошо. Давай. Попробуем. Рисовать хочу. Рисовать интересно? Рисовать приятно? — О-о-о. — Руки ее сами потянулись к расставленным на столе краскам. — Даааа. Она такими рисует — в баночках. И я тоже буду.

Первый лист бумаги у нас ушел на пристрелку. Сила просто водила кисточкой по бумаге и удивлялась тому, что получается.

— О-о-о, смотри, как. О-о-о, вот как. Смотри, они стекаются и меняются, а здесь было белое только что, О-о-о... — Поудивлявшись и напробовавшись, она скомандовала: — Давай новый белый.... — Она показала пальцем на бумагу.

Я поменял воду и положил перед ней чистый лист бумаги. Сила послушно подняла руки, давая мне возможность приготовить стол.

Рисовала она увлеченно, не отвечала на мои вопросы, и я не сомневаюсь, видела перед собой только то, что делает, что у нее под рукой. Вернее, в ее сознании, восприятию был только лист недавно еще белой бумаги. Оказалось, при ее стиле рисования определенно нужен помощник, которым я и выступал. Она настолько яростно и самозабвенно тыкала кисточкой в баночки с краской, что они опрокидывались и раскатывались по всему столу, при этом она еще умудря-

лась засовывать кисточку в опрокинутую катящуюся баночку и даже набирать таким образом краску. Я же стоял за ее спиной, ловил краски и ставил их на место. Возможно, охота за разлетающимися красками отвлекала меня от наблюдения за действиями Силы. Но когда я присмотрелся, то понял, что она не просто рисует... Такой техники я не только никогда не видел, но даже и не слышал ни о чем подобном. Сначала я не мог понять принципа ее рисования, а когда до меня наконец-то дошло, я впал в состояние близкое к восторженному ступору.

Она рисовала, начиная с переднего плана, притом планы прорисовывались строго по очереди. Это даже планами назвать сложно — это были слои дальности от художника, начиная с ближнего. Рисовала она вазу с цветком. Начала с переднего плана — ближнего края стола, а закончила фоном, которым оказалось окно с занавеской. Картина получилась экспрессивно-примечательная, особенно мне понравилось, что при общем равновесии композиции ваза опиралась на стол своим острым углом.

— Краски — это очень и очень интересно. — Сила откинулась на спинку кресла, двумя руками отодвинула от себя краски и вопросительно посмотрела на меня. Во-первых, это могло означать, что рисовать она больше не хочет, во-вторых, она явно ждала слов похвалы. Врать мне не пришлось. Картина соответствовала всем авангардно-эстетическим нормам и явно не уступала полотнам фовистов.

Убирая краски в коробку и протирая тряпочкой стол, я говорил Силе правду о ее картине. Сначала она просто улыбалась, а потом важно приподняла голову.

Я спрятал картину в микроволновую печь. У меня в голове уже рождался план, как сообщить о Силе Кире. А в том, что в таких серьезных делах нельзя быть

серьезным, чтобы не сойти с ума, я был уверен на сто процентов.

— Наверное, краски имеют большую ценность.

— Имеют. Но только для тех, кто увлечен рисованием. — Я не хотел расстраивать Силу, объясняя, что в нашем мире имеет действительно большую ценность.

— А у вас не все любят рисовать? Это ведь так интересно, почти как разговаривать. — И уже забыв о красках: — Ты мне покажешь, как плавать?

— Это не просто сделать в квартире. Я тебе пока расскажу. — Я набрал воды в широкий стакан.

— Вот, смотри. В стакане вода, люди плавают в воде.

Сила засунула в стакан пальцы и сначала медленно, потом быстрее задвигала ими в стакане туда-сюда.

— Я плыву? — она подняла на меня вопросительный-восхищенный взгляд.

— Нет. Для того чтобы плыть, нужно больше воды, пойдем в ванную. — Я повел ее в ванную, не особо соображая, зачем я это делаю. Но Силе все было интересно, поэтому мое бессилие в объяснениях как-то маскировалось ее новыми впечатлениями.

— Смотри: эта емкость называется ванной и в нее можно набрать уже больше воды. Вот, становись сюда. — Я включил душ и начал поливать ее ноги.

— Так плавают? — восхищенно спросила она, топая ногами и разбрызгивая воду. Буквально через несколько секунд, когда мне удалось уговорить Силу перестать это делать, со всего что было в ванной, включая нас, уже ручьями стекала вода.

— Нет. Плавают, когда воды вот столько. — Я показал рукой на шею.

Сила наступила ногой на сток, останавливая вытекающую воду.

— Давай наберем.

Я чувствовал себя как на экзамене в институте, когда искушенный профессор сумел запутать мозги студента так, что тот начинал сам себе противоречить. Ладно, дело житейское, спокойно. Я медленно выдохнул и постарался начать соображать с нуля.

— Не получится милая, через дверь вытечет.

— А ты закрой дверь. — Сила крепче нажала ногой на сток.

— А она плотно не закрывается.

— Что же ты так? Где же вы плаваете? — Сила с сожалением убрала ногу со стока.

— Есть ванны большие, называются бассейны. А еще плавают в море, там очень много воды.

— Давай там будем плавать, давай?

— Я подумаю, как это устроить.

— Это что? — Сила показала пальцем-щупом на зеркало.

— Это зеркало. Оно отражает свет. В нем можно смотреть на себя. Вот смотри это ты, а это я.

Сила отшатнулась.

— О-о-о. Это Я? — Она уставилась широко открытыми глазами перед собой, потом подняла палец-щуп и посмотрела на него сначала в зеркало, потом напрямую. Дотронулась до лица, провела по губам. Подняла двумя руками волосы, перевела взгляд на мою коротко стриженную голову. — Я не такая, как ты. — Тяжко вздохнула. — Это ты, — показала на меня в зеркале. — Это я, — палец переместился. — Мы здесь вместе. Ты и я. Я красивая, — подвела итог.

Глава 15

Кира часто виделась с Максимом. Кроме выходных. Выходные она старалась проводить с Кириллом. Максим привлекал Киру. Ей приятно было находиться рядом с ним. И хотелось. Так что они все чаще и чаще виделись не только в барах спортивного клуба, но и ходили куда-нибудь поужинать или просто гуляли. Много говорили. Кира старалась не думать о том, что Максим мог нести в себе для нее угрозу. Но по мере общения она, тем не менее, укоренялась в мысли, что не все так просто и гладко и что, безусловно, Максим отличается от других людей или, вернее сказать, совсем не похож на остальных людей. Кира чувствовала это и видела. Хотя он явно ухаживал за Кирой, оказывая ей недвусмысленные знаки внимания, она все больше убеждалась, что интересуется его не как женщина (Кира хорошо знала, что такое влюбленный мужчина), и это обстоятельство вводило ее в состояние, близкое к бешенству. И бешенство это она срывала на Кирилле. А на ком же еще?

Выглядел Максим безукоризненно. Складывалось впечатление, что каждый день он ходит в салон красоты и каждое утро камердинер приносит ему новую одежду из последних модных коллекций. Машина и обувь сияют чистотой в любую погоду. «Если это тот человек, который должен подвесить меня за ноги, а потом высосать из меня все соки и силу, убить, расчленивать, съесть, или уж не знаю, что еще он может со

мной сделать, то я абсолютно уверена, что сделает он это красиво, грациозно, решительно и смело, если и сострадая, то ровно настолько, насколько позволит ему хладнокровие и первичное намерение, нацеленное на результат», — думала Кира. Возможно, ей нравилось изящество этой мысли. Но когда до нее дошел еще и смысл, Кира взглянула на всю эту красоту и безупречность совсем по-другому.

Они сидели с Максимом в китайском ресторане, как обычно ели, пили, болтали ни о чем и обо всем. О Китае и китайцах, о винах, танинах и виноделах, о моде, о лете и даже немного о любви, то есть о том, о чем впоследствии тяжело вспомнить. И вот во время такой, ни к чему не обязывающей болтовни, Кира почувствовала парализующий волю поток. Максим сидел в непринужденной позе, ковыряя вилкой рыбу. Кира не стала обдумывать ситуацию, а сразу попыталась защититься, вернее сказать, это была уже не Кира или не совсем Кира. Из капризной, ленивой и легкомысленной она в подобных ситуациях превращалась в умелого и расчетливого воина. Не проявляя свое замешательство и не ставя никаких защит и блоков, чтобы не спугнуть того, кто генерирует поток (что влияние идет от Максима, она еще не была уверена), Кира осторожно направила эту жесткую струю в воронку Кирилла, стараясь, чтобы ее сознание не было опрокинуто и вывернуто наизнанку. Чтобы не привлечь внимание к этой тяжелой внутренней работе, она тихо запела:

— Далеко, далеко ли далеко,
Одиноко ли, ой, одиноко.
Не жалея его, не жалея —
Не до плохо ему,
Не до смеха.
И уехал, опять не уехал.
Сон не до покоя его ничей.

Падал на
Солнце, в губы крича.
День от месяца
Нынче ключик, очаг,
Поднебесица.
Сладко стелет,
Сядет у плеча
Ночь от года ничья,
Ночь от года ничья.

Максим оторвался от рыбы и внимательно наблюдал за Кирой.

— Далеко, далеко ли далече.
День от ночи ложится на плечи.
Не жалей его, не зови.
День от ночи, неделя от ночи.
И не хочется, если не хочет.
Сон не до покой его живи
Падал на
Солнце, в губы крича.
День от месяца,
Нынче ключик, очаг,
Поднебесица.
Сладко стелет,
Сядет у плеча
Ночь от года ничья,
Ночь от года ничья...

— Очень интересно и так глубоко, что я нырнуть не решился бы... — Он смотрел Кире в глаза. — Чья это песня? Или не песня... Твоя?

— Эта песня-непесня Федорова-Волкова-Курашова.
— Ничего подобного раньше не слышал.
— Моя любимая...

— Как ты себя чувствуешь?
— Нормально... — неуверенно ответила Кира.
— Хорошо. Сейчас ты ответишь на мои вопросы. — Он вытянулся, превратившись в энергетический шнур.

Кира сделала вид, что впала в транс. И Максим начал задавать ей вопросы. Его интересовало все: подробности биографии, даты, родственники, друзья, перемещения, контакты, способности, умения. Кира иногда отвечала правду, но по большей части, врала. Врать так, чтобы не вызвать подозрения было иногда сложно. Уж больно мало времени на раздумье. Приходилось играть. Так проще. Войти в роль и играть. Так правдоподобнее.

— Ты умеешь сдвигать реальности?

— Какие реальности? Куда сдвигать?

— Вмешиваться в ход событий и подстраивать их под свои цели.

— Ну, не знаю. Заставить сына что-нибудь сделать могу, правда, чем дальше, тем все труднее — переходный возраст... А вот повлиять на мужа часто не могу.

— Ты замужем?

— Да.

— А почему с мужем не живешь?

— Нам так удобно. Мы в хороших отношениях и не мучаем друг друга, как некоторые.

— У тебя есть мужчина?

— Какой мужчина?

— Друг, любовник.

— Нет, наверное. Мужчины есть, вот вы, например, клеитесь и вертитесь вокруг да около... А одного мужчины, постоянного, нет. Пока нет. — Она заинтересованно посмотрела на Максима.

— Ты знаешь, что у тебя внутри?

— Конечно. Что и у других. Органы всякие. Печенка, селезенка, кишки, почки, разные кусочки...Ну, и много дури.

— Кто-нибудь еще кроме меня интересовался тем, что у тебя внутри? Хотел тебя исследовать?

Максим очень внимательно следил за любым Кириным движением, а Кира в свою очередь была предельно аккуратна и также следила за каждым своим движением, словом, вздохом, взглядом, чтобы Максим удовлетворился ее ответами и поверил им.

— Кому я нужна? Студентам-медикам? Так у них свои подопытные есть и трупы. Много разных трупов. Пусть их и изучают. Ну и меня можно. Только позже. Придется им немного подождать.

— Чего?

— Пока я трупом стану...

Он засмеялся, посмотрел куда-то далеко-далеко мимо Киры, похоже, что-то обдумывая, и Кире показалось, что он как будто успокоился, расслабился и даже как-то обмяк, но потом, видимо, не удовлетворившись ходом своей мысли, снова напрягся и продолжал.

— Рядом с тобой должен быть кто-то, кто помогает тебе? Кто это?

— Ну почему кто-то? Их много. У меня много мужчин и они помогают мне.

— А кто прячет твою Силу и твои способности?

— Да никто не прячет. — Кира резким движением поставила на стол правую руку, согнутую в локте, и раскрыла ладонь. — Давайте мериться. И вы увидите, что силу свою я не прячу. Зачем? Давайте, давайте. Я вас поборю.

— У тебя был учитель?

— Целая гора. В школе, в институте. Да и вообще по жизни. Все пытаются учить... Так забавно! Чем меньше человек знает, может, понимает, тем с боль-

шим рвением и напором он пытается всех вокруг учить...

— У тебя был учитель, которой учил тебя невидимому? Или, может быть, человек, который пытался тебя учить, но ты не захотела?

— Ну я же говорю. Учителей вокруг куча, но никто ничего не знает, а главное, как доходит до дела, оказывается, что к тому же еще и не может... А потом, поздно меня уже учить. И бесполезно.

— Я о магии говорю и эзотерических школах.

— А... Это было бы, наверно, интересно. Но, к сожалению, этому меня учить не пытались. Пожалуй, это единственное, учиться чему я бы не отказалась. Но почему-то никто не предлагает. Нет, вру. Я хотела бы еще научиться управлять самолетом, ну хотя бы совсем маленьким. И яхтой. — Кира приняла увлеченный вид. — Был у меня один знакомый — яхтенный капитан... Очень импозантный мужчина... Мы с ним уходили в море. Надолго. Плавали. Загорали. Ловили рыбу. Высаживались на разных экзотических островах. Ну а потом немного повздорили. И я подумала угнать у него яхту... Но как подумала, так сразу и раздумала. Ей, оказывается, так трудно управлять! Ну мы, конечно, потом помирились. Но мысль осталась. Научиться рулить морским судном...

Влияние ушло так же внезапно, как и пришло. Максим попросил принести счет и, вероятно, чтобы убедиться, что от состоявшегося разговора в памяти Киры ничего не осталось, он сказал:

— Кирюша, спасибо, что согласилась со мной поужинать. Мне бесконечно приятно твое общество. Ты не спела бы мне еще раз эту песенку, как ее там?

Кира весело засмеялась.

— Какую песенку? Максим! Вы меня с кем-то путаете... Да я и петь-то не умею. — И состроив сочувственную гримасу, спросила. — С вами все в порядке?

— Что-то голова немного кружится... О чем это мы говорили? За ужином...

— Да так... — Кира притворилась, как будто вспоминает. — Ни о чем существенном.

— А все-таки?

— Ну, если это так важно... Вы рассказали анекдот о том, как один индус отговаривал свою жену от четвертого ребенка, потому что думал, что родится китаец... Потом мы прикинули, что в Грузии марочного вина производится в сто раз меньше, чем продается в Москве, а вы сказали, что летом нам хорошо бы куда-нибудь вместе съездить... Хотя бы и в Грузию. Вина попить настоящего. А лучше — в Аргентину...

— И?

— А после вы напрашивались на чашку кофе.

— И...

— И все!

— Ну, кофе отменяется.

— Да, я уж вижу.

— Но проводить я тебя в состоянии, и сделаю это с превеликим удовольствием.

Кира с сомнением посмотрела на бледнеющего на глазах Максима.

— Не сомневайся! — тем не менее бодро сказал он.

Сомнений больше не оставалось, и Кире пришлось признать, что Кирилл был прав в отношении Максима. Кира рассказала Кириллу о случившемся нехотя и как бы между прочим, а закончив рассказ, сразу сменила тему, что должно было бы означать: «Без комментариев». А зря. Как раз комментариев у Кирилла накопилось предостаточно. Его пугало Кирино легко-

мыслие, легковерие и нежелание работать над собой. Но он сдержался. Он уже привык сдерживаться и подстраиваться. Спустя какое-то время, необходимое, чтобы его реплика не выглядела комментарием, он даже похвалил Киру за находчивость и умение собраться и сосредоточиться в нужный момент.

— Видишь, — сказал он ей. — У тебя все получилось.

— Это у тебя получилось мне помочь и поглотить влияние. Ты молодец.

— И ты молодец, Волк. Но ты должна быть с ним предельно аккуратна.

— Я знаю... Ты думаешь, он мне поверил?

— Посмотрим. Думаю, это выяснится в самом ближайшем будущем.

В бассейне Кира плавала одна. В полуденные непопулярные часы в спортклубе никогда не было аншлага. Но так чтобы совсем никого! Кира наслаждалась водой и одиночеством. Она очень любила плавать. «Наверное, есть реальность, где я рыба» — подумала Кира, с силой отталкиваясь от бортика. Она проплыла бассейн быстро, практически под водой, поднимая голову только чтобы набрать воздуха. Вспомнился океан, наглые полосатые рыбы, которые дают себя погладить, как кошки, и огромные, безотказные черепахи, на которых можно кататься ухватившись за панцири. В голове низко загудело. Кира сделала глоток воздуха. Высокий стул у барной стойки был пуст — даже дежурный тренер отсутствовал на своем обычном месте. Скучающий бармен наблюдал за Кирой, глядя сквозь насухо вытертый сияющий стакан. В очередной раз подняв из воды голову, Кира заметила смуглого старика. Он как-то по-кошачьи прошмыгнул из мужских душевых прямо к барной стойке и о чем-то заговорил

с барменом, после чего последний поставил стакан и удалился. Кира перестала плыть и смотрела на странного старика, не отрывая глаз. Он явно был здесь впервые и совершенно не соответствовал образу обычной публики, посещающей спортклуб. «Как будто только из леса вышел, — промелькнуло в голове у Киры. — Или из джунглей. Да, да именно из джунглей. Маленький, краснокожий, сухой, крепкий, проворный, как обезьяна, и с каким-то амулетом на шее». Кира наблюдала за ним, как завороченная. Старик присел за столик рядом с пальмами и начал что-то нашептывать. Потом резко поднял глаза на Киру...

Она очнулась на скамейке у бассейна. Старика не было. Рядом стоял доктор в голубом халате, дежурный тренер, две женщины в купальниках.

— Ну вот и славно. Наконец-то. Как вы себя чувствуете? — доктор держал Киру за руку.

— Нормально.

— Ну и хорошо. Вы были без сознания почти десять минут. Вообще-то, вам нужно обследоваться. Насколько я помню, с вами это происходит уже не в первый раз. Я имею в виду обмороки.

— В бассейне — первый...

— Вы не беременны?

— Нет.

— А с сердцем все в порядке?

— Да.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Тогда тем более нужно обследоваться. Обязательно. И не тяните с этим. Вы, молодые, считаете себя вечными... А вечного ничего нет...

— Я знаю. Я непременно обследуюсь.

— Хорошо бы... — он помог Кире подняться.

— Спасибо. Дальше я сама. Мне уже хорошо...

В раздевалке Кира посмотрела на часы. Она была без сознания около часа. А доктор говорит: десять минут. Значит его позвали десять минут назад. А что с ней было в оставшиеся пятьдесят? И кто с ней был? И что делал? Вопросы без ответа. Впрочем ответ Кира знала. Старик ввел ее в состояние, которое она не смогла проконтролировать и теперь действительно ничего не помнит. Интересно, он сам с ней работал или передал Максиму? И что знает теперь Максим? Неужели он не поверил ей в прошлый раз? Или решил перепроверить? Грустно...

В лобби-баре сидел Максим и пил кофе.

— Кира, присаживайся. — Он отодвинул стул и помог ей сесть. — Плавала?

— Как всегда.

— А я сегодня не плавал... Устал в зале... Нога разболелась и вообще — легкое недомогание. — Он был мрачен, смотрел мимо и выглядел гораздо старше, чем обычно.

Кира заказала апельсиновый сок.

— Я тоже немного устала.

Он поднял на нее глаза.

— Я решил уехать, набраться сил, отдохнуть. Как ты считаешь?

— Дело хорошее.

— Может, и ты со мной?

— Мысль хорошая, но...

— Я понял, что «нет», ответ «да» противоречил бы всему сценарию. На мгновение почему-то подумал, что могу изменить его, в смысле сценарий.

— А почему бы нет? Только не в этот раз.

— Думаешь, будет другой?

— Не знаю. А вы обязательно поезжайте. В этот Раз. Куда-нибудь в горы или к морю. В горах хорошо

силы восстанавливаются. И там красиво. Я люблю горы.

— Да, да... Именно. В горы. Я тоже. Тоже люблю горы. — Он встал. Таким рассеянным Кира его никогда еще не видела. — Ну, я пойду...

— Счастливо и удачи вам.

— Удача для слабых... Впрочем, спасибо. Конечно, спасибо. Сильный в любой момент может стать слабым... Тогда остается уповать на удачу... — Он развернулся и быстро пошел к стеклянным дверям. Остановился. Оглянулся. И снова подошел к Кире.

За это короткое время, пока он дошел до дверей и вернулся, что-то в нем изменилось. Он снова, как обычно, был собран, подтянут и приветлив.

— Да, Кирочка, совсем забыл тебе сказать. Я ухожу вовсе не потому, что ты не та девушка. Я ухожу именно потому, что ты та. Но ты сильнее, чем я ожидал. А я сейчас не готов... — и он улыбнулся. Открыто, широко и искренне. Как улыбается только близкий и родной человек, который желает тебе добра и счастья.

Кира постаралась улыбнуться точно также.

Посмотрел на часы, пора. Но следы присутствия Силы были заметны как никогда. Мы мокрые, ванна залита водой. Я протер стены, потолок и пол. Насколько смог, вытер полотенцем Силу и себя. Правда, одежда осталась мокрой, но ее на нас было не так уж и много. Подумал, что если переодеться, Кира сразу заметит. Решил, пусть будет так.

— Пойдем в комнату, тебе пора.

Кира открыла глаза.

— Что-то со мной происходит. Я что, снова сознание потеряла?

— Да, ненадолго. Ничего страшного, тем более что ты на диване.

— Странно... А чувствую я себя хорошо. — Кира говорила медленно, видимо, пытаясь понять, что за изменения произошли в ее теле. — А почему я мокрая? Ты что — пытался меня водой привести в чувство?

— Да, но не очень удачно. Облил и тебя, и себя, а толку никакого.

— Да уж, я вижу. Странно как-то, я никогда себя так хорошо не чувствовала после обморока. Обычно тошнит и голова кружится. Вообще-то, я всегда заранее чувствую, что теряю сознание. И у меня есть пара секунд, чтобы принять удобное положение, чтобы не покалечиться... Сейчас такого не было. Ну да ладно, давай переоденемся, а то ты как после душа. И выпьем кофе. Кофе хочу!

Кофе пили с коньяком. Кира была хотя и бодрa, но рассеянна и как-то странно в меня всматривалась. Видимо, пыталась разобраться в новых ощущениях. Но в целом атмосфера была умиротворенная. Горький запах кофе наполнял квартиру, мы сидели друг напротив друга, ноги Киры покоились у меня на коленях.

— Помнишь, я тебе говорил, что у меня здесь на кухне вроде как домовая живет?

— Нет, не помню. Впрочем, говорил что-то. Ну и?

— Ну так вот. Оказалось, а экспериментировал я много, что при некоторых обстоятельствах он может передавать послания, которые иногда носят вполне материальный характер.

— Ну-ну. Рассказывай. С фантазией у тебя всегда было все в порядке, какие нужны обстоятельства? Я тоже хочу пообщаться.

— Необходимо, просто-таки обязательно, чтобы сумма чисел дня составляла семь.

- Сегодня двадцать пятое. Как раз. Что еще?
- Нужно, чтобы месяц шел на убыль, и были осадки.
- Месяц не знаю, а осадки — вот они, снег идет.
- Теперь нужно сказать: «Йоршик, Йоршик, приди, приди». Говори. Только громко.
- С тобой интересно... Но помнишь, с летающими тарелками ты лоханулся. Не боишься, что и твой Йоршик не явится?
- Не боюсь. Если не появится, значит он сейчас чем-то занят, может быть, на летающей тарелке улетел. Или, возможно, сегодня месяц на прирост идет. Если он не даст о себе знать, ты и не удивишься. А вот если появится, это будет событие. Стоит рискнуть.
- Ну и правильно. Интересен сам процесс. Результат в данном случае большой роли не играет.
- Знаешь, философ, хватит рассуждать. Йоршика зови. В результате я уверен, как никогда.
- Ну ладно. — Кира подняла голову и огляделась, вероятно, чтобы удостоверится, что я заранее не позвал кого-нибудь исполнить эту роль. — Йоршик, Йоршик, приди, приди. — Кира позвала громко и с видимым удовольствием. Потом вопросительно повернулась ко мне.
- Вот, слушай. Слышишь шаги? Слушай, слушай.
- Это соседи ходят сверху. Слышимость как во всех панельных домах.
- А чувствуешь эффект присутствия, у меня волосы даже дыбом на руке стали. Вот смотри. — Я показал ей руку. Волосы, естественно дыбом не стояли. Но это было и не важно. Мы оба понимали, что это только игра. Я сделал страшные глаза, надеясь, что они вполне заменят волосы дыбом.
- Чувствую, чувствую. А где материальные свидетельства, мой дорогой вызыватель духов?

— Теперь, насколько я понимаю, а понимаю я немало, надо включить микроволновку на семь секунд. Включай.

— Ой, я так хорошо сижу. Включи сам. Тем более, я абсолютно уверена, что микроволновка здесь ни при чем. Из нее кто-то вылезет?

— Ну, не знаю, не знаю. По крайней мере, если что-то и появляется, то всегда в микроволновке. Включай.

— Ну смотри... — Кира лениво поднялась с кресла. — Включаю.

— Только на семь секунд, не перепутай. Это очень важно.

Кира повернулась ко мне и изобразила на лице гримасу, которая должна была дать мне понять, насколько сильно она мне верит.

Микроволновая печь негромко загудела, внутри зажегся свет.

— Кирилл, там что-то было внутри, вон крутится.

— Не было, а появилось, послание, наверное.

Прозвенел колокольчик. Кира открыла дверцу печки.

— О, картина. Прикольно. Сам нарисовал? Или это Йоришь или как его там?

— Конечно, а кто же еще. А что там? — Я смотрел снизу вверх, сидя в кресле с чашкой в руке.

Кира молчала, рассматривая лист бумаги. Долго молчала. Выражение лица менялось. Сначала оно выражало интерес, потом замешательство, а в конце панику.

— Это кто нарисовал?

— Откуда я знаю, Йоршик, наверное. Ты же сама его звала, сама что-то там в микроволновке нажимала, я-то тут при чем? Сижу, кофе пью, со стула не встаю.

— Сейчас же перестань. Это не шутки, кто это нарисовал? — Кира повысила голос.

— Йоршик! — Я чувствовал, что еще рано сдаваться. Интрига не исчерпала себя.

— Если ты сейчас же не скажешь, я... я... я не знаю, что сделаю. Быстро говори, кто здесь был. — Кира за несколько секунд превратилась в фурию. Я не ожидал, что картина произведет на нее такой сильный эффект. Но это и к лучшему, картина по замыслу должна была привлечь Кирино внимание.

— Ну ладно, ладно. Ты чего завелась так сразу? Хорошая картина, это я нарисовал. А чтобы было интереснее, положил в микроволновку. Ведь получилось интересно?

— Сейчас же брось. Кто здесь был? Ты в жизни так не нарисуешь. Кто был у тебя?

Вот так узнают правду. До этого момента Кира всегда говорила, что ей нравятся мои картины. На меня свалилась тотальная, абсолютная меланхолия. Этакая грусть об утраченных иллюзиях. Я даже подумал, а вдруг вся эта история с другими реальностями, убийствами, существами из параллельных миров, Америкой и кодами сознания только для того, чтобы до меня дошло, что я плохой художник. Вот и дошло. Конец.

— Говори! — Кира отняла у меня чашку с кофе, вернув в кухонную реальность, которой не было дела до моих артистических амбиций.

— Ничего не расскажу. Вот. Если кофе не отдашь, никогда не узнаешь правду.

— Ну на. Она с недоверием протянула чашку обратно.

— Вот так-то лучше, а то сомневаются, что я гениальный художник, а потом еще и кофе отнимают, фашисты. — Я надулся. Потом сдулся. —

Хорошо, Кирочка. Пойдем в комнату, на диван. Там удобнее. Картину можешь взять с собой, я тоже хочу ее получше рассмотреть. Что там такого гениального, чего у меня нет? Там я тебе обо всем и расскажу.

По мере моего рассказа Кира успокаивалась, и к концу уже слушала меня, как мне казалось, в полуха. В очередной раз демонстрируя удивительную подвижность своей психики. Ей, естественно, не очень понравилось, что кто-то бывает в ее теле, но в то же время было интересно, что это за существо такое, Сила, и как оно соотносится с ней самой. Да и картина несколько разрядила обстановку.

— Классно нарисовано. Со знанием дела. Просто так, с лету, так не нарисовать. Странно... Кстати, а как выглядит ключ, который тебе дал Муслим?

— Это, наверное, единственное, о чем я не могу тебе рассказать, извини.

— Ну и ладно, подумаешь, секрет. Я теперь буду следить и сама увижу, когда ты захочешь позвать Силу.

— Здесь я бессилён. Я не сомневаюсь, что тебе это будет сделать не сложно.

Наступил 2005 год.

Мы с Муслимом обменялись Новогодними поздравлениями.

В письмах к Муслиму я описывал, что у нас происходит настолько подробно, насколько у меня хватало времени. Я продолжал писать, даже если Муслим какое-то время мне не отвечал. Думаю, я делал это по большей части для себя, чтобы осмыслить ситуацию, пропустить ее через себя. Описывая наши диалоги с Силой, я и сам часто задумывался над тем, на что не обращал внимания раньше.

*«Доброго дня, Муслим.
Спасибо за поздравления.
Сегодня первое января.*

Кира праздновала со своей семьей. А я решил, что никого видеть особо не хочу, и был один дома. Второго мы договорились встретиться.

До этого мы виделись тридцатого в четверг. Отметили уходящий, пообщались, порисовали, музыку послушали. Приходила и Сила тоже. Я как обычно проиллюстрирую в диалогах. Должен заметить, что сейчас мой психический статус достаточно интересен. Я выбит из нормального состояния, и мое восприятие болтается, как тряпка на ветру. Единственное, что остается, это держать внимание на том, что перед глазами и меньше думать.

Сила была у меня тридцатого декабря два раза. Каждый раз примерно по полчаса. Кажется, она начинает понемногу вспоминать, откуда она и кто она. Но очень неуверенно и только проблесками. Я ее не тороплю, скорее даже наоборот.

К. — Привет.

С. — Привет. Почему ты меня долго не звал? У тебя красиво, это что такое?

К. — Это елка. У нас праздник Новый год.

С. — Не понимаю. Новый год это что?

К. — Это когда Земля возвращается в то же положение, которое было, когда был прошлый Новый год.

С. — Это цикл. Вы отмечаете конец цикла?

К. — Да, конец предыдущего и начало нового.

С. — А откуда вы знаете, когда заканчивается цикл?

...

К. — Я приготовил краски. Мы рисовали с Киной. Ты хочешь порисовать?

С. — Да, хочу. Покажите вашу картину? Это что?

К. — Это Новый год. Мы нарисовали Новый год. Ты можешь отличить, где я рисовал, а где ты?

С. — Конечно. Вот ты, а вот я. Я рисую красками, а ты пластилином.

Вообще-то я рисую темперой, это краска типа масляной, она действительно отдаленно похожа на пластилин, если делать большие мазки или выдавливать из тюбика прямо на бумагу, как я, собственно, часто и делаю.

Начинает рисовать. Сначала не понимаю, что, позже понимаю, что это музыкальные инструменты. Сила показывает на колонки, откуда слышно музыку. Она вообще рисует очень интересно, слоями, сначала передний план, а потом двигается все дальше назад. Это очень непросто делать.

С. — Музыка. Я рисую музыку.

Когда картина закончена, смотрит на нашу, как бы сравнивая ее со своей, потом добавляет красного цвета и гирлянды по периметру.

С. — Вот. Тоже новый год. Новый год!!!

...

С. — У вас мало женщин? Совсем мало? Только мужчины?

К. — Нет. У нас два миллиарда женщин и столько же мужчин.

С. — А почему у нее столько мужчин? — Застыла, что-то вспоминая, явно копаясь в своих мыслях, точнее в мыслях Киры. — Почему они все время звонят? И говорят?

К. — Не знаю.

С. — Прогони всех.

К. — Я думаю, не стоит. Разнообразие — это всегда хорошо.

С. — Нет. Она врет им. Ладно, я сама их прогоню. Я уже начала работать над этим. Ты главный, и ей больше никого не нужно...

Как-то, чтобы показать Кире, как я вижу нападение учителя с гор, нарисовал картину, иллюстрирующую это видение. Сила смотрит на нее. Долго рассматривает.

С. — Ты бываешь в этом мире?

К. — Нет. Так я иногда вижу.

С. — Я что-то вспоминаю. Подожди, это, кажется, наш мир. Это кто-то (показывает на учителя). И это кто-то (так я нарисовал Максима-инвалида). Это, наверное, я. А ты смотришь отсюда.

Пришлось пока эту картину спрятать, а то Сила очень на нее засматривалась и входила в ступор, пытаясь вспомнить...

...

Я много слушаю авангардной музыки. (Губайдулина и Шнитке, наверное, самые известные представители классического авангарда). Ставлю Stefano Scodanibbio, альбом «Six Duos».

К. — Тебе нравится такая музыка?

С. — Да, такая музыка не может не нравиться. Это музыка хаоса. Из него возникает все. Из него можно сделать все.

Мы слушали долго, Сила никак не могла оторваться.

К. — А вот такая?

Ставлю «Тигровые Лилии». Tigers Lillies (одна из любимых групп Киры). Альбом «AD Nauseam», песня «Beat me».

С. — Это раб поет. Это твой раб? Он плачет.

К. — Нет, это не раб. Это свободный человек. Он не плачет.

С. — Не может быть, чтобы ты не понимал. Это раб, он плачет.

Начинает тоже плакать. Притом в захлеб.

К. — Давай, я выключу.

С. — Нет. Не нужно. Это очень красивая песня.

Я зову Силу часто из-за того, что Кира последнее время постоянно раздражительна и разрушительна. Приходы Силы хоть на небольшое время снимают напряжение и дают вздохнуть. Кирилл».

«Крепись. Они обе агрессивны. Полный дисбаланс психики. Я, к сожалению, очень слаб, и помощник из меня хреновый. А ситуация настолько уникальна, что готовых решений нет, и быть не может. Извини. Ты пишешь безумно интересные вещи. Старайся их сблизать. Силу и Киу. Я с огромным интересом читаю все, что ты пишешь, причем по многу раз. Живу, наверное, только потому, что так у вас интересно и удивительно и хочется как-то поучаствовать и, может быть, помочь. Не думал я уже, что что-то может меня так захватить и увлечь. Спасибо. Сам писать могу не всегда. Надеюсь, ты понимаешь мою ситуацию.

Спасибо за картины и ссылки на любимую Киину музыку. Смотрю, слушаю. Думаю. Думать есть над чем. С Силой ведешь себя очень правильно, и диалог ведешь тоже правильный. Продолжай в том же духе. И помни. Все в тебе. Больше прислушивайся к своим ощущениям. Я помогаю, как могу, и стараюсь не упускать ситуацию. Освобождай Киу от негативной энергии как можно чаще. Она продолжает ее вырабатывать. И будь мягче и нежнее. Ну, ты меня понимаешь.

Удачи. Муслим».

В свете того, что происходило с Кирой, я имею в виду ее разрушительные приступы, я часто раздумывал, поступил ли я правильно, сделав кардинальный шаг и убрав «цветок». Вполне допускал, что это ошибка — прошло уже несколько месяцев, а психика

Кире все никак не возвращалась к прежнему, хотя бы более-менее устойчивому состоянию. Но что бы случилось, если бы я бездействовал, и «цветок» действительно выбрался? Или Сила крепко удерживала его внутри, и такого произойти не могло? Кстати, о Силе. Как-то вечером, уже перед сном я рассказывал Кире свои «Сказки о Силе», а потом Кира спросила:

— Помнишь свою переписку с Тенью?

— Конечно, я часто почему-то думаю об этом, даже письма иногда пересматриваю. Очень много в них неясного и неоднозначного.

— А эта девушка-ребенок, которая так увлеченно изучает наш мир, забыв, откуда она, не Тень ли?

— Нет, что ты? Это как раз наоборот... Твоя защитница и часть тебя. А отнюдь не Тень — неизвестно откуда взявшийся охотник за тобой. Да и не было никакой Тени, это только выдумки Давида.

— Ну-ну. — Кира перевернулась на живот, и немного повозившись, уснула.

Я же еще долго не спал. Все думал, может ли действительно быть то, что предположила Кира...

Это случилось, я сделал это. С бьющимся сердцем и огромными опасениями, но я все-таки решился вывести Силу на улицу. Для начала совсем ненадолго. Соблюдая конспирацию — ночью. Но трудности как обычно, начали возникать там, где их не ждешь. За окном зима, холодно — нужно было одевать сапоги, и этот процесс сразу вызвал затруднения. Сначала я надеялся, что она сделает это сама. Но немного повозившись, стало ясно, что, по крайней мере, сейчас это совершенно нереально. Сложный координационный процесс одевания сапог объяснить с должной долей наглядности я не смог. Пришлось положить Силу на диван и надевать сапоги на нее самому. Даже это оказалось непростым делом, но кое-как мы справились.

Сила проявляла терпение и смирение, когда я командовал: «напряги ногу», «расслабь ногу», «нет, снова напряги». Пока она рассматривала застёжки-молнии, я снимал с вешалки Кирину куртку. Никогда не думал, что и одеться может быть сложно. Силе видно и самой надоело, что ее вертят, как куклу, а все равно ничего не получается. Хотя надо сказать, что не получалось, в основном, потому, что она пыталась мне помогать. В общем, она взяла дело в свои руки. Отдала мне куртку, сама отошла на середину комнаты.

— Ты одевай, а я буду смотреть, потом сделаю также.

Я помял в руках Кирину куртку, положил ее на диван, взял свою и медленно оделся.

— Твоя куртка мне маловата, но куртки одеваются одинаково.

— Понятно... — Она взяла Кирину куртку и попыталась меня отодвинуть. — Отойди с этого места. Теперь я буду здесь одеваться. — Она встала точно туда же, где стоял я, след в след, точно в такую же позу, также держа куртку, и медленно, копируя не только все мои малейшие движения, но и выражение лица, одела ее сама. Потом медленно повернулась вокруг себя, так же, как перед этим сделал я. Но, увы, у нее один рукав был пустой.

— Милая, где-то у нас недочет. Вот смотри, одна рука не одета.

Сила тут же свалила всю вину на меня.

— Это потому, что ты стоял неправильно, и я видела только одну сторону тебя. А как вторая рука оказалась в этом шланге, я не видела, как же я могу повторить?

— Да, логично. Тогда снимай, я встану по-другому.

— Я снимать не умею.

«... О том, как я выводил Силу на улицу.

К. — Одевайся, пойдём, я покажу тебе улицу.

С. — Мне можно? Ура. Я готова.

К. — Одевайся.

С. — Я одета.

Стоит без сапог в одних носках.

К. — Нужно одеть сапоги, вот твои.

С. — Как у вас все сложно. А как их одевать?

Сажая на диван, и одеваем сапоги. При том что Сила совсем не помогает, это не просто.

К. — Куртку одевай, давай я тебе помогу.

С. — Это моя куртка? Красивая. А зачем мне, мне и так тепло.

(Одеваем куртку. Сложности опускаю.)

С. — Все, пойдём.

Выходим из квартиры на лестничную площадку. Держится за меня, плотно прижимаясь к моей руке.

Смотрит в лестничный пролет, потом быстро в прыжке отпрыгивает назад.

С. — Там что? Пропасть? Мы туда пойдём?

К. — Нет. Поедем на лифте.

С. — Это что такое, здесь ничего нет.

К. — Это... Ну вот здесь откроется дверь и мы спустимся.

С. — Ты шутишь, здесь стена. Вы часто шутите.

Когда двери лифта открылись, она с ужасом спряталась за меня. А когда увидела щель между кабиной лифта и коридором, отказалась входить. Минуты три я уговаривал. Потом она сказала:

С. — Ладно, я доверяю тебе.

И вися на мне, сделала шаг-прыжок, наверное, метра полтора в кабину лифта через эту маленькую щель.

С. — Кто там живет?

К. — Никто.

С. — Там кто-то рычит.

К. — Это мотор.

С. — Значит там живет мотор.

Так же она выпрыгивала из лифта. После нужно было спуститься по лестнице.

С. — Я знаю, это лестница.

Первые шаги были, мягко говоря, совсем неуверенные, но шага за три-четыре она научилась, или вспомнила и дальше спускалась вальяжным шагом с самодовольным видом.

С. — Я умею ходить по лестнице.

В дверях мы столкнулись с парой. Ужас был полный. Она спряталась за меня.

С. — А-а-а! Люди!

С. — Тише. Тише.

Своим выкриком она испугала их не меньше, чем была испугана сама.

С. — Ты видел, это были люди.

К. — Видел. Видел. Они уже уехали на лифте.

Сразу в слезы.

С. — Они займут нашу квартиру.

К. — Нет, они поехали в свою. В этом здании много квартир, и в нашу никто зайти не может.

С. — Точно? — Последовала длительная пауза. — Я верю тебе. — Ее тон означал, что если нашу квартиру займут, вся вина будет на мне.

Был поздний вечер, практически ночь. Мы остановились у подъезда. Я думал, не стоит ли сразу пойти обратно. Проехала машина. Сила снова спряталась за меня. Потом вышла улыбаясь.

С. — Я знаю, это машина.

К. — Молодец.

Она осматривалась с растерянностью и восторгом.

К. — Смотри, сколько светящихся окон.

С. — Я знаю, ты мне говорил, за каждым святящимся окном живет человек.

К. — Ну не совсем, но примерно так.

С. — Как много людей. Как вы здесь живете?

Мы прошлись по улице метров триста и вернулись домой. Встреча каждого человека, даже если он просто мелькнул где-то вдалеке, становилась для Силы событием и приводила в сильное волнение...

— Вон, — она показывала пальцем и пряталась за меня, — вон, человек, смотри. Он куда-то идет. А вон еще один. — И она пряталась за меня уже с другой стороны. Хорошо, что вышли из дома около полуночи и улица — днем многолюдная — была почти пустынной. Если бы я был без Силы, я бы сказал, что на улице совсем никого нет. Но Сила замечала промелькнувших людей за пятьдесят, сто метров.

Хотя она пробует на вкус все, ест с удовольствием только мандарины. А то, что «не течет», вообще шансов понравиться не имеет. Никаких.

С уважением, Кирилл».

На следующий день, вернее, ночь я повел Силу в магазин рядом с домом.

С курткой Сила справилась сама, чем страшно гордилась.

— Я умею одевать куртку. — Она победоносно смотрела на меня. Я поцеловал ее в щеку.

— Ты молодец. Теперь ложись на диван, будем одевать сапоги.

— А без сапог нельзя? Давай без сапог. А то их одевать больно.

— Нельзя ни в коем случае, садись, у нас немного времени.

История с лифтом повторилась почти точь-в-точь. Маленькая щель под открытой дверью пугала Силу своей глубиной.

— Пропасть... — с благоговейным шепотом произносила она. И отказывалась ее переступить. Я, демонстрируя собственное бесстрашие, несколько раз зашел и вышел из кабины лифта.

— Аккуратно, аккуратно, будь осторожен, — предупреждала меня Сила.

В магазине покупателей практически не было. Мы начали осмотр с отдела фруктов и овощей. Я выступал в роли экскурсовода, объясняя, много ли внутри сока и объявляя названия. Сила пальцем-щупом дотрагивалась до всего, о чем мы говорили.

— Грейпфрут. Течет, — повторяла она за мной, дотрагивалась пальцем и кивала головой.

— Морковь. Не течет, — палец тянулся к пакету с морковью, голова совершала отрицательные покачивания — нет.

— Если не течет, зачем она тогда нужна?

— Ну, она все-таки немного течет.

— Так есть же мандарин, который хорошо течет. Зачем то, что только немного течет?

— Для разнообразия.

— Странно, очень странно. Не понимаю. Если есть лучшее, зачем морковь?

Консервы не вызвали отрицательных эмоций, поскольку они текут. Сила прошла по рядам, одобрительно кивая головой. Молочные продукты были приняты к сведению, но с ними еще надо разобраться, как сказала Сила. Мясной отдел мы обошли стороной. И зашли в отдел сладостей.

— И это все не течет? — Сила, совершенно не покупаясь на яркие фантики, неодобрительно качала головой. — Зачем столько пространства занимать тем, что никому не нужно?

— Конфеты покупают, и печенье покупают. Хочешь, мы тоже что-то купим, ты попробуешь и убедишься, что это вкусно.

— Нет. Я не хочу. То, что не течет, не может быть вкусно. Так много всего, и никому это не нужно, нельзя же так ошибаться. Подытожила Сила, видимо, имея в виду ошибки владельца магазина.

— Пойдем в отдел вин. Ты сама выберешь вино, какое захочешь.

— Я? О-о-о. Я хорошее вино выберу. Пойдем. — Сила деловито надулась, развернула плечи, напустила на себя важный вид. — Показывай, где выбирать.

Промучившись некоторое время, пытаясь вытянуть руки в сторону рядов с бутылками вина и при этом не отпускать меня, Сила повернулась ко мне с мольбой в глазах.

— Я сейчас отпущу твою руку, но ты будь все время очень близко от меня, хорошо?

— Конечно, дорогая. Я рядом, будь спок. — В магазине, кажется, никого не было, только от касс за нами наблюдала скужающая продавщица.

Сила вытянула ладони, поводила ими туда-сюда и уверенно направилась в сторону болгарских вин. Там, повторив процедуру, взяла с полки бутылку и с гордостью протянула мне.

— Это вам. Самое лучшее. Видишь, я уже могу тебе помочь.

Вино я пил вместе с Кирой, рассказывая ей о нашем с Силой походе в магазин. Оно оказалось неплохим, но не более, чем можно ожидать от болгарского вина. Я думаю, главное дело в вибрациях, исходивших от вина. Вероятно, они понравились Силе. Я верил в это, и мне было приятно сидеть на диване, целоваться с Кирой, разговаривать и пить вино, что выбрала для нас Сила, которая наверняка была сейчас где-то здесь, просто на другой частоте. Я представлял, что вибрации вина — это та промежуточная частота, которая связывает Киру и Силу. Или меня

и Тень, в таком случае вино приобретало совсем другой вкус.

К концу следующей недели Кира заболела. Она чувствовала себя очень плохо. В целом и в частности. Ныло, болело, кружилось и тошнило. Не болезнь, а длительный приступ дурноты. Лежала дома и мужественно отвечала по телефону сиплым голосом, что все хорошо. Все это напоминало мне прошлое лето, когда люди учителя пытались ее сканировать или, как это мы тогда называли, «варить кашу у нее в голове». Особенно после того как Кира пожаловалась, что левая рука снова теряет чувствительность.

Я срочно написал Муслиму. Он какое-то время не отвечал, а когда пришло письмо, оно совпало с небольшим облегчением Кириногo состояния. Наша переписка было похожа на отчеты бойцов с линии фронта.

«Ситуация выходит из-под контроля. Твоя девушка сейчас похожа на вышедший из строя ядерный реактор. Где она берет силы сдерживать этот поток, не знаю. По тому, что я вижу, сил у нее не должно быть вообще. Все выходит наружу в виде странных вибраций. Здесь все отнимется, мой милый мальчик, не только рука. Либо кто-то ее серьезно сканирует, либо вибрации стали забирать всю ее энергию. Я все вижу и поддерживу, насколько смогу, но надолго меня не хватит. Если это сканирование, то скоро прекратится. Возможно, ваш инвалид решил ускорить события. Но она сейчас пуста, как никогда. Может, и к лучшему. Хотя не знаю, какие у него методы. Если это внутренние процессы, то никто не знает, что будет дальше. С этой точки зрения очень верно переключать ее подольше на Силу. Хуже не будет. По крайней мере, в измененном состоянии сознания она не вибрирует.

Ключ от Киры оставил Иван, на тот случай, если с Кирой что-то случится. Это программный код Силы, как называл его Иван. Он думал, что Киа вообще не жилец. И ожидал непоправимого в первые годы ее жизни. Но она была на редкость крепким, активным и способным ребенком. Да, она тогда сильно вибрировала, но себе на пользу. Время шло, и мы поняли, что ключ не пригодится. А когда они уезжали, я не рискнул передать его родителям, поскольку они были очень далеки от всего этого, мягко говоря, и ничего, кроме вреда, не могли ей причинить. Вот так.

Большое спасибо за подробный рассказ.

Об остальном напишу позже. Устал. Очень. Извини.

Спрашивай, все, что нужно.

Держитесь. Вы молодцы. Муслим».

«Здравствуйте, Муслим. У нас близится полночь. С понедельника на вторник. Увы, Киа не смогла ко мне приехать из-за отношений с мужем. Но...

Ей становится несколько лучше. Эта положительная тенденция была замечена, начиная с четырех часов, а письмо от вас пришло полпятого. Спасибо. Немота с плеча спустилась ниже локтя. И вроде общее состояние несколько улучшилось.

Киа посмотрела внутрь себя и увидела некий серебряный шнур, который вызывал большие подозрения. Я, примерно в шесть, тоже увидел этот серебряный шнур, на конце которого было что-то черное и определенно живое. Я его всосал на всякий случай. Увы, я плохо вижу и еще меньше понимаю, что я вижу. Не нравятся мне эти военные действия в темноте. Как бы кого-нибудь из своих не зацепить, или самого себя ниже спины не ранить. Но выбирать особо некогда.

Звонил ей в девять. Ситуация медленно-медленно, но кажется, улучшается. Кисть еще не работает, но в настроении больше ноток оптимизма.

Теперь смогу позвонить только утром, около десяти часов. Около одиннадцати я буду в офисе и напишу вам.

Спасибо, Кирилл».

«Молодец. Все правильно. Твои методы оправданы и в сложившейся ситуации имеют место быть. Я весь вышел часов десять назад. Так что пока давай сам. Меня зацепить не бойся, я тебя хорошо вижу, и не попадусь на твоём пути. А всех остальных можешь рубать шашками. Главное, она жива. Вчера ситуация была совсем плоха. Я не стал тебя пугать, но она умирала. Сейчас положение не столь критично, но все равно расслабляться рано. Она вибрирует точно так же. Кроме того, жутко боится.

Я тебе говорю, что она очень привлекательна из-за своего строения, и я не знаю, сколько народу об этом информированы и хочет ее. Возможно, это какая-то новая сила. Но это не важно. Главное, не потерять ее.

Она сейчас пуста и никакие сканирования ничего не дадут, но могут ее убить, поскольку она в данный момент и сама не в ладах с собой и излучает черт знает что.

Как только будет возможность, вводи ее в измененное состояние. Пока это лекарство номер один. И помни, она хоть и странная девушка, но девушка и, как все девушки в таком состоянии, особенно нуждается в любви и ласке.

Можешь попробовать ее надуть. Представь, что она сдувшийся шарик. И вдувай энергию, цветную. Смотри, как цвет заполняет ее. Иногда помогает. Именно в таких случаях. Муслим».

«Доброго дня, Муслим.

Сейчас полдвенадцатого утра. Кира почти в порядке. Рука полностью восстановилась и нормально работает. Кира слаба, но бодр.

Спасибо, Кирилл.

P.S. Есть несколько книг, которые нравятся нам с Кирой. Возможно, и вам будет интересно. Я список внизу накидал».

Кира пришла в себя так же быстро, как и заболела. Вот все в ней было так. Или очень хорошо, или очень плохо. Притом от одного полюса к другому она пролетала экспрессом, минуя обыденность.

— Ну, Кирилл, не вредничай. Я не тренировалась уже пять дней, даже на улицу не выходила, я буду толстой. Можно, я пойду в зал?

— Ты еще вчера вечером была больной. Нельзя. Возможно, болезнь еще внутри, только притаилась. И вообще, даже после недомогания сразу тренироваться нельзя. Организму нужно восстановиться.

— Никакой болезни у меня не было, так просто — немного расклеилась. Бывает. Я чувствую себя хорошо. Если мне нельзя тренироваться, может, мне пойти гулять? Сколько можно дома сидеть?

— Ну ладно, сходи в зал, побегай. Только совсем медленно, просто в качестве прогулки. — Я уступил, подумав, что пускай лучше бегают в теплом зале, чем пойдет гулять на зимнюю улицу.

— Тогда я буду собираться. Я тебе после тренировки позвоню.

«Какой ты, однако, обходительный. Вообще, можно было бы написать мне и так: «Дед Муслим, есть пара книжек, которые тебе, продвинутому, наверное, было бы кайфово прочесть, чтобы не сдохнуть, пока мы не попадем в новую жопу». Шучу, мне можно. Заслужил. Как думаешь?»

Прочту обязательно, тем более что под вашу музыку я неплохо поколбасился. В койке. В койке — тоже ничего.

Ситуация ваша, конечно, намного лучше, но безумно далека от стабильности. В Кие непрерывно протекают какие-то процессы, вызывая нехорошие вибрации. Двадцать часов назад она перестала вибрировать и стала совершенно прозрачной, сейчас опять набирает обороты. Так что расслабляться преждевременно.

Работай над собой и с Силой. Это может оказаться более чем полезным.

Ты все делаешь правильно. Больше доверяй себе во всех аспектах жизни. Муслим».

Туда, куда мы, по мнению Муслима, должны попасть, Кира угодила уже через несколько часов. После тренировки она с Максимом пошла пообедать в ресторан, где Максим попытался подавить ее волю и выведать необходимую ему информацию. Кира проявила себя молодцом, перенаправив его влияние в мою воронку. Я в это время работал на объекте в области и ничего не почувствовал. Узнал же о случившемся только из звонка Киры. Она была в хорошем настроении, довольна собой, нами. Только немного смущалась, когда все это рассказывала.

— Кирюша, то, что ты, вернее, мы — отбились, это замечательно. Ты действовала безупречно. Но мы должны и дальше повышать нашу боевую и морально-политическую подготовку, а ни в коем случае не отдыхать. Потому как побеждать нам необходимо всегда, ибо только это дает нам пропуск в счастливую жизнь, или хотя бы в дальнейшую жизнь. Мы попали в плей-оф, где игры — тебе, бывшей теннисистке, должно быть это известно — идут на вылет. Достаточно всего лишь одного поражения, чтобы перечеркнуть все до-

стигнутое, по крайней мере, в этой жизни, а может, и саму жизнь. Поэтому шапкозакидательство отменяется. Навсегда. И второе. Я уже говорил тебе: ты можешь вести себя, как тебе хочется, я же люблю тебя такой, какая ты есть и буду с тобой. Я не собираюсь осуждать тебя за что бы то ни было, когда бы то ни было. Поэтому любые комплексы и внутренние зажимы отменяются раз и навсегда. Ты можешь говорить мне правду, если хочешь, я также разрешаю тебе врать мне. Поэтому больше не нужно беспокоиться, что вдруг всплывет какая-нибудь ложь или нестыковка. Никаких проблем, я же сам разрешил. Любимый солдат — Кира, разъяснения ясны?

— Так точно, мой генерал, ясны, как никогда. Говори, что делать?

— Не расслабляться, все время быть начеку к врагам и внимательным к себе. Как говорил великий и умный Гурджиев. Нам еще очень многое нужно успеть сделать.

— Что же нам нужно успеть?

— Нужно успеть все вспомнить. Чтобы в следующий раз мы сразу нашли друг друга. Это главная стратегическая задача. Упражнения для ее решения я разрабатываю, и мы с тобой обсудим их в ближайшее время.

Через день, когда Кира плавала в бассейне, какой-то дед, видом как из мультипликационной сказки, загипнотизировал ее. Кира утверждает, что она пробыла без сознания около часа. Что было в этот час? Неизвестно. Я же в это время звонил ей беспрерывно. Я чувствовал очень сильное влияние и видел, что оно идет через Киру. Я даже понимал, что это снятие информации, было такое чувство, как на приеме у стоматолога, когда снимают слепок зубов. Во внутреннем пространстве, на фоне черной вечности совсем близ-

ко пульсировала маслянистая звезда — Максим. Но этот безумный час прошел, Кира ответила на звонок. Максим в тот же день попрощался и, кажется, тут же уехал. Сдался? Во внутреннем пространстве я видел, как маслянистая звезда, перестав пульсировать, потускнела и отдалилась. Ее внимание, которое не ослабевало уже полгода, стало еле заметным. Я интерпретировал это как отъезд. Какую информацию смог считать Максим, что заставило его уехать? То, что цветка больше нет? Или то, что Кира со мной, а вместе мы сильнее его? Хорошо, что он уехал, но еще лучше понять — почему?

Глава 16

Ветер дует в сердце,
Выдувая из сердца сердце.
Сердце без сердца — ветер.

Ветер дует в спину
И наклоняет волю.
Боль распрямляет волю.
Боль — это новое сердце.
Сердце вмещает сердце.

Боль сильнее ветра.

Пусть будет боль в моем сердце.

В субботу я повел Силу на прогулку. Впервые днем. Выйдя на улицу, Сила тут же заявила, что теперь она умеет гулять днем. Присовокупив гуляние днем к быстрорастущему списку умений. Мы медленно прогулялись до развлекательного центра рядом с домом. Сила держалась за меня двумя руками и крутила головой вокруг. Ее очень заинтересовали дети.

— Смотри, маленький человек.

— Где? — я повернулся, пытаюсь найти глазами того, о ком говорила Сила.

— Вон, в красной одежде, маленький человек.

— А, это ребенок. Люди рождаются маленькими, а потом постепенно растут. Этому, судя по росту, уже года три. Год это цикл, помнишь я тебе рассказывал? Родители его постепенно учат всему, что необходимо уметь, чтобы действовать в этом мире.

— А этот ребенок принадлежит родителям?
— Родителям. Папе и маме.
— И они могут делать с ним, что захотят? Дергать за ручки, за ножки? — мы с Силой остановились, разглядывая ребенка.

— Нет, не могут. Кое что могут, но не все. По крайней мере, они могут делать с ребенком больше, чем другие люди. Но далеко не все, что захотят.

— Значит, это не их ребенок, — она отрицательно покачала головой, — если они не могут делать с ним, что захотят. Твое — это когда ты можешь делать с этим, что захочешь.

Как всегда Силе удалось легко поставить меня в тупик. Наверное, действительно, это не дети принадлежат родителям, а родители — детям. Ведь именно дети могут делать с родителями все, что захотят. Бред какой-то. Лучше сменить тему.

— Смотри, это светофор. Видишь, вон там — светящийся красный человечек, это значит, что людям сейчас переходить улицу нельзя. А машинам светится зеленый свет, они едут. Скоро у нас будет светиться зеленый человечек, и мы сможем перейти дорогу, а машинам — наоборот зажжется красный, и они не остановятся.

— Какое умное существо, — подняв голову, Сила с восхищением смотрела на светофор. — А откуда он узнает, когда нужно запрещать машинам и разрешать людям? Он здесь главный?

— Это не существо, это программа, он не знает, он просто переключает по очереди.

— Ну, это неинтересно — обычная программа, тем более такая простая. А я подумала, что он управляет людьми, что он здесь самый главный.

По большой площади перед развлекательным центром, как обычно в выходные, прогуливались те люди, которым было лень дойти до парка.

— Смотри, смотри некоторые люди толкают перед собой повозочки. Вон и вон. У них что там, вещи? — Сила движением подбородка показала на женщину с коляской.

— Нет, милая. Там они возят своих еще совсем маленьких детей. Детей, которые еще не научились ходить.

— А зачем им дети, если они не их? И с ними нельзя делать все, что хочешь?

В здании центра нас встречали пластмасовая елка и приветливо махающий рукой механический Дед Мороз. Причудливый водяной каскад шумел потоками воды. Сила замерла при входе.

— Смотри, как красиво. О-о-о. Кто здесь живет? Самый главный? Здесь лучше, чем у тебя дома. Смотри, вон течет вода. Здесь можно плавать? А вон Новый год, — указала на елку. — Смотри, кто-то стоит там, улыбается и машет мне. Пойдем к нему, пойдем!

У Деда Мороза у нас случился конфуз. Сила радостно поздоровалась, немножко подождала и расплакалась.

— Он мне не отвечает. Может, он не мне улыбается, не мне машет?

Люди начали оглядываться. Красивая девушка, модно одетая, стоит около елки, держится двумя руками за своего молодого человека и плачет во весь голос.

— Милая, постой плакать. Он не может тебе ответить, он искусственный, из пластмассы. Не живой. У него внутри мотор, который машет его рукой. И все, больше он ничего делать не может.

— Такой красивый и неживой? — Сила вытерла слезы и дотронулась пальцем-щупом до Деда Мороза. — Точно, не живой. — Отрицательно покачала головой. — А зачем он стоит тут, и обманывает? —

Шмыгнула носом. — Машет рукой, а не отвечает. Зачем нужен не живой?

Мы гуляли по этажам, смотрели фонтаны, афиши, магазинчики. В глубине здания, за широкими стеклянными дверями синим неоном подмигивали ряды одноруких бандитов.

— Смотри, как там красиво. Пойдем туда, что там?

— Это игровой клуб. Там играют на деньги. Наверное, тебе будет интересно — пойдем, посмотрим.

Но не дойдя до входа, Сила остановилась, как будто ударилась в стену.

— Стой, туда нельзя.

— Что случилось, ты себя хорошо чувствуешь? — забеспокоился я.

— Там плохие вибрации, разрушающие. Туда нельзя, — Сила пятилась назад, увлекая меня за собой. — Как странно. Так красиво, но нельзя, — она отрицательно качала головой.

— Хорошо, пойдем посмотрим кафе. Может, выпьем чего-нибудь или съедим. — Я решил переключить внимание Силы.

Поскольку комплекс только недавно открылся, и я пока еще плохо изучил его планировку, мы попали не в кафе, а на балкон этажом выше — над кафе. Встали у перил, разглядывая то, что происходило под нами. За одним из столиков папа усаживал свою маленькую дочку. Поставил перед ней стакан с напитком, а официантка принесла большую, красиво сервированную тарелку. Девочка, взяв в руки нож и вилку и подняв локти над столом, примеривалась — с чего начать.

— Неужели ребенок все это съест? — удивилась Сила. — Наверное, то, что у него на тарелке, вкусно. Оно течет?

— Нет, не течет. Но я думаю, там действительно что-то вкусное.

— Хорошо, Кирилл, пойдем домой. Я устала. В вашем мире очень много людей, слишком много, и они все вибрируют. Мне тяжело это переносить. Пойдем.

Дома, во время прощания, Сила выглядела очень уставшей.

— Давай в следующий раз пойдем в кафе, и ты купишь мне такую большую вкусную тарелку, как папа купил ребенку. И я буду это есть, пускай оно и не очень течет, но я видела, ребенку это нравилось, я тоже так хочу. А сейчас я устала. Я люблю тебя.

Кира была умиротворенной после ухода Силы. Мы замечательно провели вечер и утро следующего дня. И только к обеду нервозность начала снова проявляться в поведении Киры.

Я сказал, что пойду с Силой пообедать в кафе, и получил указание не давать Силе ничего жирного и поменьше углеводов, чтобы не поправиться. Кира надела сапоги, и сходила в туалет, поскольку то и другое пока не поддавалось освоению Силе. Кира с улыбкой ожидала, какие манипуляции я буду делать с ней, чтобы позвать Силу, и заверила меня, что уж сегодня мне не удастся утаить от нее, как я это делаю. Она села и вопросительно смотрела на меня.

— Хорошо, Кирочка. Сейчас ты все увидишь, только, пожалуйста, делай то, что я буду говорить тебе, достаточно быстро, иначе ничего не получится. Хорошо? — я опасался, что стирание памяти, которое давал шар, может быть недостаточным, если Кира сильно задержится, изучая то, что попало ей в руки.

— Хорошо. Давай, не тяни.

Я достал шар.

— Что это за народное творчество? — Произнесла она уже знакомые слова. — Неужели с помощью этого ты зовешь Силу?

— Да, ты права, я бессилён. Ты раскрыла мой секрет, молодец. Держи шар и дуй сюда. — Я указал пальцем, куда дуть.

— И все? Так просто? — Кира с недоверием поднесла шар к лицу и тихонько подула в него, видимо, стараясь уловить происходящие изменения. Я внимательно наблюдал за ней, и мне показалось, что она не успела ничего заметить...

— Маши — не маши мне своей рукой, я не буду с тобой больше здороваться. Я знаю, ты не живой, — сказала Сила Деду Морозу, когда мы вошли в развлекательный центр. Мы посмотрели на падающую воду, прошли по этажам, рассматривая все, что попадалось на пути — людей, которых сегодня здесь было еще больше, афиши новых и старых фильмов, витрины и просто элементы интерьера. Зашли в кафе. Оно имело два части. Одна посередине между лестничными пролетами, а вторая сбоку, на балконе над боулинг-центром. Я подумал, что Силе будет интереснее на балконе, где мы нашли один свободный столик. Сила сама сняла куртку и, улыбаясь, протянула мне.

— Вот, я умею снимать куртку в кафе.

Внизу было шумно, на всех дорожках шла игра. Нам принесли меню. Я на какое-то время отвлекся, выбирая, что заказать. Краем глаза я заметил, что рука Силы, лежавшая на столе, дрожит. Опустил меню, Сила сидела очень ровно с перекошенным лицом, ее руки уже не просто дрожали, а тряслись.

— Милая, ты как себя чувствуешь? Что-то не так?

— Мне плохо. Отсюда... Меня... Вибрации... Вокруг...

Я вскочил, уронив стул. Начал поднимать Силу, но ее тело окоченело, а руки с большой скоростью совершали колебательные движения. Я сорвал с вешалки наши куртки, схватил Силу на руки и побежал к вы-

ходу. Меня что-то спросила охрана, но я не разобрал что, и побежал дальше. Через площадь, к светофору. Холодный воздух немного привел меня в чувство, но, увы, не Силу. Ее состояние ухудшалось. Руки дрожали, тело билось в конвульсиях, она часто дышала широко открытым ртом. Если бы я не тренировался каждый день, наверно, я бы не донес ее домой, или, по крайней мере, не так быстро. Возможно, только для этого и стоило всю жизнь тренироваться, подумал я отрешенно.

Дома я уложил ее на диван. Делал массаж, растирал виски, брызгал холодной водой, но ничего не помогало. Тело Киры или Силы выгибалось от спазм, были видны только белки глаз, она дышала очень часто и тяжело. Вокруг нее даже воздух наэлектризовался. Это натолкнуло меня на мысль, что делать. Я лег на нее, сместив восприятие, увидел свою воронку, в которую и вобрал все негативные вибрации, которые излучало тело Силы. Она затихла подо мной. Ее дыхание постепенно успокоилось. Кажется, она уснула или была без сознания.

Прошел час с того времени, как ушла Кира и появилась Сила, пора делать обратный обмен. Я помассировал ладонь моей девушки, потом тихонько потряс за плечо. Стало ясно, что Сила не спит, она без сознания. Или, может быть, не она без сознания, а тело без сознания, подумал я. Возможно, Сила смогла сама покинуть это тело, или ее вынесло каким-то образом отсюда в тот мир, где она обитает, а Кира не смогла войти, потому что я не успел осуществить выход Силы по правилам? Да, интересный поворот. У меня снова выступил холодный пот.

Прошло несколько часов. Я сначала следил за временем, чтобы как только Сила придет в себя, сразу вернуть Киру. Потом просто сидел рядом, пытаюсь по

чертам лица угадать, кто сейчас в теле: Сила или Кира. Выглядели они очень по-разному, хотя, казалось бы, тело одно, но различать можно было сразу и без колебаний. Я всматривался, но лицо было расслабленным, и я не мог догадаться, кому оно принадлежит. Потом вдруг пришло понимание, что все сроки прошли и уже наверное все равно, кто придет, лишь бы кто-то пришел, а там будем решать, что делать. Я включил торшер, в квартире было тихо, я сидел и ждал.

Глаза открылись поздно вечером. Но я заметил изменения несколько раньше. Лицо приобрело черты Силы, когда даже веки еще не задрожали. У меня как камень с души упал.

— Не сердись на меня. Там такие вибрации, они очень большие. Я не привыкла к такому, и они смяли мои барьеры. Прости, пожалуйста. Я так хотела... Как тот ребенок... С большой тарелкой... Не сердись, прошу тебя, — Сила сидела на диване и жалостливо смотрела на меня.

Я обнял ее. Обнял как самого дорогого мне человека. Или не человека. Впрочем, все равно.

— Что ты, милая, дорогая моя девочка. Я совсем не сержусь. Как хорошо, что ты вернулась. Это я сам виноват. Я должен был прочувствовать ситуацию. Это ты меня извини, что я допустил такое. Как ты себя чувствуешь?

— Я хорошо. Я уже полностью самовосстановилась. Я, знаешь, как умею восстанавливаться! Я в порядке. Есть хочу. Мандарин есть?

— Мандарин у меня есть. Но, наверное, ты его съешь в следующий раз, я беспокоюсь о Кире. Ты здесь уже очень долго, я боюсь, чтобы это было не слишком долго. Вставай, мне необходимо срочно вернуть Киру. Я к твоему следующему разу приготовлю

самых лучших мандаринов, апельсинов, лимонов и грейпфрутов, а сейчас тебе пора.

— И даже одной дольки сейчас нельзя? — судя по всему, Сила действительно полностью восстановилась.

— Нет, все в следующий раз.

Увы, с первого раза ничего не получилось. Я выдернул Силу из мысленно нарисованного круга, но она только вопросительно посмотрела на меня. Такого у меня еще не было. Наверное, сегодня был не мой день. Второй раз я сосредоточился более серьезно, мысленно нарисовал вокруг нас светящийся цилиндр, очень крепко обнял Силу и выдернул ее из этого цилиндра на диван.

— Не получается, да? — придя в себя после встряски, от которой чуть не оторвалась голова, кротко спросила Сила. — Я еще здесь. Я пить хочу.

Я попробовал еще раз, уже без надежды на успех. С тем же результатом.

— Ну не переживай, Кирилл. Я с тобой. Какая разница, она или я? Она уже побыла здесь, теперь я буду вместо нее. Я буду тебе во всем помогать. Я уже многое умею.

— Чем же ты мне будешь помогать? Груши откусывать?

— Да, я умею грушу откусывать. — Сила сказала это с гордостью. — Ты меня научи, и я буду делать все, что нужно. Мы будем вместе. Ты будешь главный, а я тебе помогать.

— Ладно, милая помощница, пойдем на кухню.

Я налил Силе минеральной воды, положил перед ней мандарины. Себе налил коньяка.

— Вода печет мне рот. Что это? Она очень горячая?

— Это вода с газом, — сказал я устало.

— Где он? Я его не вижу. Здесь просто вода.

Я сидел напротив Силы,пил коньяк и наблюдал за ней и, вероятно, сходил с ума. Тяжелый и липкий бред окутывал мои мозги. Я понимал, что передо мной, скорее всего, не Сила, а Тень. Это понимание я выстрадал, хотя пришло оно как мгновенная уверенность. Неужели это то самое существо, непонятное и запретное, которое всеми способами стремилось упасть в этот мир. Найдя в Кире дверь, оно пробовало то одно, то другое, манипулируя людьми и событиями, оно прокладывало путь. Давид вышел из-под контроля, сошел с ума, и оно убило его. Ему нужно было живое подконтрольное тело, а не сумасшедший. Это не мы убили Давида. Мы явились орудием. Зачем? Что так привлекает и манит сюда это существо? Какой вкус имеет эта реальность для него? Какой цвет? Какой смысл? Оттуда рвутся сюда, отсюда туда. Выходов нет. Одни входы. Тут это там, там это здесь. Такая простая истина. Но как тяжело она дается. И так немногим. Или истина совсем другая?

Оно естественно, искренне и открыто, как ребенок. Оно не помнит себя и не знает, кто оно. Но я знаю. Как самозабвенно, с закрытыми глазами, медленно гоняя по рту любую пищу, оно ест. Больше всего любит то, что «течет». Вон, давит во рту дольки мандарина и щурится от счастья. Еще любит клубнику и красную икру. А как смотрит! Будто через трубу. Испуганно вздрагивает при каждом шорохе. А было Тенью. Циничной и расчетливой. Интересно, знало ли оно, что при падении сознание изменится настолько, что потеряет себя. И станет — я посмотрел на Тень — милым и гениальным. Возможно, мы все что-то забыли. По крайней мере, забыли одно, самое важное — зачем мы здесь. Но где Кира? Я должен вернуть Киру. Я хочу Киру. Я люблю Киру. Я не могу без нее.

Но как? Муслима нет. Ни одного письма за десять дней. Я один. Совсем. Что я? Кто я? Инструмент, оружие или действующее лицо?

Тень подбежала, обняла меня за шею, крепко прижалась и стала тереться о мою щеку. — Я люблю тебя, не грусти. — Сказала она. — Я с тобой.

— Я тоже тебя люблю. — Это было правдой. Я любил ее, как ребенка, как непонятное и милое создание. Но я любил и Киру. Я не мог без Киры. Но похоже, в этой игре я проиграл... Вместе с Кирой.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	34
Глава 3	66
Глава 4	92
Глава 5	114
Глава 6	145
Глава 7	174
Глава 8	183
Глава 9	204
Глава 10	220
Глава 11	257
Глава 12	274
Глава 13	302
Глава 14	331
Глава 15	354
Глава 16	388

Литературно-художественное издание

Колесник Елена,
Федорив Андрей

ТЕНИ

Выпускающий редактор
Ю.Р.Камалова
Художественный редактор
М.Е.Басипова
Технолог
С.С.Басипова
Оператор компьютерной верстки
М.Е.Басипова
Корректор
О.В.Фролова

Подписано в печать 19.03.2007

Формат 84x108/32

Тираж 5000 экз.

Заказ №

ООО «Бослен»

107259 г. Москва, Бухвостова 1-я ул.,

д. 12/11, стр. 17-18

Отпечатано в ОАО ИПК

«Ульяновский Дом печати»

432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14